

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 4 · № 5 · СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ · 2006

Содержание

Религиозный ренессанс? *Фёдор Лукьянов* 5

Религия вместо идеологий

Возврат в Средневековье? *Георгий Мирский* 8

XXI век будет эпохой этнических и этноконфессиональных конфликтов. В условиях идеологического противостояния двух мировых систем они оставались «замороженными». Но теперь нации, этнические группы, конфессиональные сообщества принялись сводить друг с другом старые счёты.

О разуме и вере *Кардинал Йозеф Ратцингер* 20

В религии случаются крайне опасные патологии, поэтому она должна позволять божественному свету разума очищать и упорядочивать ее. Но существуют и патологическое высокомерие разума, который нуждается в напоминаниях о его границах и обязан учиться у великих религиозных традиций.

Божья страна? *Уолтер Рассел Мид* 30

Религия всегда была важной движущей силой политики Соединенных Штатов. Однако в последнее время численность и влияние евангелической общины возросли настолько, что американская политическая арена претерпела серьезные изменения. Это оказало драматическое воздействие и на внешнюю политику. Но оснований для паники нет: евангелисты фанатически привержены идее справедливости и цели сделать мир лучше. Они также стремятся взаимодействовать с представителями других конфессий.

Война умов

Сколько на Земле цивилизаций? *Александр Янов* 54

Даже в страшном сне Аристотелю не могло присниться такое толкование, в соответствии с которым варварская Персидская империя, пожелавшая стереть с лица земли демократические Афины, являлась всего лишь соседней цивилизацией. На исходе XX столетия теоретическую базу под этот постулат, ставящий на одну доску демократию и деспотизм, подвел американец Самьюэл Хантингтон.

Содержание

Конфликт цивилизаций: исчезновение или возрождение России?

Михаил Демурин

65

Россия становится объектом возрастающей экспансии сильнейших цивилизаций — западной, мусульманской, китайской. И перед нами стоит задача не только сохранить собственное «я», но и не оказаться рекрутированными той или иной стороной конфликта. С Западом нас объединяют общие христианские корни, с Востоком — глубинное неприятие либерализма.

Европейский «центр» и его «окраины» *Владислав Иноземцев* 77

Тезис об особости России принимается ныне как данность, не требующая доказательств. Между тем нынешняя Россия если и кажется уникальной, то не более, чем другая «окраина» Европы — Соединенные Штаты. Россия и Америка очень схожи друг с другом и резко отличаются от Европы.

Создать идентичность

Что значит быть британцем *Гордон Браун* 94

Чем определяется британская национальная идентичность — общими ценностями либо только национальной принадлежностью? Но если ясно понимать, что именно общие ценности (а не цвет кожи или институты) определяют, что значит быть британцем в современном мире, то можно строить новые и современные отношения между государством, сообществом и индивидом.

Иммигрантские сообщества: опыт Франции *Елена Деминцева* 105

Проблема возникновения замкнутых инокультурных сообществ, сопротивляющихся попыткам ассимиляции, уже давно назрела в Западной Европе. Сегодня она все более актуальна и в России. Отечественным политикам полезно изучить опыт Франции, которая активно ищет ответы на вызовы, связанные с этническим многообразием.

Каким нам видится ислам *Алексей Малашенко* 116

Образ врага, формирующийся в российском обществе, окрашен в религиозные тона. «Исламская угроза» постепенно превращается в главное «пугало», чему способствуют многочисленные бытовые стереотипы и возникающая государственная идеология противостояния всему тому, что кажется «чуждым».

Взгляд со стороны

Проблемы становления или сдвиг парадигмы?

Кодзи Ватанабэ, Родерик Лайн, Струоб Тэлботт

130

Возрождение России из пепла не привело к углублению партнерства, на которое рассчитывал Запад. Вместо этого наши отношения образца 2005–2006 годов (если судить по политической риторике) деградировали до самой низкой отметки со времени распада Советского Союза. По мнению многих, планка отношений будет опускаться и впредь.

Между партнерством и разладом *Роберт Легволд* 141

Главная причина непрочности американо-российских отношений состоит в том, что стороны недооценивают их обоюдную важность. Со времени крушения Советского Союза громкие заявления Москвы и Вашингтона о необходимости сотрудничества и несении некой общей ответственности так и не убедили ни парламентариев, ни прессу, ни общественность обеих стран.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»

ВАЙНШТОК С.М.
ОАО «АК «Транснефть»»

ВАРДАНИЯН Р.К.
«Тройка-Диалог»

ВЕКСЕЛЬБЕРГ В.Ф.
ОАО «СУАЛ-Холдинг»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
*председатель совета директоров
Ассоциации по защите прав
инвесторов*

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.
«Новые программы и концепции»

КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»

УЧРЕДИТЕЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
(РАБОТОДАТЕЛЕЙ)

ОАО «РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
“ИЗВЕСТИЯ”»

Издается АНО РИД «Глобус»

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (095) 980-7353
Факс: (095) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 2263.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)
БИЛЬДТ Карл (Швеция)

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)

ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)

КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОЛЬ Гельмут
(Германия)

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)

ЛИВШИЦ А.Я.

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ПОЗНЕР В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)

РЫЖКОВ В.А.

ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ Джеймс (США)

ШМЕЛЁВ Н.П.

ЭЛЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.
БУТОРИНА О.В.
ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.
ЛОМАНОВ А.В.
МИРСКИЙ Г.И.

ШКУНДИН М.З.
ЭНТИН В.Л.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Известия», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно».
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Ответственный редактор
Александр Кузьяков

*Заведомо
переводной литературы*
Любовь Рыклина

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блинникова

Ответственный секретарь
Елена Никитина

Автор макета
Константин Радченко

Верстка
Наталья Заблочките

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
subscribe@globalaffairs.ru

Англоязычное издание
Russia in Global Affairs

Редактор
Ринат Якубов

Стилист
Роберт Бридж

Корректор
Людмила Купченко

Иллюстрации
Александр Бобосов

Религиозный ренессанс?

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Нынешний год в мировой политике можно назвать годом религиозного всплеска. Сначала вспыхнул «карикатурный скандал»: насмешливые изображения в датской газете пророка Мухаммеда исламский мир посчитал страшным оскорблением, в то время как европейцы увидели в работах художников проявление свободы слова. Осенью нашелся новый раздражитель — средневековая цитата об исламе, прозвучавшая в лекции папы римского Бенедикта XVI. Пока мусульмане гневно возмущались словами понтифика, в секуляризованном и политкорректном Старом Свете начали раздаваться непривычные голоса: мол, сколько можно извиняться перед мусульманами и идти у них на поводу; пора, дескать, вспомнить о собственных ценностях, главное из которых — христианство.

Религиозная общественность в очередной раз заявила о себе, организовав масштабную кампанию против фильма «Код да Винчи», в котором представители разных конфессий усмотрели глумление над верой. Но даже не будь этих шумных событий, тенденция очевидна: идейный вакуум, образовавшийся по окончании противостояния двух мировых систем, заполняют отнюдь не те идео-

логии, торжества которых ожидали после завершения холодной войны. Не случайно к Богу апеллируют столь разные политики, как Джордж Буш, Владимир Путин и Махмуд Ахмадинежад. А наиболее бурно развивающаяся политическая сила — это радикальный ислам, популярность которого в Третьем мире растет. О феномене «Нового Средневековья», когда этноконфессиональная принадлежность вновь становится основой самоидентификации наций и государств, пишет **Георгий Мирский**. А **Уолтер Рассел Мид** анализирует растущую роль евангелической общины в политике Соединенных Штатов. На религиозность российского и американского обществ указывает **Владислав Иноземцев**, находя немало аналогий в устройстве и поведении обеих стран — антиподов в мировой политике. Кардинал **Йозеф Ратцингер** (ставший годом позже папой римским) сравнивает роль и место религиозного и светского сознания в современном мире. Эти суждения были им высказаны в ходе дискуссии с философом Юргеном Хабермасом, прошедшей в 2004 году. Любой разговор о религиозной составляющей мироустройства неизбежно подводит к теме «столкнове-

ния цивилизаций» — ведь в его основе, согласно представлениям автора данной концепции Самьюэла Хантингтона, лежит как раз вера. С утверждением о множественности цивилизаций спорит профессор **Александр Янов**. Существует только одна цивилизация, считает он, та, что зиждется на идеалах свободы и уважения личности, а всё остальное — это не более чем проявления варварства. **Михаил Демурин**, напротив, говорит об уникальной российской цивилизации, которую нам предстоит защищать от напора других, прежде всего западной.

К несчастью, жители развитого мира могут наблюдать «столкновение цивилизаций» в повседневной жизни. Конфликты с представителями иных культур все более очевидны по мере расширения миграционных потоков, а это, в свою очередь, заставляет ломать голову над тем, как сохранить национальную идентичность. Свое видение современной британской идентичности излагает министр финансов Великобритании **Гордон Браун** — вероятный преемник Тони Блэра на посту премьера. Его рассуждения о том, на чем может базироваться самоидентификация поликультурной и открытой миру страны, имевшей в прошлом опыт великой империи, полезны и для России, где данная проблема стремительно приобретает остроту.

В частности, в российском общественном мнении, пишет **Алексей Малашенко**, необходимо сформировать адекватный образ мусульман и ислама в целом. Осознанию этой и

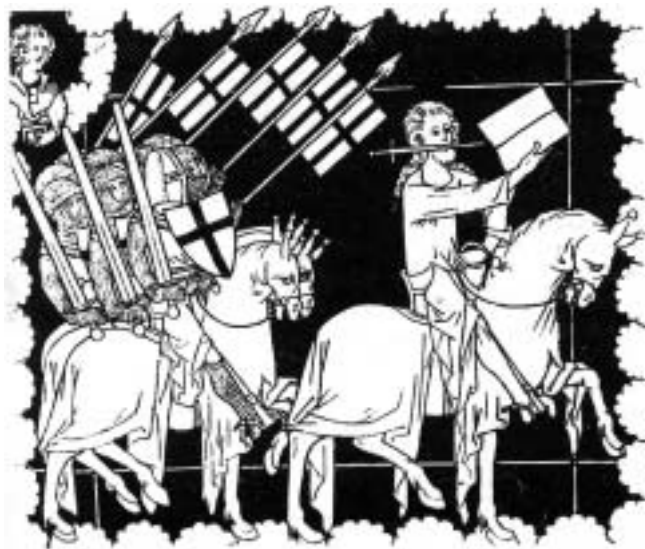
подобной российских проблем поможет понимание того, как чувствуют себя инородцы в других странах.

Елена Деминцева исследовала самоощущение жителей парижских предместий, тех самых, где год назад вспыхнули массовые беспорядки.

В номере публикуется статья **Кодзи Ватанабэ, Родерика Лайна и Строуба Тэлботта**. Авторы доклада о России, подготовленного Трехсторонней комиссией, анализируют ухудшение отношений Россия — Запад. О том, есть ли шанс укрепить связи между Москвой и Вашингтоном, размышляет **Роберт Легволд**. В центре внимания **Айво Даалдера и Джеймса Голдгайера** — будущее НАТО как глобального, общемирового альянса. **Алексей Пилько** напоминает, что почти полвека назад президент Франции Шарль де Голль уже пытался сделать зоной ответственности Североатлантического блока весь мир, но тогда этому воспротивились в Белом доме.

Харальд Мюллер оценивает невеселые перспективы нераспространения оружия массового уничтожения: КНДР — это явно не последнее государство, которое обрело ядерный статус. **Владимир Фейгин** усматривает в решении «Газпрома» самостоятельно осваивать Штокмановское месторождение симптом кардинальных перемен на энергетических рынках. Наконец, **Александр Аксенёнок** затрагивает одну из самых острых международных проблем — вопрос о праве наций на самоопределение; он сравнивает ситуацию в Косово с тем, что происходит сегодня на Южном Кавказе.

Религия вместо идеологий

“*Западная цивилизация в растерянности. Исчезает и основанная на рациональном подходе надежда на будущее, и вера. Все условно, все неоднозначно, все можно толковать и так и этак. В условиях отсутствия четких ориентиров мыслящие люди задают себе вопрос: а не идет ли дело к тому, что человечество окажется перед устрашающим выбором — между Сциллой общества вседозволенности без каких-либо моральных императивов и Харибдой порядка, напоминающего некий глобальный «Талибан»?*”

Возврат в Средневековье? *Георгий Мирский*

8

О разуме и вере *Кардинал Йозеф Ратцингер*

20

Божья страна? *Уолтер Рассел Мид*

30

Возврат в Средневековье?

Георгий Мирский

Словосочетание «Новое Средневековье» уже довольно прочно вошло в современный политический лексикон. В основе этого понятия — две взаимосвязанные тенденции.

Во-первых, из «темных веков» в наше время словно возвращаются такие явления, как децентрализация систем управления, хаотичность противоборствующих групп власти и экономического влияния. Когда государство теряет способность контролировать локальные, зачастую транснациональные силы, будь то, например, наркомафия или сетевые террористические структуры, начинается деградация рациональных, цивилизованных форм устройства государственной жизни (в том числе и в глобальном масштабе). Это особенно ярко проявляется на пространстве Третьего мира: в странах Латинской Америки, где целые районы мегаполисов контролируются бандами, в тропической Африке с ее распадающимися государствами и войнами местных «армий». Но также и в развитых государствах отмечается процесс образования локальных «центров силы», бросающих вызов центральной власти и претендующих на роль частных «мини-государств», не говоря уже о росте влияния криминальных и полукриминальных группировок.

Второй, возможно даже более существенный, феномен подтверждает, что, вопреки надеждам просветителей и либералов, цивилизация и прогресс не изменили к лучшему природу человека. В целом ряде конфликтов наблюдается отход от общепринятых разумных норм поведения, основанных на признании как

Г.И. Мирский — профессор Государственного университета — Высшей школы экономики, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике».

Взятие сербами турецкой крепости.
«Газета А. Гатцука», 1876 г.

верховенства закона, так и фундаментальных, незыблемых моральных ценностей.

«ГЛОБАЛЬНЫЕ МАРГИНАЛЫ» И ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕОКРАТИИ

По мнению, широко распространенному среди историков и политологов, XXI век будет эпохой этнических и этноконфессиональных конфликтов. Те глобальные факторы, которые определяли ход мировых событий во второй половине минувшего столетия (в первую очередь холодная война и вечная угроза ее перерастания во всеобщую ядерную катастрофу), ушли в прошлое. Все выглядит так, будто человечество, избавившись от идеологически мотивированных конфликтов, занялось решением более значимых и насущных проблем. В условиях противостояния двух мировых систем они оставались «замороженными». Но теперь на первые позиции повестки дня вышли вопросы, связанные с давними ссорами национального и религиозного свойства. Нации, этнические группы, конфессиональные сообщества принялись сводить друг с другом старые счеты.

Укоренившийся после Октябрьской революции раскол мира по идеологическому принципу имел в известной степени искусствен-

ный, противоречащий природе человечества характер. Национализм и религия, в которых марксизм отказывался видеть одну из движущих сил поведения людей, оказались несравненно более сильной мотивацией, чем классовая вражда и жажда социального равенства. Вероятно, именно эта особенность человеческой психики объясняет, почему движения, зиждущиеся на идеологии классово-борьбы, довольно быстро раскалываются и распадаются в отличие от этнических и конфессиональных движений.

Когда в определенной группе населения вызревает убеждение в том, что она является обездоленной и дискриминируемой именно вследствие ее этнических либо конфессиональных отличий от господствующей общности, у нее формируется менталитет, угрожающий возникновением в обществе перманентного насилия. Речь идет о своего рода новом люмпен-пролетариате — о маргинальных слоях, отчужденных от преобладающей, более состоятельной и привилегированной части населения. Например, таких, как негры в США, образующие так называемый *underclass*, или бунтовавшие в 2005 году в парижских предместьях арабские подростки.

Глобальным маргиналом ощущает себя и значительная часть жителей стран Третьего мира, которая образует транснациональный *underclass*. Прежде всего это относится к миру ислама. В наши дни, пожалуй, ни одной другой общности не свойственны ни столь сильное недовольство существующим в мире порядком вещей, ни такой высокий уровень напряженности и фрустрации, ни подобные мощные выбросы насилия. И именно в исламском мире в большей степени, чем где бы то ни было, наблюдаются явления, которые обычно подразумевают, говоря о Новом Средневековье. В частности, там возродилась теократическая модель государственного устройства.

Действительно ли тут дело в самой сути мусульманской религии, как утверждают исламофобы, влияние которых, к сожалению, выросло на фоне активности «Аль-Каиды» и терактов 11 сентября 2001 года? Отвечая на этот вопрос, необходимо иметь в виду и различать два важных обстоятельства.

Во-первых, ислам — это религия в строгом смысле данного слова. Как и прочие религии, мусульманская вера не может нести ответственность за то, как ее интерпретируют политики, и поэтому несправедливо и политически опасно возлагать на ислам вину за такие явления, как, в частности, транснациональный исламистский терроризм, обычно ассоциируемый с «Аль-Каидой». Конечно, в ис-

ламе, как, впрочем, и в других великих религиях, немало противоречий. Одни суры Корана говорят об органической воинственности и нетерпимости мусульман, другие же — об их миролюбии. Почти за полторы тысячи лет основные догматы ислама не изменились, современные политические радикалы-мусульмане (исламисты, салафиты, джихадисты) не внесли и не собираются вносить ничего нового в сущностное содержание религии, покоящейся на незыблемых постулатах Корана и сунны (сунна — сборник записанных мусульманских священных преданий, или хадисов, о Магомете, его поступках и изречениях. — **Ред.**).

Во-вторых, ислам представляет собой целостное мировоззрение, комплекс норм поведения, систему общественного устройства и государственного управления. И в этом смысле можно говорить об исламе классическом и традиционном. Классический ислам VII—XIII веков в полной степени воплощал в себе известный постулат о нераздельности духовного и светского начал; это была эпоха халифата, эпоха теократии. Но после взятия Багдада монголами в 1258 году власть халифа, олицетворявшая единство мусульманской общины (умма) и слитность государства и религии, сошла, по существу, на нет и была заменена властью светского правителя — султана. Вопреки распространенному мнению, в этой новой, ставшей традиционной на все последующие столетия модели государственного управления теократический принцип фактически отсутствовал.

И турецкий султан, и персидский шах, управлявшие двумя наиболее могущественными мусульманскими державами, являлись, по сути дела, светскими правителями. Государственная власть принадлежала монарху, его двору и подчинявшимся им административным и военным структурам, духовные же лица получили в свое ведение сферы закона и образования. Таким образом, в руках улемов (богословы) находилась вся идеология, были сосредоточены все формы интеллектуальной деятельности, ритуала и судопроизводства, но все же не практическое управление государством.

При этом принципиального конфликта между дворцом и мечетью не было — в отличие от христианского мира, где в Средние века шла борьба папства с монархией.

ИСЛАМ И ИСЛАМИЗМ

Лишь в конце минувшего века имам Хомейни, победив шаха в результате «исламской революции» в Иране (1979), провозгласил принцип

правления духовных лиц, или «велят-е-факих» (факих — богослов-законовед). Так возродилась мусульманская теократия. Иран стал первым теократическим исламским государством современности.

Можно ли назвать это возвратом к Средневековью? Только условно, поскольку понятие «Средние века», как таковое, относится к Европе. Применительно к мусульманскому миру правильнее говорить скорее о попытке возврата к истокам. Именно убеждение в том, что только возвращение к первоначальному «чистому исламу» может спасти мусульманские народы, их идентичность и духовные ценности от разрушительного сатанинского влияния «растленной и аморальной западной цивилизации», лежит в основе мощного идейно-политического течения, обычно именуемого исламизмом (термин неясный и для мусульман вообще непонятный). Обращение к своим началам — это как раз то, к чему призывают исламские фундаменталисты (салафиты, от слова «салаф» — предки). Правда, салафиты принадлежат к суннитскому толку ислама, и некая ирония истории заключается в том, что теократия возродилась в Иране — стране шиитов, которых суннитские политики и идеологи презирают и ненавидят.

Исламизм возник как следствие несостоятельности слишком многих светских режимов в мире ислама, главным образом в арабских странах. «Ислам — вот решение!» — этот лозунг созданной в Египте организации «Братья-мусульмане» стал боевым кличем неуклонно набиравших силу мусульманских радикалов от улемов-фундаменталистов, вроде бы не имеющих отношения к политике, до джихадистов, призывающих к священной войне, включая террор, против западных врагов ислама. А за этим лозунгом стоят, естественно, и такие идеи, как возрождение теократической формы государственного устройства и восстановление в первоначальном виде, казалось бы, давно ушедших в прошлое норм шариата. В конечном счете это означает отрицание демократических принципов, прав человека, свободы выбора. Приходит конец традиционному сосуществованию дворца и мечети. Светская власть предается анафеме, демократическое устройство общества признается противоречащим исламу, поскольку основано на законодательстве, разработанном людьми, в то время как уже есть закон, данный на веки вечные Аллахом.

Как писал в немецком журнале *Internationale Politik* профессор из США Джеффри Херф, «идеологическое наступление на либеральную демократию и культурный модерн, на равноправие женщин и приоритет свободы личности над ограничениями коллективизма,

равно как и видение тотального и тоталитарного общества, возвращается сегодня в религиозном дискурсе. Как и их фашистские и нацистские предшественники в Европе, радикальные исламисты пропагандируют фанатический антисемитизм и связанный с ним крайний антиамериканизм в рамках параноидальных теорий заговора». Это действительно откат в глубокое прошлое, аналогичный тому, что могло бы произойти, вернись Европа к Средним векам, к временам инквизиции и религиозных гонений.

В Иране, Афганистане, Судане, где еще совсем недавно существовали достаточно умеренные, цивилизованные порядки, всплеск исламизма привел к возрождению всего наиболее мрачного и бесчеловечного из того, что считалось делами давно минувших дней. В Иране «правление факихов» сразу же ознаменовалось введением жестких норм поведения людей в духе искоренения «зловредных и безбожных нравов». Особенно это касалось женщин, которых не только обязали облачиться в длинные до пят черные платья, но и лишили права заниматься профессиональной деятельностью. Их единственной функцией провозглашались семейная жизнь и воспитание потомства в надлежащем духе. В первые годы после революции женщинам не разрешалось посещать спортивные мероприятия с участием мужчин: считалось недопустимым, чтобы они могли видеть полуобнаженные мужские тела. В тот период бойцы Корпуса стражей исламской революции могли схватить на улице и мужчину, если его рубашка была с коротким рукавом или с расстегнутой верхней пуговицей...

Сейчас от этой практики уже отказались, но «внесемейные контакты» между мужчинами и женщинами ограничены, трудно представить себе знакомства на улице либо в кафе. Спортивные, а также театральные мероприятия женщины могут посещать только в сопровождении супругов. Запрещена западная музыка, действует строгая цензура. На весь мир прогремела история с книгой «Сатанинские стихи» Салмана Рушди. Нынешнее руководство страны открыто призывает к уничтожению Израиля, отрицает Холокост.

Афганские талибы (сунниты) пришли к власти спустя полтора десятка лет после «исламской революции» в Иране и превзошли своих шиитских «собратьев» в мракобесии. Идея секуляризма была объявлена зловредной выдумкой Запада, нацеленной на подрыв исламского мира. После того как все ключевые посты в административных органах заняли лица духовного сословия, началась реализа-

ция программы тотальной исламизации общества. Функции контроля осуществляла полиция нравов при содействии мулл квартальных мечетей. Запретили музыку и театральные спектакли. Чтобы «искоренить скверну», широко применялись не только смертная казнь через повешение, но и избивание камнями, отсечение рук и ног, бичевание, чернение лица сажей. Обязательным считалось ношение бороды, регламентировалась длина волос. Женщины не имели права учиться и работать, ходить в магазин, покидать дом без сопровождения родственника мужского пола; они должны были носить чадру, закрывшую их с головы до ног.

Дискриминация женщин является неотъемлемой частью практики исламистов, как находящихся у власти, так и претендующих на нее. В населенном шиитами Южном Ираке бойцы «Армии Махди», контролируемой сторонниками создания исламской республики, облили кислотой женщину только за то, что у нее из-под платья виднелись голые лодыжки. Официальные представители Ирана во время поездок в западные государства отказываются пожимать руку женщине — представительнице встречающей стороны.

Вообще, так называемая гендерная проблематика занимает, по крайней мере на взгляд людей западной культуры, непропорционально большое место в многолетней кампании исламистов, направленной на дискредитацию цивилизации Запада. Так, виднейший деятель «Братьев-мусульман» Сайид Кутб после поездки в Соединенные Штаты полсотни лет тому назад опубликовал сочинение (до сих пор исключительно популярное среди исламистов), в котором утверждал, что Запад прогнил и деградирует прежде всего из-за того, что женщина имеет равные права с мужчиной. Кутба и его последователей приводили в ужас и негодование такие факты, как предоставление женщинам возможности обучать и воспитывать мальчиков и юношей, распространение добрых и внебрачных половых связей и т. д. «Царство феминизма и гомосексуализма» — так характеризуют западный мир исламистские проповедники.

«РЕИСЛАМИЗАЦИЯ» МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА?
Было бы еще полбеды, если б «возврат в прошлое» происходил только в странах с теократическими режимами. В конце концов, такого рода режим существует ныне лишь в Иране. Саудовскую Аравию к теократическим государствам причислить нельзя: там правит ведущая непримиримую борьбу с ячейками «Аль-Каиды» династия

с группирующимися вокруг нее кланами, а духовные лица хотя и обладают огромным влиянием, но на власть не претендуют.

Несравненно серьезнее то, что в последние десятилетия этот процесс затронул и мусульманские страны со светскими режимами. В Египте, Иордании и других арабских странах, а также в Турции и Индонезии все больше женщин носят хиджаб или же целиком закрывают лицо чадрой, в чем они не только не усматривают ни дискриминацию, ни унижение, но и даже видят гордый символ собственной приверженности религии.

Работающий во Франции иранский ученый Фархад Хосрохавар говорит в своей только что опубликованной книге «*Quand Al-Qaïda parle: Témoignages derrière les barreaux*» («Когда говорит “Аль-Каида”: свидетельства из-за тюремной решетки») о том, что Запад в глазах исламистов — это «апокалиптический монстр, который совершает свой inferнальный марш с целью разрушения мира и мог бы его погубить, если б не ислам, поднимающий знамя борьбы против Бегемота (мифическое животное, олицетворяющее силы зла. — Ред.) и намеренный положить конец царству содома и гоморры». Исламисты, пишет ученый, убеждены, что Запад — «это система жизни, по своей природе отличающаяся от того, что требует ислам», что базовые ценности двух цивилизаций «различны».

В чем же причина успеха идеологии, в основе которой такие тезисы, как несовместимость ислама с западными ценностями и порядками, с «противоречащими принципам ислама» идеями демократии, прав человека, равенства полов и пр.? Конечно, огромную роль в этом играют конкретные политические события: образование Израиля, рассматриваемое как катастрофа и унижение для всего мусульманского мира, вооруженные интервенции США и других западных стран на Ближнем и Среднем Востоке. Можно говорить и об экономическом факторе — отставании арабских стран от государств Запада, о нищете масс. Но всего этого недостаточно для объяснения того, что иногда совершенно некорректно называют «возрождением ислама» (он ведь никогда и не умирал!). И здесь мы должны вернуться к тому, что уже говорилось об *underclass*.

Несмотря на коллапс колониальной системы, понятие «угнетательский империализм» воспринимается многими миллионами людей как факт сегодняшней реальности. И в первую очередь это относится к мусульманам, которым с детства внушают не только то, что лишь их вера содержит истину (в это верят последователи лю-

бой религии), но и в то, что ислам, некогда господствовавший в мире, стал жертвой злых сил, стремящихся его погубить. Мусульмане с горечью видят, что силой, мощью и влиянием в современном мире обладают уже не они, а Запад. Это и порождает представление о царящей на Земле несправедливости, вызывает ощущение поправленного достоинства у тех, о которых Аллах сказал: «Вы были лучшей из общин, которая выведена пред людьми» (Коран, 3: 110).

Именно здесь следует искать корни мусульманского радикализма, исламизма. Реакция на длительную эпоху унижения, ненависть к тем, кто вызывает комплекс незаслуженной неполноценности, стремление вернуть себе величие — вот первая причина того возбуждения и постоянного психологического дискомфорта, той эмоциональной напряженности, фрустрации, которые формируют экстремистские настроения в мире ислама.

В арабских странах модернизация не оправдала надежды и все светские режимы (за исключением монархий), как избравшие западную, демократическую модель развития, так и пошедшие по социалистическому пути, потерпели фиаско. Благодаря этому создалась благоприятная почва для восприятия обществом тезиса исламистов о том, что причина несостоятельности таких государств состоит в их светском характере, в отходе от ислама. Интеллектуалы, политический класс, молодежь уже не могут верить в прогресс в его западном, претендующем на универсальность смысле. Возник вакуум, который и был заполнен идеями салафизма, исламизма, а затем — в частности, в результате зачастую высокомерной и интервенционистской политики Америки — и джихадизма. Те, кто еще недавно выражал свои чаяния в поддержку социалистических течений, предлагавших рецепты социального переустройства и тем самым обращенных в будущее, развернулись к поиску счастья и справедливости в своем прошлом — в мифическом золотом веке.

Так называемая «реисламизация» мусульманского мира на деле отнюдь не ведет к образованию новых моделей социально-экономического устройства. Достаточно вспомнить, как выдвинутая аятоллой Хомейни идея создать в Иране совершенно новую «благословенной исламскую экономику» привела лишь к господству коррумпированной клерикально-буржуазной бюрократии. Единственное, что происходит, — восстановление древних нравов и обычаев, далеко не всегда соответствующих духу Корана. Набирает силу воинственная составляющая исламского учения, которая хотя и не являет-

ся его основой, но лежит в русле исламской традиции, будучи подкреплена отдельными положениями Корана. Именно она позволяет джихадистам использовать идеи ислама для обоснования допустимости террористической деятельности. А ведь это наносит мусульманскому сообществу колоссальный вред, ибо все чаще слово «мусульманин» ассоциируется в мире с понятием «террорист».

Все это вызвало ответную волну исламофобской пропаганды. Множество людей на Западе уже всерьез верят в намерение исламских радикалов восстановить халифат. Но последние — фанатики, а не безумцы; их цель гораздо прозаичнее: прийти к власти и установить свои порядки в нескольких ключевых мусульманских странах — Египте, Саудовской Аравии, Пакистане, Иордании, что позволит им доминировать в мире ислама.

Вполне прозрачна и избранная ими стратегия: спровоцировать в этих странах революции или перевороты, которые, по их мнению, неизбежно произойдут после того, как народы убедятся, что их власти являются пособниками либо марионетками Запада, стремящегося в союзе с сионизмом подорвать и погубить ислам. Именно поэтому исламисты заинтересованы в таких действиях Запада, которые легко представить как антиисламские (не случайно они так раздули «карикатурный скандал»), именно поэтому им на руку любые американские интервенции в мусульманских странах. Вторгшись, например, в Ирак, Джордж Буш преподнес им хороший подарок.

Кроме того, будучи разновидностью ксенофобии, исламофобия пробуждает в людях низменные шовинистические инстинкты, ухудшает моральный климат в обществе, способствует возрождению всего темного, зловещего, что западная цивилизация более или менее успешно искореняла на протяжении нескольких столетий. Прискорбный симптом этой «болезни» — появление на политической арене Западной Европы лжепатриотических профашистских движений, использующих риторику, казалось бы с омерзением отброшенную после нацистского кошмара.

НОВЫЙ ОБСКУРАНТИЗМ

В западном мире тоже наблюдаются явления, напоминающие некоторые не самые лучшие черты Средневековья. Речь идет не об усилении набожности, например, в Соединенных Штатах и не о беспрецедентном росте в этой стране политического влияния евангелистов. (Хотя само по себе это влияние на внешнеполитический курс

администрации Джорджа Буша-младшего не может не вызывать тревогу, поскольку способствует развитию таких характеристик этого курса, как высокомерная убежденность в безусловном превосходстве Америки и ее праве осуществлять мировой диктат.) Имеются в виду более широкие и серьезные тенденции.

Еще в эпоху Просвещения возникла система взглядов, согласно которым человечество, ведомое разумом, развивается поступательно, движется «вперед и выше». Но XX век с его двумя мировыми войнами, Холокостом и ГУЛАГом поставил под сомнение идеи прогресса и торжества разума; крах советской власти положил конец надеждам левой интеллигенции Запада на то, что социализм, преодолев «сталинистские извращения», все же сможет привести человечество к идеальному устройству.

Рухнула идеология в ее прежнем понимании; если и можно говорить о какой-либо серьезной идеологии наших дней, то только об исламе. Приказала долго жить идея порядка: его моральные и правовые устои ставятся под сомнение; постбиполярный мир дает картину анархии, хаотических столкновений, беспредела в глобальном масштабе. Разум, на силу и предполагаемое торжество которого уповали мыслители на протяжении более чем двух столетий, отступил.

Секулярное, «просвещенческое» сознание находится в кризисе, но христианская церковь от этого не выиграла. Ее влияние неуклонно ослабевает в таких регионах, как, например, Западная Европа и Латинская Америка. На авансцену выходит явление, которое французский экономист и писатель Ален Мэнк в своей книге «Новое Средневековье» охарактеризовал следующим образом: «Сектаризм религиозных меньшинств не гарантирует роста влияния церкви. Сегодня ветер дует в паруса наиболее догматических групп. [...] В католическом мире — подъем интегристских движений; в пространстве протестантизма — выход на поверхность харизматических “подцерквей” (*sous-eglises*); у религиозных евреев — возвышение “Любавича” и других раввинов теократического духа. [...] Неудержимый рост влияния сект, новых гуру, зачастую столь же алчных, сколь и ориентированных на миссионерство, библейских дискурсов, с Библией не имеющих ничего общего, полурелигиозных, полуязыческих ритуалов, играющих только на струне страха, сообществ, все члены которых, кажется, находятся под гипнозом. А дальше по пути иррационального —

всплеск астрологии, гадания на картах, всех этих псевдознаний, которые нашли лучший из возможных источников коммерции — манию, психоз познания будущего».

Западная цивилизация пребывает в растерянности. Исчезает и основанная на рациональном подходе надежда на будущее, и вера. Этим так называемое Новое Средневековье и отличается от старого — ведь тогда мировоззрение людей держалось исключительно на вере. Диктовавшиеся церковью религиозные ценности рассматривались всеми как безусловные, ныне же распространяется тот самый релятивизм, против которого столь энергично выступал покойный папа Иоанн Павел II. Все условно, все неоднозначно, все можно толковать и так и этак. В условиях отсутствия четких ориентиров многие мыслящие люди задают себе вопрос: а не идет ли дело к тому, что человечество может оказаться перед устрашающим выбором — между Сциллой общества вседозволенности без каких-либо моральных императивов и Харибдой установления жесточайших запретительных норм, порядка, напоминающего некий глобальный «Талибан»?

Как быть? Осознание глубины моральной и общественной деградации должно вызвать реакцию того здорового разумного начала, которое всегда позволяло человечеству преодолевать явления, грозившие ему вырождением. Только широкое обсуждение процессов, способных перечеркнуть многое из того, что было достигнуто за столетия, может предотвратить торжество Нового Средневековья.

О разуме и вере

Кардинал Йозеф Ратцингер

Отличительными признаками нынешнего ускорения темпов общественного развития являются, на мой взгляд, прежде всего два фактора. **Первый** из них — создание всемирного общества, которое характеризуется ростом взаимозависимости между отдельными политическими, экономическими и культурными силами. Они соприкасаются и взаимопроникают друг в друга на своих различных жизненных пространствах. **Второй** — развитие потенциала человека, его возможностей созидать и разрушать. В этих условиях на передний план выходит вопрос о том, каким образом сталкивающиеся друг с другом культуры могут найти этические принципы, способные направить их совместное существование по верному пути и выстроить общую, соответствующую нормам права форму ограничения и упорядочения власти.

В свое время Ханс Кюнг предложил проект формирования «мирового этоса». (Х. Кюнг — немецкий теолог, изложивший в книге «Проект “Мировой этос”» (Projekt Weltethos. 1990) программу обновления католической теологии. Основная идея — расширение диалога между христианами, последователями других религий и неверующими на основе формирования мирового этоса. — Ред.) Даже если согласиться с проницательной критикой кюнговской концепции со стороны [философа] Роберта Шпеманна (*R. Spaemann. Weltethos als «Projekt»*), общая реакция на предложения свидетельст-

Кардинал Йозеф Ратцингер в 2005 году был избран папой римским и принял имя Бенедикта XVI. Данный материал представляет собой сокращенное изложение его выступления в Католической Академии Баварии в январе 2004 года во время дискуссии с философом Юргеном Хабермасом. Точку зрения Хабермаса можно найти на сайте www.globalaffairs.ru.

вует о том, что данная проблема весьма актуальна. Ибо к уже названным факторам присоединяется **третий**: в процессе столкновения и взаимопроникновения культур в значительной мере разрушены этические истины, до сих пор являвшиеся основополагающими. Вопрос о том, что же, собственно, есть добро, особенно в данном контексте, и почему следует поступать хорошо даже в ущерб самому себе, имеет ключевое значение и остается пока без ответа.

Мне представляется очевидным, что наука, как таковая, не может произвести этос. То есть новое нравственное сознание не появится как продукт научных дискуссий. С другой стороны, бесспорно то, что принципиальное изменение картины мира и человека, обусловленное ростом объема научных знаний, сыграло существенную роль в разрушении старых моральных представлений. Поэтому наука все же в ответе за человека как личность. Особенно это касается философии, которая призвана критически отслеживать развитие других наук, подвергать анализу поспешные выводы и мнимые истины относительно того, что есть человек, откуда он пришел и для чего существует. Иными словами, очищать научные суждения от нередко примешивающихся к ним ненаучных наслоений и таким образом сохранять незамутненным взгляд на целое, на более широкие измерения человеческого бытия, которое наука всегда может показать лишь в его отдельных аспектах.

ВЛАСТЬ И ПРАВО

Конкретная задача политики состоит в том, чтобы поставить власть в рамки права и тем самым обеспечить ее разумное использование. Должно действовать не право сильного, а сила права. Власть в рамках права и на службе права – антипод насилию, под которым мы понимаем неправовую и противоправную власть. Поэтому каждому обществу необходимо преодолеть подозрительность в отношении права и его предписаний, ибо только в таких условиях возможно устранить произвол и утвердить разделяемую всеми истинную свободу. Свобода вне права – это анархия, а потому и разрушение свободы. Недоверие к праву или бунт против права, как правило, вероятны тогда, когда само оно выступает уже не в качестве воплощения справедливости, стоящей на службе всех, а как продукт произвола, как узурпация права теми, у кого для этого достаточно власти.

Задача ограничить власть рамками права поднимает еще один вопрос: как возникает право и каким оно должно быть для того, чтобы являться орудием справедливости, а не средством обеспечения привилегиями тех, кто обладает властью для принятия законов? Избежать превращения права во властный инструмент, доступный лишь избранным, позволяет демократическое волеизъявление, предполагающее всеобщее участие в формировании права, которое тем самым становится правом всех и, как таковое, может и должно соблюдаться. Совместное участие граждан в созидании права и соответственно в справедливом распоряжении властью является веским аргументом в пользу демократии как оптимального политического строя.

Поскольку людям редко удается прийти к абсолютному согласию, делегирование воли представляет собой лишь один из механизмов демократического волеизъявления. Другой механизм – решение большинства, количественные критерии которого разнятся в зависимости от важности вопроса. Но, как свидетельствует история, большинство может ошибаться либо действовать вопреки принципу справедливости. И если, опираясь на дискриминационные законы, оно подавляет меньшинства (например, религиозные или расовые), то можно ли говорить о справедливости, о праве вообще? Принцип большинства оставляет нерешенным вопрос об этических основах права и заставляет задуматься, не существует ли нечто такое, что никогда не сможет стать правом, то есть всегда будет несправедливым? Или такое, что, наоборот, является, по су-

ти, незабываемым правом, господствующим над волей большинства и обязательным для него?

Свод таких нормативных элементов был в Новое время сформулирован в различных декларациях прав человека, что позволило устранить его зависимость от большинства. Можно бы довольствоваться внутренней очевидностью этих ценностей для современного сознания, но проблема заключается в том, что их несомненность признана сегодня далеко не во всех культурах. Ислам составил свой собственный список прав человека, отличающийся от западного. В Китае, хотя там и доминирует порождение Запада — марксизм, поднимается вопрос, не являются ли права человека типично западным изобретением, которое не следует принимать безоговорочно.

НОВЫЕ ФОРМЫ СИЛЫ И КАК ОБУЗДАТЬ ИХ

В начальный период после окончания Второй мировой войны преобладал страх перед новой разрушительной силой — атомной бомбой. Человечество вдруг оказалось в состоянии разрушить само себя и свою планету. Понадобились эффективные политические механизмы, способные не допустить такого рода катастрофу. На протяжении длительного времени от кошмара ядерной войны нас фактически спасало соперничество двух противостоявших друг другу силовых блоков и понимание того, что уничтожение противника чревато собственной гибелью. Взаимное ограничение силы и страх за собственное выживание оказались благотворными.

Сегодня нас мучительно тревожит страх не столько перед масштабной войной, сколько перед вездесущим анонимным террором, способным нанести ощутимый удар где и когда угодно. Как мы теперь видим, человечество может сделать мир непригодным для жизни и не прибегая к большим войнам. Террор угрожает людям в повседневной жизни, причем сохраняется опасность того, что преступные элементы могут заполучить в свои руки оружие массового уничтожения и тем самым не только поставить под удар политический порядок, но и вообще свергнуть мир в хаос.

Таким образом, вопрос о праве и этосе сместился: из каких источников питается террор? Как можно добиться того, чтобы изнутри преодолеть новую болезнь человечества? Хуже всего то, что террор частично приобретает моральную легитимацию. В посланиях Усамы бен Ладена террор представлен как ответ бессильных и угнетенных наций на высокомерие могущественных народов, как справедливое наказа-

ние последних за их самоуверенность и их кошунственный произвол и жестокость. При определенных социальных и политических обстоятельствах многие люди, очевидно, находят такую мотивацию убедительной. В их глазах террористический образ действий отчасти является защитой религиозных традиций от безбожия западного общества.

Если же терроризм питается религиозным фанатизмом (а это так), то чем является религия? Целительным, спасительным фактором или же скорее архаичной и опасной силой, конструирующей ложные универсализмы и тем самым порождающей нетерпимость и террор? Не следует ли передать религию под опеку рассудка и тщательно ограничить ее? (Правда, неясно, кто и как может это сделать.) Но проблема в целом остается: справедливо ли рассматривать постепенный отход от религии, ее преодоление как прогресс человечества, благодаря которому оно станет на путь свободы и всеобщей терпимости, или же такой взгляд ошибочен?

Между тем на авансцену выходит еще одна форма силы — на первый взгляд исключительно благодатная и достойная всяческой похвалы, но в действительности способная стать новой угрозой. Человек теперь в состоянии «делать» людей, выращивая их в пробирке. Он сам превращается в изделие, и в результате коренным образом меняется его самосознание. Он больше не дар природы либо Творца, а продукт собственного производства. Человек нашел кладезь власти, источник своего существования. Искушение экспериментировать с людьми и сконструировать правильного человека, соблазн рассматривать людей в качестве непригодных и избавляться от них — это не измышление моралиста-ретрограда.

Если нам до сих пор не давал покоя вопрос, является ли, собственно говоря, религия положительной нравственной силой, то теперь должно возникнуть сомнение в надежности разума. В конце концов, атомная бомба — продукт интеллекта; выведение и селекция людей — это тоже плоды умственного процесса. Так не правильнее ли, наоборот, контролировать рассудок? Но как? Или, может быть, религия и интеллект должны ограничивать друг друга, указывая допустимые пределы, и наставлять на верный путь? И реально ли найти в мировом сообществе с его механизмами власти и необузданными силами, с его различными взглядами на то, что такое право и мораль, *действенный и очевидный для всех этический императив*, имеющий такой потенциал мотивации и реализации, который позволил бы решить обозначенные здесь проблемы?

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРАВА:
ПРАВО – ПРИРОДА – РАЗУМ

Жители Древней Греции считали право проявлением воли богов. Когда же это обоснование утратило свою очевидность, встал вопрос о более глубоких основах права. Так возникла новая идея: в противоположность законодательству, которое может быть несправедливым, должно существовать право, которое следует из природы и бытия самого человека. Такому праву надлежит исполнять корректирующие функции по отношению к действующему праву. То был своего рода античный период Просвещения.

Нам ближе двойной перелом в европейском сознании, произошедший на заре Нового времени и положивший начало новым мышлениям о содержании и истоках права. С открытием Америки осуществляется выход за пределы европейского христианского мира. Происходит встреча европейцев с народами, которые не знают христианского религиозного и правового устройства и с которыми, следовательно, нет правовой общности.

Значило ли это, что у туземцев не существовало право, как утверждали тогда некоторые, и они подлежали соответствующему обращению? Или же существует право, которое выше любой правовой системы и которое связывает и направляет людей как единую человеческую общность? На этом фоне [теолог-доминиканец XVI века] Франсиско де Витория развил уже носившуюся в воздухе идею «права народов» (*ius gentium*), причем слово *gentes* несло в себе коннотацию «язычники», «нехристиане». То есть имелось в виду право, которое существовало еще до христианской формы права и должно регулировать жизнь всех народов.

Второй перелом произошел внутри самого христианства в результате раскола веры. Христианская общность разделилась на противостоявшие друг другу, иногда враждебные общины. Опять оказалось необходимым выработать общее право, выходящее за рамки догмы, хотя бы правовой минимум, зиждущийся уже не на вере, а на природе, разуме человека. Гуго Гроций, Самуэль фон Пуфендорф (соответственно голландский и немецкий правоведы XVII в. — **Ред.**) и другие развили идею естественного права как права разумного, которое, перекрывая границы веры, утверждает разум органа совместного формирования права.

Естественное право осталось фигурой аргументации (особенно в католической церкви), с помощью которой последняя в диалоге со

светским обществом и с другими конфессиями апеллирует к общему разуму и ищет основы для взаимопонимания в вопросе об этических принципах права в светском плюралистическом обществе. Но этот инструмент, к сожалению, затупился...

Идея естественного права предполагала взаимопроникновение природы и разума, то есть разумность самой природы. Такое представление рассыпалось с победой теории эволюции. Природа, как таковая, неразумна, даже если в ней встречается разумное поведение, — таков поставленный этой теорией диагноз, сегодня повсеместно считающийся неоспоримым. Из различных измерений понятия природы, лежавших в основе прежнего естественного права, остались только те, которые [римский юрист] Ульпиан Домиций (около 170–228 гг.) свел в известную формулу «*Ius naturae est, quod natura omnia animalia docet*» («Закон природы — это то, чему природа учит все одушевленные существа»). Но данная сентенция не поможет ответить на наши вопросы, ибо они связаны исключительно с человеческими задачами, которые поставлены человеческим интеллектом и могут быть выполнены только с участием разума.

От естественного права, стремившегося (во всяком случае, в Новое время), по сути, быть правом разума, сохранились (в качестве последнего элемента) права человека. Они основаны на допущении того, что индивидуум просто в силу своей принадлежности к роду человеческому является субъектом права, что его существование само несет в себе ценности и нормы, которые надо открывать, а не изобретать. Возможно, сегодня концепция прав человека должна быть дополнена учением об обязанностях человека и о его возможностях. Такое учение могло бы стать импульсом для новой постановки вопроса: а не существуют ли разум природы и соответственно право разума, предназначенное для человека и определяющее его место в мире? Для христиан это было бы связано с творением и с Творцом. В индустриальном мире это согласовывалось бы с понятием «дхарма» — внутренней законностью бытия, а в китайском — с идеей небесного повеления.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ЕГО СЛЕДСТВИЯ

Тема взаимодействия культур, как мне представляется, составляет сегодня неотъемлемую часть дискуссии о принципиальных вопросах человеческого бытия, которую невозможно вести в рамках

исключительно христианской или западной секулярной философии. В силу уверенности в собственной неоспоримости каждая из них воспринимает себя как универсальную и хотела бы быть таковой и де-юре. Де-факто же они должны признать, что только часть человечества принимает и понимает их.

Число конкурирующих культур гораздо более ограничено, чем может показаться на первый взгляд. Важно, что единообразия внутри культурных пространств уже нет и все они характеризуются глубокой напряженностью между их собственными культурными традициями. Особенно это проявляется на Западе. Даже если светская культура строгого рационализма, впечатляющую картину которой нарисовал Юрген Хабермас, повсюду преобладает и считает себя связующим элементом, христианское понимание действительности по-прежнему останется действенной силой. Близость либо напряженность между этими двумя полюсами – величины непостоянные: меняется их взаимная готовность как учиться друг у друга, так и более или менее решительно отталкиваться друг от друга.

То же свойственно исламскому культурному пространству: от фанатичного абсолютизма Усамы бен Ладена до позиции, открытой для толерантного рационализма, – огромное расстояние. Третье большое культурное пространство, точнее, культурные пространства индуизма и буддизма опять-таки отмечены подобного рода напряженностью, пускай и не столь острой. Эти культуры также ощущают на себе натиск как западного рационализма, так и христианской веры; они ассимилируют и ту и другую, в то же время стараясь сохранить собственную идентичность. Картину дополняют племенные культуры Африки, а также вновь разбуженные определенными христианскими учениями племенные культуры Латинской Америки. Эта повсеместная напряженность отражает сомнение и в западном рационализме, и в справедливости притязания христианского откровения на универсальность.

Что из всего этого следует? Прежде всего, как мне представляется, фактическая неуниверсальность обеих великих культур Запада – культуры христианской веры и культуры светского рационализма, при том что обе, каждая по-своему, играют значительную роль во всем мире и во всех культурах. В этой связи мне представляется все же небезосновательным вопрос тегеранского коллеги, упомянутый господином Хабермасом, о том, не следует ли со сравнительно-культурологической и религиозно-социологической точек зрения

рассматривать европейскую секуляризацию как особый путь, нуждающийся в корректировке? Я не стал бы безусловно и тем более обязательно сводить эту идею к настроениям [немецких философов] Карла Шмитта, Мартина Хайдеггера и [французского ученого] Клода Леви-Строса, так сказать, к уставшей от рациональности Европе. По крайней мере, фактом является то, что наш светский рационализм, сколь бы бесспорным он ни был для нашего европейского рассудка, все же не для всякого рации разумен; что в своих попытках стать для всех очевидным он наталкивается на известные пределы. Рационализм должен признать, что, поскольку его очевидность фактически связана с определенным культурным контекстом, он не может действовать для всего человечества. Иначе говоря, ни рациональной, ни этической, ни религиозной всемирной формулы, которая могла бы выступить в роли объединяющего фактора и в дальнейшем стала бы несущей конструкцией целого, не существует. Во всяком случае, в настоящее время она недостижима. Поэтому так называемый мировой этос остается абстракцией.

ВЫВОДЫ

Итак, что делать? Что касается практических выводов, я в значительной мере соглашаюсь с тем, что сказал господин Хабермас о постсекулярном обществе, о готовности учиться и самоограничении с обеих сторон. Свои собственные взгляды я хотел бы обобщить в двух тезисах.

Первое. Как мы видели, в религии бывают патологии, которые в высшей степени опасны, и потому необходимо рассматривать божественный свет разума в качестве, так сказать, контрольного органа, которому религия должна вновь и вновь позволять себя очищать и упорядочивать, что, впрочем, соответствует представлениям отцов церкви. Но существуют (хотя человечество сегодня не в той же мере осознаёт этот факт) патологии разума, высокомерие разума, представляющие в силу своей потенциальной эффективности еще более серьезную угрозу: атомная бомба, человек как продукт. Поэтому и разум нуждается в напоминаниях о его возможностях и он должен учиться у великих религиозных традиций. Если он полностью эмансипируется и откажется от этой готовности учиться, от осознания данной взаимозависимости, то превратится в разрушительную силу. [Немецкий философ] Курт Хюбнер подчеркнул: речь идет не о непосредственном «возвращении к вере», а о том, «что

человек освобождается от эпохального заблуждения, будто ей (т. е. вере) больше нечего сказать современному человеку, поскольку она противоречит его гуманистической идее разума, просвещения и свободы». Я бы в связи с этим сказал о необходимости установления взаимозависимости между разумом и верой, разумом и религией, которые призваны оказывать друг на друга очищающее и оздоровительное воздействие и связаны обоюдной необходимостью и которые должны это взаимно признать.

Второе. Это основное правило должно быть закреплено на практике, в межкультурном контексте современности. Без сомнения, основными партнерами в данном случае являются христианская религия и западный светский рационализм. Никакая другая культурная сила не определяет ситуацию в мире в такой значительной степени. Это, однако, не означает, что другими культурами можно пренебречь как некими «ничтожно малыми величинами». Это было бы своего рода проявлением западной гордыни, за которую нам пришлось бы дорого расплачиваться и за которую отчасти мы уже платим. Для обеих великих составляющих западной культуры важно начать прислушиваться к другим культурам, наладить подлинную взаимосвязь с ними. Нужно привлечь их к попытке установить полифоническую взаимозависимость, в ходе которой западная взаимодополняемость разума и веры станет доступной и им. Это приведет к расширению универсального процесса очищения, необходимого для того, чтобы западные ценности и нормы, о которых все люди так или иначе знают либо догадываются, засияли в конечном счете новым светом, с тем чтобы то, на чем держится мир, вновь стало действенной силой.

Божья страна?

Уолтер Рассел Мид

ЕВАНГЕЛИСТЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Религия всегда была и остается важнейшим фактором, определяющим политику, стратегию, национальную идентичность и культуру США. Она создает национальный характер, помогает формировать представления о внешнем мире и воздействует на восприятие событий, происходящих за пределами собственной страны. Религия объясняет как самоощущение американцев в качестве избранного народа, так и их убежденность в том, что они должны распространять свои ценности по всему миру. Конечно, не все американцы верят в такие вещи, а те, кто верит, часто яростно спорят друг с другом об их точном значении. Но адептов подобных идей достаточно для того, чтобы последние оказывали глубокое влияние на поведение страны и за рубежом, и у себя дома.

С одной стороны, религия — это настолько важная часть жизни Соединенных Штатов, что она превращается в смесь всевозможных воззрений. Приверженцы самых различных взглядов на важнейшие вопросы регулярно привлекают в качестве аргумента религиозные принципы, а страна настолько разнообразна в религиозном отношении, что любая мыслимая внешняя политика где-нибудь да и обязательно найдет себе поддержку.

Но баланс сил между различными религиозными направлениями со временем меняется. За период жизни последнего поколения

Уолтер Рассел Мид — старший научный сотрудник по внешней политике США (почетная должность им. Генри Киссинджера) Совета по международным отношениям. Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 5 (сентябрь — октябрь) за 2006 год. Ее полный вариант можно прочитать на сайте www.foreignaffairs.org/mead_reading. © Council on Foreign Relations, Inc.

это изменение приобрело весьма значительные масштабы и имело серьезные последствия. Более консервативные течения американского протестантизма обзавелись новыми последователями, а либеральный протестантизм, который доминировал в середине XX века, сдал свои позиции. Этот сдвиг уже существенно трансформировал внешнюю политику США.

Однако широкое осознание этих перемен — дело будущего, отчасти потому, что большинство американских и зарубежных ученых, изучающих вопросы внешней политики, относительно мало знакомы с консервативным американским протестантизмом. Значение, например, того факта, что суждения евангелиста преподобного Билли Грэма порождают совершенно иные подходы к внешнеполитическим отношениям, чем взгляды, популярные в фундаменталистском Университете Боба Джонса, как правило, недооценивается. На самом же деле тонкие богословские и культурные различия могут иметь и имеют весьма важные политические последствия. Следовательно, интерпретация влияния, которое оказывает на внешнюю политику Америки происходящие в ней религиозные перемены требует более пристального рассмотрения теми, кто собрался в большом молельном шатре американского протестантизма.

Почему мы сосредоточились исключительно на протестантизме? Ответ отчасти состоит в том, что именно эта ветвь христианской религии в основном сформировала национальную идентичность стра-

ны и до сих пор остается (хотя уже в незначительной степени) религией большинства. Более того, перемены в католицизме (вторая основная конфессия и самая крупная единая религиозная община в стране) представляют собой более смешанную картину и в меньшей степени воздействуют на внешнюю политику. И наконец, остальные религиозные группы в Соединенных Штатах оказывают на политику существенно меньше влияния.

ВОПРОС ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ

Чтобы разобраться в том, каким образом современные изменения в протестантизме начинают сказываться на внешней политике США, следует понять ту роль, которую религия исторически играла в общественной жизни страны. Религиозная традиция Соединенных Штатов, выросшая из Реформации XVI столетия в Англии и Шотландии, на протяжении долгого времени включала в себя много различных друг от друга идеологий и мировоззрений. Наибольший вес, однако, имели три направления: строгая традиция, которую можно назвать фундаментализмом, прогрессивная и этическая традиция, известная как либеральное христианство, и более широкая евангелическая традиция. (У пятидесятников есть теологические отличия от евангелистов-непятидесятников и фундаменталистов, однако пятидесятничество — ответвление евангелистского учения, и тем самым большинство американских пятидесятников в нашем случае можно причислить к евангелистам.)

Было бы ошибкой считать, что деление на эти категории имеет абсолютно четкий характер. Большинство американских христиан смешивают и комбинируют богословские и социальные идеи из этих и других направлений протестантской и христианской мысли, не слишком заботясь об их согласованности. И тем не менее описание специфики каждого направления и ее воздействия на роль Соединенных Штатов в мире облегчит понимание того, как изменения в религиозном балансе отражаются на поведении страны.

Фундаменталисты, либеральные христиане, евангелисты — все они являются частью исторически ведущего направления американского протестантизма и в этом качестве испытали на себе в начале XX века глубокое воздействие противостояния между фундаменталистами и модернистами. На протяжении большей части XIX столетия большинство протестантов верили, что наука подтверждает библейское учение. Однако, когда дарвинистская биология и научный «вы-

ский критицизм» (метод анализа Библии, который состоит в датировании и выяснении авторства книг Писания. — **Ред.**) начали все больше ставить под сомнение традиционные взгляды на авторство и подлинность Библии, американское протестантское движение раскололось. Модернисты утверждали, что лучший способ защитить христианство в век просвещения — это встроить новые знания в богословие, и ведущие протестантские течения последовали этой логике. Фундаменталисты считали, что необходимо сохранять лояльность «фундаментальным основам» протестантской веры, таким, к примеру, как признание достоверности библейского текста.

Раскол произошел и в стане самих же фундаменталистов. Эта группа распалась на два течения, разница между которыми изначально определялась как культурными особенностями и свойствами темперамента, так и трактовкой учения. «Сепаратисты» утверждали, что истинно верующие должны покинуть церкви, которые идут на компромисс с модернизмом или терпимо относятся к любым его формам. По мере того как общество и культура США становились все более светскими и плюралистичными, сепаратисты во все возрастающей степени отстранялись от политического и культурного процесса.

Другое направление искало возможности для участия в жизни остального мира; изначально оно называлось неоевангелизмом. Сегодня сепаратисты гордо продолжают именоваться фундаменталистами, в то время как неоевангелисты отказались от приставки и ныне известны просто как евангелисты.

Три современных течения американского протестантизма (фундаменталисты, либералы и евангелисты) порождают очень непохожие идеи о том, какой должна быть роль страны в мире. В данном контексте самые важные расхождения касаются, во-первых, меры оптимизма в отношении возможностей для установления стабильного, мирного и просвещенного миропорядка и, во-вторых, степени важности, которую каждое из этих течений приписывает различию между верующими и неверующими. В двух словах, фундаменталисты испытывают глубокий пессимизм в связи с перспективами миропорядка и считают раскол между верующими и неверующими непреодолимым. Либералы относятся к будущему миропорядка с оптимизмом и не видят большой разницы между христианами и неверующими. А евангелисты находятся где-то посередине между этими двумя крайностями.

Те, кто причисляет себя к фундаменталистам, составляют довольно неоднородную группу. Это объясняется отчасти тем, что

данное понятие имеет много конкурирующих между собой определений, а также тем, что в соответствии с децентрализованным и разнородным характером американского протестантизма не существует общепризнанного официального органа, который мог бы определить, кто такие фундаменталисты и во что они верят. В нашем случае термин «фундаменталист» включает в себя три характеристики: признание высочайшего авторитета и божественности Библии; глубокая решимость защищать исторический протестантизм от римско-католических, а также модернистских, светских и нехристианских влияний; убежденность в необходимости для верующих отделить себя от нехристианского мира.

Фундаменталистов можно повсеместно найти в среде консервативных протестантских христиан; в число же последователей некоторых течений, справедливо считающихся евангелическими (таких, как южные баптисты и лютеране Миссурийского синода), входят группы, образующие заметное меньшинство, которое обоснованно можно назвать фундаменталистами.

Фундаменталистские течения, такие, как ультракальвинистская Ортодоксальная пресвитерианская церковь, обычно имеют меньше адептов, чем либеральные и евангелические. Это происходит отчасти по той причине, что фундаменталисты предпочитают маленькие, однородные и строго следующие доктрине организации более крупным и разнородным. Еще одна причина заключается в том, что многие фундаменталистские конгрегации стремятся сохранять независимость от каких-либо конфессиональных структур.

Со стороны фундаментализм видится многими как антиинтеллектуальное и эмоциональное движение. И правда: большинство консервативных американских протестантов придадут огромное значение эмоциональному и личному духовному опыту. Но разница между фундаменталистами и евангелистами не в том, что первые более эмоциональны в своих убеждениях, а в том, что они проявляют больше упорства в стремлении довести свои идеи до их логического завершения. Фундаменталисты больше, чем евангелисты, заинтересованы в выработке последовательного и всестороннего «христианского мировоззрения» и в его систематическом приложении к миру.

Одно дело — отвергать (как свойственно многим евангелистам) теорию эволюции Дарвина, поскольку в силу личного опыта Библия считается непогрешимым руководством. И совершенно другое — развивать (как делают некоторые фундаменталисты) альтернативную па-

радигму «научного креационизма», писать соответствующие учебники и добиваться введения его преподавания в школах либо забирать своих детей из тех учебных заведений, в которых этот курс отсутствует. Институты, где доминируют фундаменталисты, такие, как Движение независимых баптистов (*Independent Baptist movement*) и Университет Боба Джонса, — это не рассадники экстатических проповедников-ревивалистов, заклинающих змей (ревивализм — религиозное движение в протестантизме за духовное «возрождение». — Ред.), а центры серьезных, хотя подчас и нетрадиционных исследований.

После серии теоретических и политических поражений в 1920-е и 1930-е годы фундаменталисты отступили, погрузившись в изоляцию и пессимизм, что не соответствовало оптимистической ориентации американского протестантизма XIX века. В результате они заняли оборонительную и отстраненную позицию, заметно напоминающую пуританский кальвинизм первых лет Новой Англии. Подобно пуританам, большое число фундаменталистов придерживаются мрачного взгляда, что между немногими душами, которые Бог избрал для спасения, и множеством обреченных на пребывание в аду существует непреодолимая пропасть.

Кальвинисты когда-то пытались создавать теократические сообщества. В Шотландии такие попытки предпринимали ковенантеры (сторонники «Национального ковенанта» 1638-го — манифеста шотландского национального движения в защиту пресвитерианской церкви. — Ред.) и Партия пресвитерианской церкви; в Англии они осуществлялись во времена правления Оливера Кромвеля, а в Новой Англии — в течение всего XVII века. Но в последние три столетия бескомпромиссные фундаменталисты начали считать строительство теократического государства и менее привлекательной, и менее осуществимой задачей. Дело не только в том, что в свете демографических перемен им было трудно представить себе обстоятельства, при которых они могли бы составлять большинство.

История прошлых сообществ также показывает, что последующие поколения не обладают рвением основателей. Помудревшие и помрачневшие под влиянием этого горького опыта, современные американские фундаменталисты обычно полагают, что человеческие попытки усовершенствовать мир могут увенчаться лишь весьма ограниченным успехом. Они соглашались с проповедником XIX столетия Дуайтом Муди, который в ответ на призывы сосредоточить усилия на политической деятельности заявил: «Я

смотрю на этот мир, как на корабль, потерпевший крушение. Господь послал мне спасательную шлюпку и сказал: “Муди, спасай все, что можешь”».

Если к перспективам социальных реформ внутри Соединенных Штатов фундаменталисты склонны подходить с пессимизмом, то к идее миропорядка, основанного на светской морали и глобальных институтах, таких, как ООН, они относятся с неприкрытой враждебностью. Поскольку фундаменталисты лучше многих американцев знакомы с историями о преследовании христиан за рубежом, они не считают морально допустимым сотрудничать с правительствами, которые притесняют церковь, запрещают христианский прозелитизм или же наказывают согласно мусульманским законам за переход в христианскую веру. К таким институтам, как ООН, которые признают легитимность данных правительств, они применяют слова пророка Исаяи: «Мы заключили союз со смертью и с преисподнею сделали договор». Не случайно в популярной серии романов «*Left Behind*» (цикл «Оставленные» Тимоти Лахея и Джерри Дженкинса. — Ред.), изображающей конец света с фундаменталистской точки зрения, в образе приходящего к власти Антихриста выступает Генеральный секретарь ООН.

Наконец, фундаменталисты привержены апокалиптическому видению конца света и Страшного суда. Толкуя Библию буквально, они верят, что мрачные пророчества и в Ветхом Завете, и в Новом Завете, в особенности в Апокалипсисе, предрекают грандиозные и ужасные события, которые поставят точку в человеческой истории. Сатана и его смертные приспешники начнут последний мятеж против Господа и его избранных; верующим придется испытать ужасные преследования, однако Христос восторжествует над врагами и воцарится на новых небесах и новой земле. Этот сценарий не слишком согласуется с идеей постепенного продвижения к светской утопии, основанной на развитии технологий и сотрудничестве разумных представителей всех религиозных традиций.

ЛИБЕРАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Либеральные христиане видят суть христианства скорее в его этическом учении, чем в классических доктринах. Уже в XVII веке это течение христианской мысли старалось демифологизировать религию: отделить зерна нравственного вдохновения от плевел легенды, которыми оно предположительно обросло. Либеральные

христиане скептически относятся к сложным догматам, касающимся природы Иисуса и Троицы, которые были разработаны в первые века истории Церкви. Они далеки от принятия различных библейских сюжетов (Сотворение мира за семь дней, сады Эдема или Всемирный потоп) в буквальном смысле. Их скептицизм нередко распространяется также на физическое воскресение Иисуса и различные приписываемые ему чудеса. Вместо того чтобы верить, будто Иисус был сверхъестественным существом, либеральные христиане рассматривают его как возвышенного учителя морали, чьему примеру они стараются следовать, ведя жизнь, полную служения ближним — зачастую в первую очередь беднякам. Унитарная церковь, которая пустила корни в Соединенных Штатах в 1794 году благодаря усилиям английского ученого и богослова Джозефа Пристли, является примером течения, базирующегося на этих ключевых идеях.

Пристли был другом Бенджамина Франклина и оказал значительное теологическое влияние на Томаса Джефферсона, хотя оба предпочитали посещать епископальные службы. После того как дарвинизм и библейский критицизм заставили и других поставить под сомнение достоверность множества описанных в Библии историй, либерализм широко распространился среди ведущих протестантских течений (включая методистов, пресвитерианцев, американских баптистов, конгрегационалистскую, епископальную и лютеранскую церкви), к которым в основном принадлежали общественные, интеллектуальные и экономические элиты Соединенных Штатов.

Хотя христиане, придерживающиеся более консервативной доктрины, часто считают, что сторонники прогресса не вписываются в главную линию христианства, либеральные христиане претендуют на то, чтобы представлять самую суть протестантизма. С их точки зрения, Реформация была первой стадией возвращения к истинной сущности их религии. Первые реформаторы очистили церковь от практики продажи индульгенций и таких идей, как чистилище, непогрешимость пап и пресуществление (превращение элементов причастия — хлеба и вина — в плоть и кровь Иисуса Христа. — Ред.). Нападая на такие устоявшиеся христианские доктрины, как Троица, первородный грех и существование преисподней, либеральные христиане сегодня убеждены, что просто следуют «принципу протестантизма».

Либеральные христиане видят гораздо меньшую разницу между христианами и нехристианами, чем последователи остальных ведущих течений американского протестантизма. Они верят, что основные моральные нормы одинаковы на всем белом свете. Буддисты, христиане, индуисты, иудеи, мусульмане и даже неверующие могут прийти к согласию о том, что такое хорошо и что такое плохо; в каждой религии есть зерно этической истины. Идея Церкви как сверхъестественного сообщества, члены которого удостоены особой благодати, играет в либеральном христианстве очень незначительную роль.

Поскольку большинство либеральных христиан (за исключением «христиан-реалистов», таких, как богослов Рейнхольд Нибур) не признают догмата первородного греха, они с оптимизмом смотрят на перспективы международного миропорядка и таких организаций, как ООН. И в самом деле, либеральные христиане часто воспринимали борьбу за установление Царства Божьего как призыв к поддержке прогрессивных политических начинаний и внутри страны, и за рубежом. Они утверждают, что мрачные пророчества Откровения Иоанна Богослова указывают на трудность установления на Земле социальной справедливости, однако такой порядок, несмотря ни на что, наступит, если все будут совместно трудиться над его строительством.

Либеральный протестантизм доминировал в мировоззрении американских политических классов в период Второй мировой войны и холодной войны. Такие лидеры, как Франклин Рузвельт, Гарри Трумэн, Дин Ачесон, Дуайт Эйзенхауэр и Джон Фостер Даллес, как и большая часть американской элиты того времени, находились под значительным влиянием этой традиции. Либеральный христианский подход также открыл двери для сотрудничества с римскими католиками и иудеями, которые тогда приобретали все больший вес в Соединенных Штатах. Доля оптимизма, который многие либеральные христиане питают сегодня в отношении вопросов мирового порядка и сотрудничества поверх этнических и религиозных барьеров, отражает их предыдущие успехи в формировании консенсуса внутри страны.

В последние годы, однако, либеральное христианство столкнулось с несколькими проблемами. Во-первых, либеральный протестантизм имеет тенденцию растворяться в секуляризме: следование «принципу протестантизма» выводит его членов из церкви. В резуль-

тате численность последователей либеральных, ведущих, конфессий сегодня сокращается, и к тому же быстро. Во-вторых, либеральные христиане нередко довольно вяло занимаются «религиозными» вопросами и начинаниями. Они могут бороться за сохранение окружающей среды как члены [экологической организации] *Sierra Club* или за права человека в рамках организации *Amnesty International*, однако эта деятельность протекает в светском мире. В-третьих, либеральные христиане постепенно утрачивают свою традиционную роль собирателей межконфессионального сообщества, поскольку от них отдаляются и католики (из-за их позиции по таким вопросам, как аборт и права гомосексуалистов), и иудеи (вследствие того, что они всё меньше поддерживают Израиль). Наконец, сами основные конфессии все больше поляризуются по таким вопросам, как права гомосексуалистов. Поглощенные внутренними битвами, они меньше способны влиять на американское общество, как таковое.

ЕВАНГЕЛИСТЫ И ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

Евангелисты, принадлежащие к последнему из трех ведущих течений американского протестантизма, находятся посередине между фундаменталистами и либералами. Их основные убеждения имеют общие корни с принципами фундаменталистов, но на евангелические идеи о мире сильно повлиял свойственный американскому обществу оптимизм. Хотя внутри этой группы и существует значительное разнообразие богословских позиций, в целом ее идеология базируется на «мягком кальвинизме» нидерландского теолога XVI века Якоба Арминия, мыслях английских евангелистов, таких, к примеру, как Джон Уэсли (продолжавший традиции немецкого пиелизма), а в Соединенных Штатах – на опыте «Великого пробуждения» XVIII века (религиозное движение, которое началось в Новой Англии и распространилось во всех североамериканских колониях. – Ред.) и последующих периодов религиозного возрождения.

Ведущее евангелическое течение в Соединенных Штатах – это Южная баптистская конвенция численностью 16,3 млн прихожан, что делает ее самой многочисленной протестантской общиной в стране. Вторые по количеству верующих-евангелистов – афроамериканские церкви, включая Национальную баптистскую конвенцию США (*National Baptist Convention, USA*) и Национальную баптистскую конвенцию Америки (*National Baptist Convention of America*), каждая из которых насчитывает примерно по 5 млн прихожан. Преимущественно

афроамериканская Церковь Бога во Христе (5,5 млн верующих) является наиболее многочисленным объединением пятидесятников в стране, а стремительно растущая община «Ассамблеи Божьи» (2,7 млн) — самая крупная организация пятидесятников, в которой не преобладают афроамериканцы. Лютеранская церковь — Миссурийский синод (*Lutheran Church — Missouri Synod*) — вторая по численности (2,5 млн) евангелическая община с преобладанием белых. Как и фундаменталистов, белых евангелистов можно часто найти в независимых конгрегациях и среди приверженцев малых течений. Так называемые парацерковные организации, такие, как «Лагерь крестовых походов за Христа» (*Campus Crusade for Christ*, известная в России как «Новая жизнь». — Ред.), «Хранители обетования» (*Promise Keepers*), «Библейские переводчики Уиклифа» (*Wycliffe Bible Translators*), часто подменяют или дополняют традиционные евангелистские структуры.

Евангелисты похожи на фундаменталистов в нескольких отношениях. И те, и другие придают большое значение христианским догматам, а не только этическому учению. С точки зрения обеих групп, акцент, который либералы делают на этике, означает веру в то, будто добрые дела и соблюдение морального закона — это путь к Богу, что в глазах евангелистов и фундаменталистов является предательством благовестия Христа. По причине первородного греха, утверждают они, человечество все равно полностью не способно следовать каким-либо нравственным установлениям.

Фундаментальное послание христианства заключается в том, что людские попытки быть угодными Богу посредством соблюдения высоких этических норм обречены на неудачу; только распятие и воскресение Христа способно спасти человека. Признание своей грешной природы и принятие жертвы Христа — это то, что и евангелисты, и фундаменталисты имеют в виду, когда говорят о «рождении заново» (*Born Again Christian* — буквально: «заново родившийся христианин»). Считается, что своим вторым рождением такие христиане обязаны не классическому крещению, а «прямой связи с Богом». — Ред.). Когда либеральные христиане кладут в основу своей доктрины этику, фундаменталисты и евангелисты сомневаются, известен ли вообще этим либералам смысл христианства.

Евангелисты также придают большое значение разнице между спасенными и неспасенными. Подобно фундаменталистам, они верят, что те, кто умирает, не приняв Христа, обречены на вечное отлучение от Бога. Они также согласны с фундаменталистами в том,

что «непросвещенные» («*natural*») люди — те, кто не был «спасен», — самостоятельно не способны сделать ни одного доброго дела.

Наконец, большинство (хотя не 100 процентов) евангелистов разделяют подход фундаменталистов к вопросу о конце света. Практически все они верят, что библейские пророчества исполнятся, а большая часть согласна с фундаменталистами в том, что второе пришествие Христа произойдет раньше, чем предсказанное установление тысячелетнего царства мира (так называемая доктрина премиллениаризма). В конечном итоге все самостоятельные попытки человека построить мир на Земле потерпят неудачу.

Учитывая это сходство, неудивительно, что многие наблюдатели нередко путают евангелистов с фундаменталистами, считая первых просто разбавленным вариантом вторых. Однако существуют важные различия между взглядами фундаменталистов и евангелистов на мировоззренческие проблемы. Хотя богословские позиции по этим вопросам могут отличаться лишь нюансами и формальностями, в целом евангелисты обычно действуют под влиянием более оптимистичной версии кальвинизма. Строгая позиция заключается в том, что Крестная жертва Христа была предназначена лишь для небольшого числа душ, которые Бог намеревался спасти; остальные же не имеют шанса на спасение. И психологически, и доктринально американским евангелистам в целом свойственны менее суровые взгляды. Они верят, что блага спасения потенциально доступны всем и что Бог дает каждому достаточно благодати, чтобы обрести способность при желании выбрать путь спасения. Строгая кальвинистская доктрина разделяет человечество на два лагеря, между которыми мало общего. Согласно господствующим взглядам евангелистов, Бог любит каждую душу, невыразимо печалится об утрате любой из них и горячо стремится спасти их все.

Все христиане, будь то фундаменталисты, либералы либо евангелисты, признают, по крайней мере формально, свой долг относиться с любовью и сочувствием ко всем — как к братьям по вере, так и к нехристианам. Евангелисты относятся к этому требованию с особым рвением. Они верят, что еще существуют возможности спасти для Христа миллиарды гибнущих душ. Пример, который подают христиане своей повседневной жизнью, помощь, которую они оказывают нуждающимся, и эффективность их проповеди Евангелия — все это может привести к Христу потерянные души и помочь исполнить Божий замысел. Евангелисты постоянно подчеркивают важ-

ность долга христиан перед миром. Отчасти благодаря этому евангелисты часто проявляют готовность и даже стремятся к социальной активности и сотрудничеству с неверующими в рамках проектов по улучшению благосостояния людей, даже несмотря на то, что продолжают верить, будто те, кто отверг Христа, не смогут соединиться с Богом после смерти.

Реакцию евангелистов часто бывает трудно предсказать. Шокированные результатами недавних опросов, показавшими, что значительное большинство американцев отвергают теорию эволюции, интеллектуалы и журналисты в США и за рубежом приготовились к отражению массированной атаки на дарвинистскую науку. Однако никакого нападения не последовало. Общественное мнение в США давно отвергает дарвинизм, однако даже в таких штатах, как Алабама, Миссисипи и Южная Каролина, где имеется многочисленное и активное христианское население, в государственных университетах продолжают преподавать астрономию, генетику, геологию и палеонтологию, не заботясь о религиозной космологии, а научное сообщество Соединенных Штатов продолжает оставаться самым успешным в мире.

Большинство евангелистов не находят ничего странного в этом видимом противоречии. И менять они, в отличие от фундаменталистов, ничего не стремятся. Прагматизм культуры США, сочетаясь с некоторым антиинтеллектуализмом евангелической религии, создает очень широкую публичную терпимость к тому, что в глазах некоторых может выглядеть как нестерпимый уровень когнитивного диссонанса (состояние, характеризующееся столкновением в сознании индивида противоречивых знаний, убеждений и поведенческих установок относительно некоторого объекта или явления. — **Ред.**). В XVII столетии пуританский Гарвард был против космологии Коперника, но сегодняшняя евангелическая Америка вполне согласна с тем, что противоречие между библейской хронологией и датированным возрастом окаменелостей останется неразрешенным. Что не нравится евангелистам, так это то, что некоторые называют «сциентизмом»: речь идет о попытке преподавать эволюцию либо любой другой предмет таким способом, который исключает допущение возможности существования и деятельности Бога.

Евангелисты более оптимистично, чем фундаменталисты, относятся к перспективам нравственного прогресса. Та меньшая часть из них, которая придерживается доктрины постмиллениариз-

ма (считая, что второе пришествие Христа произойдет не до, а после установления тысячелетнего царства мира на Земле), убеждена, что рост морального уровня может продолжаться, пока человеческое общество не достигнет состояния святости. И что религиозное развитие отдельных людей и обществ может привести к установлению царства мира благодаря постепенному совершенствованию. Такой взгляд на историю вполне совместим с оптимизмом либеральных христиан, с которыми евангелисты действительно много раз объединялись в ходе исторического развития США ради совместной работы по совершенствованию и внутренней, и международной морали. Хотя премилленаристское большинство в меньшей степени верит в окончательный успех таких усилий, американские евангелисты зачастую допускают возможность улучшения человечества в краткосрочном плане.

Этот оптимизм евангелистов был описан и осмыслен в опубликованной в 2005 году книге *«Imagine! A God-Blessed America: How It Could Happen and What It Would Look Like»* («Представьте себе! Благословенная Богом Америка: как это могло бы случиться и на что было бы похоже») консервативного евангелиста Ричарда Лэнда. «Я верю, — заявляет автор, — что в нашей стране может состояться второе “Великое пробуждение” (*The Great Awakening* — период резкого усиления религиозности, “пробуждения от грехов к служению Господу” в колониальной Северной Америке XVIII века, особенно в Новой Англии. — Ред.), возрождение всей нации... Священное Писание говорит нам, что никто не знает наверняка день или час второго пришествия. Так что мы не имеем права отвернуться от мира со всеми его бедами. Нигде в Писании нас не призывают пессимистически затвориться в христианских гетто, выхватывая из мира новообращенных».

РАВНОВЕСИЕ СИЛ

В последние десятилетия в равновесии сил между религиозными группами в США произошли значительные изменения. Численность прихожан либеральных, исторически доминировавших ведущих протестантских церквей достигла максимума в основном в 1960-е. С тех пор количество членов этих общин резко упало, хотя число американских христиан в целом возросло. По данным *Christianity Today*, с 1960 по 2003 год численность последователей ведущих направлений сократилась более чем на 24 % — с 29 млн до 22

миллионов. Доля на рынке уменьшилась еще резче. В 1960-м более 25 % членов всех религиозных групп в Соединенных Штатах относились к семи ведущим протестантским течениям; к 2003 году эта цифра сократилась до 15 %. *Pew Research Center* сообщает, что в 1988-м 59 % американских протестантов причисляли себя к ведущим направлениям протестантизма; к 2002–2003 годам этот показатель упал до 46 %. За тот же период количество протестантов, считающих себя евангелистами, выросло с 41 % до 54 %.

В 1965-м к епископальной церкви в США принадлежало 3,6 млн человек – 1,9 % от общей численности населения. К 2005 году в стране насчитывалось только 2,3 млн членов епископальной церкви – 0,8 % населения. Количество приверженцев Объединенной методистской церкви снизилось с 11 млн в 1965-м до 8,2 млн в 2005 году. Число последователей пресвитерианской церкви (США) сократилось за то же время с 3,2 млн до 2,4 млн, а прихожан Объединенной церкви Христа стало наполовину меньше.

В течение того же периода к Южной баптистской конвенции примкнули более 7 млн верующих, в результате чего она превратилась, несмотря на некоторые признаки замедления роста после 2001-го, в крупнейшую протестантскую общину страны. В 1960–2003 годах это направление приобрело больше «душ», чем потеряли методисты, пресвитериане, епископальная церковь и Объединенная церковь Христа, вместе взятые. В 1960-м методистов в Соединенных Штатах насчитывалось почти на 2 млн больше, чем южных баптистов; к 2003 году последних оказалось больше, чем в совокупности методистов, пресвитериан, прихожан епископальной церкви и Объединенной церкви Христа.

Влияние этих тенденций на национальную политику обнаружить нетрудно. Верующие, которые считают себя евангелистами, составляли примерно 40 % от всего электората, голосовавшего в 2004-м за Джорджа Буша-младшего. В 2000 году он получил от белых евангелистов 68 % голосов, а в 2004-м – 78 %. (Большинство афроамериканских евангелистов продолжают голосовать за демократов. Что касается выходцев из Латинской и Центральной Америки, то в этой среде Буш пользовался значительно большей поддержкой у растущего протестантского меньшинства, чем у католиков; однако и протестанты, и католики из этой группы скорее поддерживали Буша, если они являлись практикующими верующими.) Евангелисты сыграли важнейшую роль также и на выборах в Палату представителей

и Сенат, и число членов Конгресса, причисляющих себя к евангелистам, выросло примерно с 10 % в обеих палатах в 1970 году до более 25 % в 2004-м.

Фундаменталисты, несмотря на некоторый рост их численности и политического присутствия, остаются менее влиятельными. Это происходит отчасти потому, что повсеместный оптимизм американского общества продолжает ограничивать привлекательность ультракальвинистской теологии. Более того, религиозная политика в Соединенных Штатах по-прежнему зависит от силы тех или иных коалиций, но фундаменталистская теология, которая продолжает рассматривать католицизм как зловредный культ, плохо приспособлена для игр. Что еще хуже, и сами фундаменталисты разрываются между двумя несовместимыми политическими позициями – угрюмым удалением от проклятого мира и амбициозной попыткой построить новое пуританское сообщество.

Наконец, многие евангелисты остаются невосприимчивы к фундаменталистским установкам. «Я верю слову Божьему, но не схожу от этого с ума», – объяснил преподобный Фрэнк Пейдж, новый президент Южной баптистской конвенции после своего избрания в июне 2006 года.

ВО ВНЕШНЕМ МИРЕ

Растущее влияние евангелистов отразилось на внешней политике США несколькими путями, приведя к изменениям, которые в особенности заметны в двух вопросах. Во-первых, придерживающееся евангелических воззрений руководство страны меняет приоритеты и методы в том, что касается политики в сфере гуманитарной помощи и прав человека, одновременно усиливая внимание как к оказанию помощи за рубежом, так и к защите прав человека. Во-вторых, усилилась поддержка Вашингтоном Государства Израиль несмотря на то, что либеральный христианский истеблишмент дистанцировался от Иерусалима.

Это не означает, что под воздействием политического влияния евангелистов Соединенные Штаты сегодня движутся в абсолютно новом направлении в данных и иных сферах. По крайней мере отдельные эпизоды этого фильма мы уже видели раньше: евангелисты были господствующей силой в американской культуре в течение большей части XIX века и начала XX столетия. Но так или иначе, ориентация страны заметно меняется в последние годы.

Евангелисты англо-американского мира издавна поддерживали политику оказания гуманитарной помощи и защиты прав человека на глобальной основе. Например, во главе британского движения против рабства стоял евангелист Уильям Уилберфорс. Евангелисты последовательно поддерживали движения за национальное освобождение XIX века (часто это касалось борьбы христианских меньшинств за освобождение от османского ига). Они также возглавляли многие реформистские кампании, нередко имевшие феминистскую направленность: против сати (самосожжение вдов [вместе с телом мужа]) в Индии, против бинтования ступней ног [у девочек] в Китае, в поддержку образования женщин во всех развивающихся странах и против сексуального рабства (торговля «белыми рабынями») по всему свету. Евангелистов издавна беспокоили также проблемы Африки.

Когда евангелисты недавно вновь оказались на руководящих позициях в политике США, они стали продвигать аналогичные цели, придавая новые импульсы и вкладывая средства в гуманитарные усилия США. При президенте Буше и активной поддержке со стороны Майкла Джерсона (евангелист, который [до 2006-го] был старшим политическим советником и спичрайтером Буша) помощь США странам Африки выросла на 67 %, включая 15 млрд долларов дополнительного финансирования — средств, выделенных на программы по борьбе с ВИЧ и СПИДом. Такие африканские политики, как Олусегун Обасанджо из Нигерии и Йовери Мусевени из Уганды, подчеркивали свои собственные евангелические устои для того, чтобы добиться поддержки в Вашингтоне подобно тому, как делали когда-то [исповедовавшие христианство] Сунь Ятсен и мадам Чан Кайши из Китая. Благодаря давлению евангелистов усилия по искоренению торговли людьми и сексуального порабощения женщин и детей стали играть более важную роль в политике Соединенных Штатов, которые возглавили борьбу за прекращение военных действий в Судане. Рик Уоррен, пастор евангелической мегацеркви в Южной Калифорнии и автор книги «Целеустремленная жизнь» («*The Purpose Driven Life*» — бестселлер номер один за всю историю издательского дела в США), мобилизовал все 22 тыс. своих прихожан на оказание помощи в борьбе со СПИДом во всем мире (проведя у себя конференцию на эту тему и тренинг волонтеров) и на налаживание связей с церквями в Руанде.

Евангелисты, однако, не просто следовали курсу в сфере гуманитарной помощи и прав человека, выработанному либеральными

и светскими лидерами. Они сосредоточили усилия на свободе вероисповедания, включая свободу прозелитизма и обращения. Благодаря в первую очередь именно поддержке евангелистов (хотя определенную роль сыграли и некоторые католики и иудеи) Конгресс принял в 1998 году Международный закон о свободе вероисповедания, создав при несколько скептически настроенном Госдепартаменте Международный отдел свободы вероисповедания.

Несмотря на эти правительственные инициативы, евангелисты по причинам как культурного, так и богословского свойства зачастую подозрительно относятся к межгосударственной помощи и многосторонним институтам. Они предпочитают самостоятельные или основанные на вере организации. В целом они всегда демонстрируют готовность поддержать усилия, направленные на решение конкретных проблем, однако скептически относятся к грандиозным планам и крупномасштабным программам по помощи развитию. Евангелисты часто остро реагируют на конкретные человеческие страдания и отдельные случаи несправедливости, однако их больше интересует разрешение проблем, чем построение институтов. (Либеральные христиане нередко сожалеют об этом свойстве, считая его проявлением антиинтеллектуализма евангелической культуры.)

Политика США в отношении Израиля — вот еще одна область, где явно заметен рост влияния евангелистов. У этих отношений тоже давняя история. На самом деле американский протестантский сионизм куда старше, чем его современная еврейская версия: в XIX столетии евангелисты постоянно обращались к властям США с петициями о создании убежища на Святой земле для преследуемых евреев из Европы и Османской империи.

Евангелическое богословие США придерживается уникальной точки зрения на роль еврейского народа в современном мире. С одной стороны, евангелисты разделяют широко распространенный взгляд христиан на то, что последние являются новыми и истинными детьми Израиля, наследниками обетования, данного Богом древним иудеям. Однако, в отличие от многих других христиан, евангелисты также верят в то, что роль еврейского народа в Божьем замысле непреходяща. В XVII и XVIII веках тщательное изучение библейских пророчеств убедило евангелических богословов и верующих в том, что евреи вернуться на Святую землю до того, как состоится триумфальное второе пришествие Христа. Более того, хотя ожидается, что в годы смуты накануне второго пришествия Иисуса

многие евреи обратятся к Христу, значительная часть евангелистов полагают, что до наступления этих времен большинство евреев будут продолжать его отвергать. Эта вера намного ослабляет потенциальные трения между евангелистами и иудеями, поскольку, в отличие от Мартина Лютера, евангелисты не ждут, что, как только иудеи познакомятся с истинной верой, они в массовом порядке обратятся в христианство. Ярость Лютера, когда его ожидания не оправдались, привела к усилению в нем антисемитизма — с современными же евангелистами это вряд ли произойдет.

Евангелисты также рассматривают сохранение до наших дней еврейского народа как сильный аргумент в пользу и существования Бога, и его роли как творца истории. В книге Бытия (первая книга Моисеева из Ветхого Завета. — Ред.) говорится о том, как Бог сказал Аврааму: «И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя... Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные». С точки зрения евангелистов, тот факт, что еврейский народ пережил тысячелетия и вернулся на свои древние земли, доказывает реальность Бога, боговдохновенность Библии и истинность христианской религии. Многие верят, что обетования из книги Бытия всё еще действительны и что Бог Авраама буквально благословит Соединенные Штаты, если они благословят Израиль. В слабости, поражениях и бедности арабского мира они видят убедительное подтверждение того, что Бог проклинает тех, кто проклинает Израиль.

Критика в адрес Израиля и США за их поддержку Израиля не убеждает евангелистов. Напротив, она даже укрепляет их убежденность в том, что мир ненавидит Израиль потому, что «падший человек», естественно, должен ненавидеть Бога и его «избранный народ». Отстаивая Израиль, евангелисты чувствуют, что защищают Бога, а за него они готовы выступить против всего остального мира. Так, Джон Хейджи, старший проповедник крупной евангелической церкви с 18 тыс. прихожан в Сан-Антонио (штат Техас) и автор нескольких бестселлеров по версии *The New York Times*, пишет, что, если Иран нападет на Израиль, американцы должны быть готовы «немедленно остановить этого злонамеренного врага». «Отношение Бога к еврейскому народу можно найти в стихе 3 главы 12 книги Бытия», — утверждает Хейджи и далее цитирует вышеприведенные слова о благословениях и проклятиях. «Америка находится на перепутье, — предупреждает Хейджи. — Будем ли мы верить и по-

виноваться слову Божьему об Израиле, или же мы продолжим увиливать и сочувствовать врагам Израиля?»

Возвращение евреев на Святую землю, их поразительные победы над численно превосходящими арабскими армиями и даже поднимающаяся волна ненависти, которая угрожает евреям и в Израиле, и за его границами, укрепляют не только преданность евангелистов Израилю, но и позиции евангелистской религии в жизни Америки. История современного еврейства читается как одна из книг Библии. Холокост напоминает о попытках геноцида, предпринятых фараоном в книге Исход и Аманом в Книге Есфири; последовавшее за Катастрофой создание еврейского государства похоже на одну из многих историй Ветхого Завета, описывающих аналогичные случаи победы и спасения евреев. По мнению евангелистов, эти исключительные события современной еврейской истории тоже доказывают, что Бог есть и творит историю. А с учетом психологических последствий существования ядерного оружия многие евангелисты начинают ощущать, будто живут в мире, подобном миру Библии. Тот факт, что внешняя политика США сейчас концентрируется на защите страны против угрозы массовых терактов, которые потенциально могут быть совершены с помощью апокалиптически ужасного оружия руками антихристианских фанатиков, ведущих религиозную войну, мотивированную ненавистью к Израилю, только подкрепляет мировоззрение евангелистов.

Американские либеральные христиане (как и светские либералы) тоже традиционно благожелательно относятся к сионизму, но исходя из другой точки зрения. Полагая, что евреи — это такой же народ, как и любой другой, они поддерживают сионизм так же, как они действуют в отношении национальных движений других угнетенных групп. Однако в последние десятилетия либеральные христиане начали на тех же основаниях все больше сочувствовать национальному движению Палестины. В 2004 году пресвитерианская церковь приняла резолюцию, призывающую к ограниченному изъятию капиталовложений из компаний, занимающихся бизнесом с Израилем (резолюция была, по сути, аннулирована в 2006-м после жестокой борьбы). По результатам одного исследования, 37 % заявлений, сделанных ведущими протестантскими церквями в связи с нарушениями прав человека в 2000–2004 годах, касались Израиля. Ни одна другая страна не подвергалась столь частой критике. Как могло случиться, что поддержка Израиля со стороны Вашинг-

тона растет тогда, когда в среде, прежде представлявшей собой религиозный и интеллектуальный истеблишмент, сочувствие к этой стране ослабевает? Любители теорий заговоров, а также светские ученые и журналисты в Соединенных Штатах и за рубежом пытаются связать это противоречие с еврейским заговором, или, выражаясь более корректно, «еврейским лобби». Более убедительное объяснение кроется в динамике религиозной жизни США. Социальная и политическая власть евангелистов растет, в то время как либеральные христиане и светские интеллектуалы ее теряют. Евреи здесь совершенно ни при чем.

НОВОЕ ВЕЛИКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Нынешнее влияние американских евангелистов на политику страны пока еще себя не исчерпало, что вызывает тревогу у секуляристов и либералов в Соединенных Штатах и за рубежом. Однако было бы более разумно реагировать на ситуацию с умеренным оптимизмом, чем с паническим ужасом. Религия в Соединенных Штатах слишком плюралистична для того, чтобы допустить господство какого-либо одного-единственного течения. Растущее присутствие и влияние нехристианских общин в стране — иудеев, мусульман, буддистов, индуистов и прежде всего секуляристов — будут по-прежнему ограничивать способность какой-либо одной религиозной группы навязать свои ценности всем остальным.

Либералы, будь то религиозные либо нет, могут стремиться к тому, чтобы находиться в оппозиции интересам евангелистов в вопросах внутренней политики. Однако в большинстве случаев эти разногласия никогда не выходят за определенные границы. По мере того как восходящий евангелический истеблишмент набирается опыта в международной политике, он, вероятно, становится ценным, пусть даже не всегда удобным партнером для большинства секулярных или либеральных христианских политиков. Некоторые представления о чрезмерном влиянии евангелистов на внешнюю политику просто-напросто преувеличены. После терактов 11 сентября, например, широко распространились опасения по поводу того, что евангелические христиане потребуют объявить священную войну против ислама. Некоторые видные религиозные лидеры (в основном не евангелисты, а фундаменталисты) позволили себе неслыханные высказывания: например, [проповедник-евангелист] Джерри Фэлуэлл назвал пророка Мухаммеда «террористом». Одна-

ко на него обрушилась мощная волна критики со стороны коллег.

Евангелисты США в основном стремятся придерживаться своей неколебимой веры и сохранить свое христианско-протестантское мировоззрение, одновременно поддерживая сотрудничество поверх конфессиональных барьеров. Вместе с католиками они выступают за запрещение аборт, а с религиозными и светскими евреями — в поддержку Израиля. Сегодня было бы полезно, если б они попытались сотрудничать также и с мусульманами. В конце концов, вплоть до окончания Второй мировой войны миссионерские больницы и школы предоставляли многим жителям Ближнего Востока основную возможность соприкоснуться с Соединенными Штатами; евангелисты более ста лет поддерживали тесные и в основном базировавшиеся на сотрудничестве отношения с мусульманами всего арабского мира. И мусульман, и евангелистов беспокоят глобальная бедность и проблемы Африки. И те, и другие выступают против того, чтобы в общественных и международных вопросах доминировал секулярный подход. Обе группы считают, что СМИ должны с уважением относиться к религиозным представителям и ценностям; обеим не нравится прославление свободного секса в массовых развлекательных программах. И ислам, и евангелизм являются демократичными религиями, в которых отсутствуют институт духовенства и иерархия.

Мусульмане и евангелисты никогда не придут к согласию по всем вопросам, а некоторые из их договоренностей могут не понравиться светским людям. Но стимулирование диалога между мусульманами и евангелистами может оказаться одним из лучших способов предотвратить угрозу войны цивилизаций.

Более того, обеспокоенным наблюдателям следует помнить, что евангелистская теология не ведет автоматически к джексоновской, или популистской, внешней политике. Процесс обсуждения и взаимных уступок по широкому кругу проблем способен во многих случаях сократить расхождения между евангелистами и всеми остальными. Опасаться, что евангелистская политика может способствовать переходу Соединенных Штатов на жесткие и крайние позиции, — значит тратить время впустую; работа с вдумчивыми евангелистскими лидерами (например, над формированием теологически обоснованного подхода к правам палестинцев) расширит базу для более продуманной, хотя ни в коем случае не антиизраильской, политики США.

Точно так же привлечение евангелистов к участию в расширенных

обсуждениях вопросов внешней политики может иметь удивительные и (для некоторых) вдохновляющие последствия. Группа ведущих консервативных евангелистов недавно подписала заявление по вопросу изменения климата, в котором говорилось о том, что данная проблема реально существует и деятельность человека в значительной мере усугубляет ее, что цена бездействия окажется весьма высокой и отразится в наибольшей степени на бедняках и что моральный долг христиан — помочь решить ее. Одновременно произошли изменения в подходах к суданскому вопросу: если сначала евангелисты боролись против насилия в Судане, против похищения и продажи в рабство христиан на юге этой страны, то теперь они расширили коалицию, с тем чтобы направить усилия на защиту мусульман в Дарфуре (провинция в Судане. — Ред.).

Евангелисты, скорее всего, сосредоточатся на проблеме исключительности США в большей степени, чем это по вкусу либералам, и будут больше заботиться о нравственном поведении Соединенных Штатов на международной арене, чем предпочли бы большинство реалистов. Но евангелисты в обозримом будущем останутся у власти, и тем, кого волнует внешняя политика Вашингтона, лучше искать сближения с ними. По мере того как все больше евангелистских лидеров приобретают непосредственный опыт в международных делах Америки, они, вероятно, смогут привнести в эту сферу то, чего там сегодня, к несчастью, не хватает. Речь идет о заслуживающей доверия группе экспертов, хорошо знакомых с нюансами и дилеммами международной ситуации и способных убедить значительную часть американцев оказать поддержку сложным и не всегда очевидным подходам, которые порой необходимы в этом грешном и нерадостном, или, осмелюсь сказать, падшем, мире.

Война умов

“ Во времена Аристотеля считалось, что главное отличие свободных людей от варваров — неотъемлемое право первых «участвовать в суде и в совете», служащее им самой надежной гарантией от произвола властей. Свобода отождествлялась с политической модернизацией. Ибо что же такое политическая модернизация (отвлекаясь от ее институциональных аспектов), если не гарантии от беззакония со стороны властей? ”

Сколько на Земле цивилизаций?

Александр Янов

54

Конфликт цивилизаций: исчезновение или возрождение России?

Михаил Демурин

65

Европейский «центр» и его «окраины»

Владислав Иноземцев

77

Сколько на Земле цивилизаций?

Александр Янов

Три четверти столетия жила Россия с одной, но зато «единственно верной» идеей. Не успели прочесть над ней отходную, как в пропагандистском и научно-гуманитарном сообществах начались лихорадочные поиски новой, так сказать, национальной идеи, которая исполняла бы функции покойной — по-прежнему бы все объясняла и всех объединяла. Победительницей в этой длительной перепалке, судя по всему, выходит идея особой «русской цивилизации».

Власти предрасположенные отнеслись к ней утилитарно и стали использовать ее, чтобы разъяснять свою политику. В первую очередь, конечно, на международной арене. Тем более что сейчас, как известно из авторитетных западных источников, происходит «столкновение цивилизаций» между иудеохристианским Западом и исламским Востоком. Может ли Россия как самостоятельная «цивилизация» не занять позицию в этом противостоянии?

Многие, впрочем, склоняются к точке зрения Александра Дугина, утверждающего, что России, мол, нечего делать в этой схватке, кроме как тихо радоваться, что нашлась наконец «цивилизация», пусть и одержимая средневековым фанатизмом, но способная бросить вызов «абсолютному врагу» (по терминологии того же Дугина) — Америке. Да и для внутренней политики идея полезная. Если в России есть своя цивилизация, то ее атрибуты отличаются от цивилизации западной. Там, допустим, упразднение

А.Л. Янов преподавал русскую историю и политические науки в университетах Беркли, Анн-Арбора и Нью-Йорка. Последняя должность — профессор политических наук в аспирантуре Нью-Йоркского городского университета. Данная публикация — отрывок из готовящейся к публикации трилогии «Россия и Европа. 1462–1921».

реального разделения властей считалось бы тиранией, а у нас оно — суверенная демократия.

Научное сообщество, призванное обеспечить теоретическое обоснование новорожденной идеи, вполне для нее созрело. Самым ярким свидетельством этого стала ошеломляющая метаморфоза историка, члена-корреспондента РАН Андрея Николаевича Сахарова. В прошлом он являлся блюстителем чистоты марксистских риз советской историографии, нынче же срочно «перековался» в проповедника «русской цивилизации» и неоевразийца. Что уж говорить о менее значительных персонажах, которые наперегонки пишут учебники и читают лекции по «истории цивилизаций» и особенностях их «столкновения», не сомневаясь в том, что используемая ими модная терминология — это «единственно верный подход» к истории и политике.

ОТРЕЧЕНИЕ

В то время как в России внезапная победа официозного постмодернизма выглядит как простая замена одной догмы на другую, более политкорректную, в западном мире «мультицивилизационное» поветрие вылилось в медленное и мучительное отречение от основ, заложенных столетия назад классиками политической мысли. В первую очередь Аристотелем и Гегелем.

Во времена Аристотеля считалось, что главное отличие свободных людей от варваров — неотъемлемое право «участвовать в суде и в совете», служащее им самой надежной гарантией от произвола властей. Иначе говоря, свобода отождествлялась с политической модернизацией. Ибо что же такое политическая модернизация (отвлекаясь от ее институциональных аспектов), если не гарантии от беззакония со стороны властей?

Даже в страшном сне Аристотелю не могло присниться такое толкование прошедших событий, в соответствии с которым варварская Персидская империя, пожелавшая в V веке до н. э. стереть с лица земли демократические Афины, являлась всего лишь соседней цивилизацией. Да еще и имевшей определенные преимущества перед греческим полисом (например, «опыт имперостроительства», как сказал бы сегодня А.Н. Сахаров). На исходе XX столетия теоретическую базу под этот удивительный, с точки зрения Аристотеля, постулат, ставящий на одну доску демократию и деспотизм, подвел американец Самьюэл Хантингтон, провозгласивший, что «каждая из цивилизаций по-своему цивилизована».

Спустя столетия после Аристотеля другой великий европейский мыслитель выразил свое представление о цивилизованности и варварстве культур и народов в строгой формуле: «Всемирная история есть прогресс в осознании свободы» (или «в обретении человеком внутреннего достоинства», как сказал он в другом месте). Из этой формулы Гегеля недвусмысленно вытекало, что народы, не ставящие себе целью обретение внутреннего достоинства, **не являются** цивилизованными. Или (что, по его мнению, то же самое) остаются варварами до тех пор, покуда этой целью не задались.

Можно не соглашаться с жестким детерминизмом философа, но он верил, что непременно настанет день, когда цивилизованными станут все народы. Убеждение было настолько сильным, что передалось сегодняшним последователям Гегеля. В том числе и Фрэнсису Фукуяме, который, как известно, в 1989 году объявил «городу и миру», что «идеологическая эволюция человечества завершилась» в связи с окончательной победой демократии (а стало быть, и идеи «внутреннего достоинства человека») над ее тоталитарными соперниками — фашизмом и коммунизмом. И печально добавил в заключение, что, дескать, в результате окончания истории «жизнь станет, пожалуй, скучной».

Грусть Фукуямы оказалась, как мы знаем, преждевременной. Идея создания исламского халифата не даст нам соскучиться, боюсь, еще долгое время.

ТЕЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ ИЛИ ИСТОРИЯ?

Увы, день, когда европейские мыслители отреклись от учения классиков, настал намного раньше торжества всеобщей свободы. Аристотеля и Гегеля объявили закосневшими в «европоцентризме», чтобы не сказать, отжившими. Арнолд Тойнби решительно обличил их «эгоцентрические иллюзии» и «провинциальное высокомерие». Фернан Бродель с неменьшей горячностью призвал читателей осознать, наконец, «великие культурные конфликты человечества и множественность его цивилизаций». А Освальд Шпенглер и вовсе приравнивал аристотелевское представление о варварстве к птолемеевской модели мира и вообразил себя кем-то вроде Коперника в истории и политике. Короче говоря, сердились они на классиков очень сильно, рассматривая их заботу о внутреннем достоинстве человека как неподобающую серьезным ученым.

И естественно, обнаружили во тьме варварства множество цивилизаций, пусть несколько не озабоченных гарантиями от про-

извола властей, но, по их мнению, вполне равноценных аристотелевскому свободному миру. При этом серьезные ученые справедливо указывали на достижения многих народов, хотя и живших под гнетом свирепых деспотий, но «по-своему цивилизованных», в области архитектуры, астрономии, алгебры, изящной словесности, то есть в сферах, не имевших отношения к политике и, следовательно, неспособных бросить вызов власти деспота.

Так или иначе, понятие «варварство» исчезло из философского лексикона. С ним отмерли критерии цивилизованности культур и народов. Отныне Персидская империя могла претендовать на статус «цивилизации» ничуть не меньше демократических Афин.

Одно лишь упустили из виду постмодернистские мыслители: вековой деспотизм не проходит даром. Отсутствие политической модернизации, то есть все то, что Аристотель считал варварством, на самом деле законсервировало народы в «средневековом» состоянии. И страшно аукнулось впоследствии. Например, сегодняшним исламским фанатизмом.

Авторитетом новую «мультицивилизационную» парадигму наделили основополагающие работы Тойнби «Постижение истории» и Броделя «История цивилизаций», а популярной в широких элитных массах, особенно в России, сделало ее «Столкновение цивилизаций» Хантингтона.

Замученный боксерами китаец-христианин
«Московский листок», 1900 г.

Эти солидные ученые труды нанесли почти такой же сокрушительный удар по классической формуле цивилизованности, какой самодержавная революция царя Ивана Грозного нанесла по социально-политическому устройству Москвы времен Ивана III. Не знаю, можно ли еще спасти классическую формулу от этого нового — варварского, если угодно, — нашествия постмодернистской конницы. Во всяком случае, перед глазами пример, который заставляет в этом усомниться.

Речь идет о знаменитом современном историке Иммануиле Валлерстайне. Именно под его пером бо́льшая часть прошлого человечества — с VIII века до н. э. до 1500 года н. э. — предстает как грандиозный провал во времени. Исключения, понятно, были. Например, классические Греция и Рим, заложившие фундамент современной философии, политической мысли, истории, юриспруденции, не говоря уже о категориях свободы и ограничений власти, о демократии, монархии и республике. Одним словом, основы всего, что в представлении Аристотеля противостояло варварству. Однако античный задел не сумел обеспечить непрерывность исторического процесса.

В результате Грецию и Рим, согласно Валлерстайну, тоже поглотила бездна, то есть гигантская варварская ойкумена, напроочь лишенная политической динамики (а стало быть, и движения в сторону свободы) и поэтому остававшаяся вне истории и уж в любом случае вне цивилизации.

И что же? Может быть, историческая концепция Валлерстайна уберегла его от того, чтобы стать самым преданным из учеников Броделя, верившего, подобно Хантингтону, что вся тогдашняя ойкумена была «по-своему цивилизована»? Отнюдь. Как лидер мегаисторической школы, Валлерстайн нисколько не сомневается в том, что существование всех этих варварских «цивилизаций» сводилось, говоря его собственными словами, «лишь к процессу расширения и сокращения [имперских территорий], который, похоже, являлся их судьбой». Зато в качестве руководителя Центра Фернана Броделя он обязан усматривать в этом бессмысленном «процессе» некий высший «цивилизационный» смысл.

Но ведь в этом противоречии как раз и состоит главное различие между классическим и постмодернистским подходами к истории и политике. Если классический подход кладет в основу общественного движения категории свободы и человеческого достоинства, внося тем самым в прошлое смысл и трансформируя течение времени в **историю**, то «мультицивилизационный» подход совершает прямо противо-

положную операцию, превращая историю в бессмысленное течение времени — в процесс расширения и сокращения территорий.

МАСКАРАД

Если, тем не менее, столько первоклассных умов (и еще больше их эпигонов) освятили своим авторитетом именно эту «противоположную операцию», то попытка пробить в ней брешь выглядит в наши дни предприятием довольно безнадежным. И все-таки давайте попробуем.

Начнем с постмодернистского определения цивилизации. Вот как выглядит оно у Хантингтона: «Цивилизацию определяют как общекультурные элементы — язык, история, религия, обычаи, институты, так и субъективная самоидентификация». А.Н. Сахаров (понятно, в своей постмарксистской ипостаси) согласен: «Характер, привычки, традиция живущих в стране людей... отличия от других обществ. Это и называется цивилизацией».

Дело здесь даже не в том, что «прогресс в осознании свободы» или «внутреннего достоинства человека», не говоря уже об «участии в суде и в совете», которые некогда отделяли цивилизацию от варварства, исчезли из этих определений бесследно (у А.Н. Сахарова они и вовсе заменены «стремлением к удобствам, к комфорту... к материальному достатку»). Непонятно, по какой, собственно, причине следует отныне называть все эти «общекультурные элементы» цивилизацией, если испокон веков назывались они своим собственным именем, то есть **культурой**?

Культур и в самом деле на белом свете много. Столько же, сколько народов: у каждого своя. Но А.Н. Сахаров говорит о «зарождении русской цивилизации» (не культуры, заметьте, а цивилизации, и не российской, а русской). Между тем даже Хантингтон признаёт: «Культура есть общая тема практически в каждом определении цивилизации». Более того, «цивилизация — это и есть в широком смысле культура». Так что же мы приобретаем, объявляя «культуру в широком смысле» цивилизацией? Что дает нам этот маскарад для понимания истории и политики?

И нельзя ведь сказать, чтобы не понимали значения этого маскарада и сами постмодернисты. Не назвал же Хантингтон свою знаменитую книгу «Столкновение культур». Согласитесь, это звучало бы намного менее эффектно, чем «столкновение цивилизаций». Многие, пожалуй, сочли бы его предсказание скорее нелепым.

Классики, как мы видели, очень ясно и точно сформулировали критерии **цивизованности** культур и народов. И цель их тоже ясна: объяснить, при каких условиях возможен переход от варварства к цивилизованности.

А какова цель постмодернистов? Показать, что никакого варварства не существовало и не существует и что все культуры равны между собою? Но почему в таком случае лишь немногие культуры возведены ими в ранг «цивилизаций», а остальные отсеяны как второсортные? И какими, собственно, критериями руководствуются постмодернисты при этом разделении?

ОПРАВДАНИЕ АРХАИКИ

Маскарад этот вовсе не безобидный. В особенности когда один из главных его распорядителей, Арнолд Тойнби, категорически провозгласил, что «цивилизация есть тотальность», и никто из постмодернистов не возразил и не возражает. Но что же иное может это означать, если не противопоставление одной «тотальности» другой? Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Например, с такими, как тотальная солидарность, когда все народы одной «цивилизации» обязаны встать на защиту любого из «своих». Как заступилась в XVII столетии Швеция за протестантских немецких князей, а Франция — за католических (в ходе Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. — Ред.). Или как встала на защиту сербов Россия в 1914 году, обрекая себя — и мир — на политическую катастрофу.

«Тотальность» предполагает, между прочим, еще и этнические чистки. Предполагает и массовые движения под лозунгами «цивилизационной» чистоты вроде «Россия для русских». Так же, как и зеркальное его отражение «Латвия для латышей».

Хуже того, триумф «мультицивилизационного» подхода привел к тому, что даже террористы-убийцы из какой-нибудь «Хезболлы» или «Аль-Каиды» для нас теперь и не варвары вовсе, а, напротив, гордые защитники своей цивилизации, равноправные участники пресловутого «столкновения», доблестно отражающие нашествие «крестоносцев». И публике даже в голову не приходит спрашивать об их отношении к внутреннему достоинству человека и уж тем более к свободе: сказано ведь, что «каждая из цивилизаций по своему цивилизована». Удивительно ли, что в V веке до н. э. «цивизованность» Персидской империи требовала стереть с лица земли де-

мократические Афины или то, что в наши дни подобный призыв раздается в отношении Израиля?

Приобщая к лону цивилизации архаику древних деспотий, постмодернистское поветрие в истории и политике существенно затрудняет изучение всего, что препятствовало — и препятствует — политической модернизации стран ислама. И тем самым косвенно помогает сегодняшним фанатикам прикрывать свою культурную отсталость особенностями своей веры. Такова, выходит, объективная функция этого подхода: в «мультицивилизационной» темноте все кошки одинаково серы.

КАК БЫТЬ С РЕЛИГИЕЙ?

Парадоксально, но свое главное преимущество постмодернисты видят именно в том, в чем они наиболее уязвимы. «Важнейшим из объективных элементов цивилизации, — считает Хантингтон, — является религия». И поясняет, что «люди одного и того же этнического происхождения и говорящие на одном и том же языке, но **разной веры** могут истреблять друг друга, как случилось в Ливане, в бывшей Югославии и на [Индийском] субконтиненте». Как будто последователи одной и той же веры (принадлежащие, согласно данной логике, к одной цивилизации), не истребляют друг друга столь же свирепо (как наблюдаем мы, например, в сегодняшнем Ираке, где противостояние между шиитами и суннитами достигло пика)!

Разве еще в VII веке не убили шииты всех трех первых суннитских халифов? И разве не продолжалась эта резня столетиями — в беспрерывных войнах между шиитской Персией и суннитской Турцией? И разве, наконец, «христианнейшие» короли Франции не помогали в течение десятилетий туркам в войне против своих единоверцев Габсбургов?

Несмотря на все это, единомышленники Хантингтона почему-то уверены, что именно непримиримость разных конфессий делает «тотальность» цивилизаций неразрушимой, если хотите — вечной. Правы ли они? Ведь даже если принять все послышки постмодернистов, у них все равно не сходятся концы с концами. Начнем с того, что сама связка «религия — цивилизация» не выдерживает критики. Просто потому, что существуют «цивилизации», не опирающиеся на одну, определенную религию, и существуют мировые религии, которые **не стали** основой «цивилизаций».

Возьмите хотя бы первую в истории монотеистическую религию — иудаизм, одна из сект которого дала начало христианству. Иудаизм не породил никакую особую «цивилизацию»: Израиль принадлежит скорее к цивилизации европейской. А ведь есть еще, скажем, и буддизм. Подобно христианству он не прижился в стране, в которой увидел свет, но, изгнанный из Индии, широко разошелся по миру. И если христианство завоевало север и запад Евразии, то буддизм практически охватил ее юг и восток — от Лаоса до Кореи и от Монголии до Таиланда, не говоря уже о Тибете. Но основой «цивилизации» он не стал. Во всяком случае, никто из постмодернистов «буддистскую цивилизацию», насколько я знаю, не упоминает.

И наоборот, непонятно, какая религия является «важнейшим объективным элементом», допустим, китайской «цивилизации». Конфуцианство? Буддизм? А «цивилизации» японской? Буддизм? Синтоизм? А если Хантингтон прав и у нас на глазах складывается «цивилизация» африканская? Какая религия будет при таком раскладе править бал на Черном континенте?

А вот пример еще более наглядный. Будь постмодернисты правы, Германия с ее католическим югом и протестантским севером просто не состоялась бы как нация-государство. Другой была бы вся Европа. Во всяком случае, во второй четверти XVII столетия, когда вражда между католиками и протестантами вылилась в кровавую Тридцатилетнюю войну, в которую как раз и вмешались Франция и Швеция, мир между обеими конфессиями казался невозможным. Тем более что конфликт двух германских «цивилизаций» на глазах превратился в общеевропейский.

Если и происходило когда-нибудь в истории «столкновение цивилизаций», то как раз в этой беспощадной конфессиональной войне, затянувшейся на целое поколение. Путей решения конфликта, как казалось тогда, было лишь два: либо массовый переход протестантов в католичество, либо распад Германии и исчезновение христианства как общей религии ее граждан. И чем же закончилась схватка, какая из двух цивилизационных «тотальностей» победила?

Да никакая. Ведь на самом деле имелся еще и третий, цивилизованный в аристотелевском понимании экуменический выход из конфликта конфессий. Поэтому и завершилось дело в Германии (и в Европе) не массовым переходом протестантов в католичество и уж тем более не исчезновением христианства. Все увенчалось примирением конфессий и объединением **двух** европейских «цивилизаций»

в одну (если, конечно, поверить Хантингтону, будто религия действительно является «важнейшим элементом цивилизации»). Так, может быть, никаких таких «цивилизаций» и не было?

История и сегодня подтверждает, что не существует «цивилизаций», ядром которых являются религии. Это правда, что православная Россия и по сей день не примирилась с западным христианством. Зато подавляющее большинство православных народов — греки, болгары, румыны, черногорцы, киприоты, молдаване, македонцы, украинцы, грузины, даже сербы — отчаянно стремятся в лоно вроде бы, если верить постмодернистам, чуждой им западной цивилизации. Какой после этого может быть разговор о «православной цивилизации»?

Многие мусульманские народы и поныне объясняют вековую отсталость своей политической культуры, на самом деле обусловленную их деспотическим прошлым, непримиримой конфессиональной рознью с «крестоносцами» и иудеями. Но разве не точно так же еще в XIX веке объясняли свою политическую несовместимость с «латинами» те же православные народы, соблазняя российских панславистов?

И вот несколько поколений спустя (как и в случае былой, казалось бы «тотальной», вражды между протестантами и католиками) мы видим противоположную картину. Так какова же цена «тотальным цивилизациям» постмодернистов, которые пытаются, вопреки не только истории, но и тому, что мы видим своими глазами, увековечить конфессиональную рознь, возведя ее в ранг вечного закона истории?

ПРОИЗВОЛ

Но все-таки самым убедительным аргументом против постмодернистского подхода к истории и политике остается, как мы уже упоминали, его абсолютная произвольность. Хантингтон, допустим, не устает повторять, что «лишь семь или восемь из всего множества культур» достойны возведения в ранг цивилизаций. Но как быть с утверждением Тойнби, который насчитывал 21 «цивилизацию» (позднее даже 23)?

Допустим, что многие из двух дюжин тойнбианских «цивилизаций» сегодня мертвы, а Хантингтон имеет в виду лишь те, что и по сию пору живы (кстати, таких у Тойнби всего пять, а не семь или восемь). Но что делать с коллегой Хантингтона Филипом Багби, в «Культуре и истории» которого лишь одиннадцать «цивилизаций» (как исторических, так и современных?) И как быть с Кэроллом Ку-

игли, в чьей «Эволюции цивилизаций» находится место для 16 исторических «цивилизаций» и еще, возможно, для восьми «дополнительных»? Тем более что у Мэтью Мелко в «Природе цивилизаций» всего 12 исторических, из которых дожили до наших дней пять, но не те, что у Тойнби (китайская, японская, индийская, исламская и западная). А знаменитый отечественный предшественник наших постмодернистов Николай Данилевский категорически настаивал на том, что цивилизаций (которые он, впрочем, именовал еще «культурно-историческими типами») насчитывалось в истории ровно десять.

Крупнейший американский историк Уильям Макнил столь же категорически не согласен. В его «Возвышении Запада» «цивилизаций» всего девять — столько же, сколько у Броделя. И лишь в «Закате Европы» Шпенглера число «цивилизаций» более или менее совпадает с тем, что предлагает Хантингтон, — восемь (правда, «русской цивилизации» никто из них, включая Данилевского, почему-то не обнаружил; единственное, которое они упоминают, «государство-цивилизация — Япония»). Другие, впрочем, добавляют еще латиноамериканскую и православную «цивилизации», а Хантингтон, как мы уже говорили, даже африканскую.

Многочисленные проповедники «мультицивилизационного» подхода даже и не пытаются не только примирить взгляды, но и хоть как-то объяснить расхождения в своих концепциях. Одним словом, невозможно избавиться от ощущения хаоса и произвола, безраздельно царящих в этом теоретическом королевстве.

Постмодернисты просто не захотели заметить принципиальное различие между универсальной и полной достоинства гегелевской **цивилизованностью** культур и народов, четко отделяющей свободных людей от варваров, и мутным «мультицивилизационным» подходом, ставящим на одну доску жертв варварского террора и их палачей.

А нужно ли вообще вникать в разницу между классической проблемой перехода от варварства к Цивилизации (с прописной буквы) и постмодернистской идеей множественности «цивилизаций» (со строчной)? Да, нужно. Ведь, повторю, в сегодняшней России это постмодернистское поветрие на глазах трансформируется в новую, «единственно верную» идею, способную завести не только нас с вами, но и наших правителей, ученых и пропагандистов в такой же политический тупик, в какой уже завел однажды марксизм-ленинизм. И было бы неразумно даже не попытаться остановить эту роковую трансформацию. Пока не поздно.

Конфликт цивилизаций: исчезновение или возрождение России?

Михаил Демурин

О конфликте цивилизаций уже сказано столько, что на первый взгляд и добавить-то нечего. Но начинаешь перечитывать «хорошо забытое старое» – русских религиозных философов – и понимаешь: на их общем фоне многие важнейшие аспекты развития нашей страны как особой цивилизационной сущности остаются неосмысленными. Многие сформулировано поверхностно, зачастую преобладает не стратегическое видение, а сиюминутная политическая конъюнктура.

Мне могут возразить: правомерно ли искать ответы на вопросы сегодняшнего дня в размышлениях вековой давности, да еще выстроенных в сугубо идеалистической парадигме? К тому же творчество русских религиозных философов конца XIX – начала XX века в коренных своих постулатах скорее отходит от православной традиции, чем приближается к ней. И все же...

Обращаешься к творчеству Фёдора Достоевского и Владимира Соловьёва, берешь в руки практически любую работу Сергея Булгакова, Николая Бердяева, Семёна Франка, Ивана Ильина либо их интеллектуальных сподвижников – и понятнее становится сама содержательная сторона спора о политике России на нынешнем переломном этапе ее развития, в условиях растущего конфликта цивилизаций.

ТРЕТЬЯ СИЛА

В известной публичной лекции «Три силы», прочитанной в Обществе любителей российской словесности (1877), и – позже – в «Философских началах цельного знания» Владимир Соловьёв предель-

М.В. Демурин – Чрезвычайный и Полномочный Посланник II класса в отставке, член Политического совета, заместитель руководителя Исполнительного комитета партии «Родина».

но просто и точно сформулировал суть мирового цивилизационного конфликта, свидетелями которого мы являемся сегодня.

Философ прав в том, что речь идет о столкновении между миром Востока, где личность и общество всецело подчинены верховному началу, и западной цивилизацией, сделавшей и навязывающей другим выбор в пользу частных интересов, «свободы» (а на деле — эгоизма) личности, отказа от внутреннего единства и безусловного содержания жизни.

Размышляя в традициях XIX века, Соловьёв выражал надежду, что мировое развитие пойдет не по пути борьбы на уничтожение этих двух взаимоисключающих глобальных сил. Он предполагал их диалектическое взаимовлияние и формирование такой третьей силы, которая «дает положительное содержание двум первым, освобождает их от их исключительности, примиряет единство высшего начала со свободной множественностью частных форм и элементов, созидает таким образом целость общечеловеческого организма...».

К сожалению, на протяжении всего XX столетия этой силе (во всяком случае, в таком качестве) не суждено было проявить себя. На пороге же XXI века и на Западе, и на Востоке начали превалировать те, кто захотел именно бескомпромиссного или, словами Владимира Соловьёва, «полного осуществления». Ответственность за это нельзя, конечно, возложить только на одну сторону. Однако более порочной в данном случае мне представляется роль Запада. Причем не только по причине выбора в пользу *силового* навязывания другим своей «правды», но и ввиду объективно присущих ему внутренней слабости, смысловой разрозненности и неустойчивости. Мир Востока, главным образом мусульманский, хорошо почувствовал это, расценив данный факт как дополнительный стимул для экспансии. В результате противостояние усиливается, приобретает всё более жестокие насильственные формы, еще больше дискредитирующие обоих субъектов исторического процесса. Такой сценарий, по мысли Соловьёва, ведет народы к духовной смерти и будет означать либо конец истории, либо все более настоятельную необходимость поисков «третьей всецелой силы, единственным носителем которой может быть только славянство и народ русский».

Переносимся на полвека вперед, открываем работу Ивана Ильина «Путь духовного обновления», и сразу спадает с глаз пелена при обращении к другому животрепещущему вопросу — о национализме и патриотизме. «...Любовь к своему народу, — пишет известный фи-

Михаил Нестеров. Святая Русь

лософ и правовед, — не есть неизбежно ненависть к другим народам; самоутверждение не есть непременно нападение; отстаивание своего совсем не означает завоевания чужого. И таким образом национализм и патриотизм становятся явлениями высокого духа, а не порывами заносчивости, самомнения и кровопролитного варварства, как пытаются изобразить это иные современные публицисты, не помнящие родства и растерявшие национальный дух».

А вот еще одна подсказка потомкам на все времена, но особенно нам в преддверии 2007—2008 годов: «...Под влиянием веры в ложный принцип “самодержавия народа” авторитетом легко может стать не действительный мастер, лицо более высокого духовного и умственного уровня, а демагог, сумевший польстить массам и заслужить их доверие в качестве приказчика, исполнителя их воли. Истинное же, подлинное основание авторитета и потому иерархически высшего состояния человека есть “харисма”, сознание не произвольно-человеческой, а объективно-божественной избранности человека, его предназначенности для общественного водительства».

Слушать наших энциклопедически образованных, искренних, верующих, болеющих душою за Родину предшественников, размышлять над их прозрениями можно бесконечно. Но что помимо сказанного составляет актуальную политическую квинтэссенцию их интуитивных прозрений? Предчувствие всемирно-исторической роли России; взгляд на нее как на живой организм, неприятие ее расчленения; идея всеединства; призыв к сохранению самостоятельности по отношению к Западу и осторожности с Востоком; проповедь соборности, отрицание одновременно этики коллективизма и этики

индивидуализма; понимание необходимости для русских «дисциплинировать себя для культуры»; твердая вера в благо православия; императив преодоления физической смерти (и это в условиях, когда русская нация активно плодилась и размножалась!); тезис о том, что частная собственность должна быть ограничена интересами общественного целого; отрицание буржуазности; понимание апокалипсиса как предупреждения человечеству.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ КОЛЛИЗИЯ

Взяв все сказанное за основу, вернемся непосредственно к теме конфликта (столкновения, противостояния – на выбор) цивилизаций, чтобы более пристально взглянуть на то, как он развивается сегодня и что несет нашей стране. Обострение этого конфликта отражает неспособность США реализовать присвоенную ими себе после окончания холодной войны роль мирового лидера. Демонстрируя бездумное отношение к эскалации противостояния, уклоняясь от серьезных поисков компромисса, Вашингтон пока только подстегивает наиболее разрушительные проявления вовлеченных сторон. В этой ситуации как никогда востребованной оказывается роль разумного модератора. Не столько его материальная или военная мощь, сколько культурная традиция и политическая мудрость.

Как известно, новый интеллектуальный штурм темы конфликта цивилизаций был спровоцирован публикацией в некоторых западноевропейских СМИ осенью 2005-го и в начале 2006-го карикатур на пророка Мухаммеда и резкими протестами в этой связи в мусульманских странах. Очередное обострение полемики произошло по причине сентябрьского выступления папы римского Бенедикта XVI в университете города Регенсбурга, в котором он привел цитату из труда XIV века с указанием на связь ислама с насилием. Примечательно, что после гораздо более значимых физических столкновений, например террористической атаки на башни-близнецы в Нью-Йорке либо агрессии против Ирака, ничего подобного не наблюдалось. Другими словами, мысль беспокоит именно *мировоззренческая коллизия*. Многие видят в этом столкновение между «христианским Западом» и «мусульманским Востоком».

На мой взгляд, оснований для утверждений подобного рода нет. В цивилизационной плоскости мусульманский, (или в широком смысле верующий) Восток противостоит активному напору, а в ряде случаев и прямой агрессии преимущественно постхристианского,

безбожного Запада. Напомним, что оскорбление святого для мусульман образа осудили и Русская православная церковь, и Римско-католическая церковь, христианские политики, еврейские религиозные и общественные организации в разных странах мира. Необходимые шаги понтифик предпринял для урегулирования сентябрьского инцидента, хотя сама по себе проблема интерпретации древних текстов различных религий, спокойного и честного межконфессионального диалога на этот счет остается отнюдь не решенной.

Ответ на вопрос, можно ли публиковать карикатуры, подобные тем, что появились в датской прессе, дает дополнительные аргументы и в дискуссии о субъектах противостояния. А именно: если Запад подпадает под определение христианского, то, конечно, оскорбительная для религиозных чувств публикация карикатур недопустима. Если же речь идет о цивилизации безбожной, то такая публикация — дело обычное. Хотя, думаю, в Дании никому не приходит в голову обнародовать карикатуры на королеву Маргрете II. Или, например, на цыган. Однако, согласитесь, это полный абсурд считать, что карикатуры на религиозную святыню многих народов допустимы, а карикатуры на отдельного человека либо национальное меньшинство предосудительны.

Что же касается военно-политической плоскости, то мы являемся свидетелями столкновения двух различных по содержанию, но схожих по методам идеологий, поскольку в смысле тоталитарности мировоззрения англосаксонские «демократические» миссионеры немногим уступают adeptам исламизма. Вместе с тем последние значительно превосходят первых в другом — готовности принести себя в жертву во имя идеалов своего общества. И если конфликт окончательно перерастет в фазу войны, у современной западной цивилизации, построенной преимущественно на либеральных ценностях, шансов на победу немного. Обречена она на «постепенное поражение» и при сохранении сегодняшнего положения дел. Отказ от христианских корней, идеологические метания, социальная рознь, демографическая проблема, экология и т. п. «мирно» сделают свое дело.

УКРЕПИТЬ ОСНОВЫ РОССИИ

Очевидно, что мы становимся объектом все возрастающей экспансии сильнейших цивилизаций — западной, мусульманской, китайской. И перед нами стоит задача не только сохранить собственное

«я» и не оказаться рекрутированными той или иной стороной конфликта (политически нам уготована участь перебиваться на второстепенных ролях, физически нас выставят на передний край противоборства — при этом последствия легко предсказуемы), но и способствовать по мере возможности гармонизации их интересов. Основой такого посредничества призваны послужить, с одной стороны, традиции православного религиозного мировоззрения и преимущественно общинной общественно-политической жизни России, а с другой — наша история, в ходе которой были продемонстрированы величайшая веротерпимость и восприимчивость россиян по отношению к соседним культурам. Другими словами, с Западом нас объединяют общие христианские корни, с Востоком — глубинное неприятие либерализма.

Задача, что и говорить, не из легких. Причем поиски взаимопонимания осложнены не только дефицитом достоверной информации друг о друге и производными от этого фобиями, но и падением уровня лидерства. Первый фактор снимается через открытый прямой диалог (хороший пример — инициированный Евгением Примаковым форум «Россия — исламский мир»). Со вторым дело обстоит несколько иначе. Достижение необходимых в конфликтной ситуации компромиссов происходит во многом благодаря личным качествам лидеров, их влиянию и уверенности в своих позициях. Тем самым обеспечиваются свободный диалог с оппонентами и возможность принятия на себя определенных обязательств. Но откуда взять это влияние? И существует ли эта уверенность? Причем в Европе падение уровня лидерства сопровождается тенденцией к ослаблению субъектности государства (поведение датского государства в «карикатурном скандале» — одно из свидетельств того).

Но этим дело не ограничивается. В России имеется еще одна беда — преобладание в так называемой элите, формирование которой завершилось в постсоветский период, антинациональных и антинародных взглядов. Согласно меткому замечанию Михаила Делягина, «универсальный критерий патриотичности элиты есть форма критически значимой части ее активов — влияния, статуса, репутации, материальных благ. Если эти активы контролируются стратегическими конкурентами, элита начинает служить им».

При всем при том мы делаем заявку на самостоятельную роль в многополярном мире. И в духе русской культурной традиции это требует искать опору в самих себе.

Чтобы сохранить позиции эффективного субъекта в противостоянии цивилизаций, Россия должна прежде всего сберечь и приумножить свои жизненные силы, а именно русский и другие коренные народы, многие из которых сегодня приближаются к стадии вымирания. Без решения данной задачи все остальное теряет смысл. Патриотические силы уже более десяти лет настойчиво поднимают вопросы стимулирования рождаемости и снижения смертности, но до их решения еще совсем недавно у власти как-то не доходили руки. Более того, за время работы Государственной думы последнего созыва доминирующая в ней фракция «Единой России» не дала хода ни одной из инициатив оппозиции, направленных на поощрение рождаемости, да и сама она не проявляла должной активности в этом вопросе. Вот почему и теперь, когда команда «сверху» вроде бы дана, нет уверенности в том, что планируемые усилия адекватны. Смущают несоответствие масштаба проблемы и уровня ее отражения в послании президента, явно недостаточный объем средств, предлагаемых на осуществление этой программы, нежелание признать необходимость дифференцированного регионального подхода и многое, многое другое. А главное — состояние умов у «партии власти». Что, в конце концов, мешало сделать цифру пособия на ребенка менее безнравственной год, или три, или даже пять лет тому назад?

С демографической ситуацией связана проблема миграции. В современном мире активизация миграционных процессов — естественное явление. Вместе с тем их положительные последствия для любой принимающей страны напрямую зависят от того, насколько благополучными чувствуют себя ее коренные народы. Только в этом случае работает принцип «плавильного котла». Да и то, как мы видим на примере США, не без существенных сбоев.

Особый интерес в данном аспекте представляет заявленное президентом России намерение по-новому взглянуть на проблему многих миллионов соотечественников в ближнем зарубежье и, наконец, принять реальные меры, в том числе законодательного характера, по облегчению их переселения в Россию. Хочется верить, что это начинание не превратится в очередную бюрократическую увертку. Но есть неперемное условие: под соотечественниками мы понимаем людей, воспитанных в традициях русской культуры, владеющих русским языком, имеющих связь с Россией. И уж точно не путаем их с трудовыми мигрантами.

Поток последних и без того уже достиг размеров, которые представляют угрозу для этнического и культурного баланса в крупных российских городах и в Российской Федерации в целом, что провоцирует усиление межэтнической напряженности. Вот где пригодился бы евросоюзский стандарт запрета нанимать иностранцев на те рабочие места, которые могут быть предоставлены своим гражданам! И применять жесткие санкции по отношению к бизнесу, если действия последнего расходятся с соответствующим законодательством. Мы просто обязаны обеспечить занятостью в первую очередь миллионы наших сограждан, пострадавших от потрясений 1990-х годов и лишившихся работы после ликвидации заводов, развала сельхозпредприятий, закрытия больниц, школ... Это — дело более дорогое и трудоемкое, но от нашего выбора в данном случае зависят судьба народа и будущее страны.

Второе условие — сбережение и укрепление духовных и политических основ России: православной веры, русской культуры и сложившейся веками национально-государственной традиции. Их утрата грозит серьезной дестабилизацией межцивилизационного равновесия в Евразии с трудно предсказуемыми последствиями. Мы уже были свидетелями первых попыток его расшатать: вспомним призывы убрать упоминание о Боге из Государственного гимна РФ и отказаться от православной символики на Государственном гербе нашей страны. Не следует давать повод испытывать нас на прочность еще раз! Иначе будущее этой части планеты, и не только ее, будет сведено не к поиску взаимопонимания и не к налаживанию взаимодействия, а к борьбе за раздел территории некогда великой державы.

Мы ни на минуту не должны забывать, что для России конфликт цивилизаций уже развивается не только в глобальной плоскости, но и на уровне государства и общества, а также пространства бывшего СССР, за которое мы несем особую ответственность. В этих условиях Россия просто вынуждена ставить перед собой задачу расширения своего геополитического влияния при одновременном укреплении государствообразующего национального ядра. Альтернативой станут дальнейшая фрагментация и нарастающая нестабильность, усиление внешнего контроля.

Найдутся люди, которые усмотрят противоречие между задачей по расширению влияния русской цивилизации, традиционно определяемой в имперской, а не в национальной парадигме, и установ-

кой на стимулирование национального самосознания. Но противоречие это только внешнее. Дважды за XX столетие в нашей стране был взломан этнический баланс: сначала большевиками, которые преследовали цель уничтожить самодержавное Российское государство, а затем «неозападниками», осуществлявшими на фоне активного стимулирования национализма практически всех наций и народностей бывшего СССР целенаправленную политику подавления народного духа русских. Сегодня нам предстоит избавиться от печальных последствий последнего десятилетия ушедшего века. Одним словом, укоренение национального чувства русского этноса — неизбежный (с учетом нашей истории) аспект формирования прочного российского патриотизма, без которого нам не выжить в борьбе и с Западом, и с Востоком. Без укоренения национального чувства, как это ни парадоксально, невозможна и «целость общечеловеческого организма». Уберите в слове «интернационализм» корень, и само это слово перестанет существовать.

Критикам же тезиса об особой роли русских в развитии России отвечу так: а разве есть у нас еще хотя бы один народ, не только готовый и пока еще способный взять на себя ответственность за все, что происходит с Отечеством, но и считающий эту участь для себя естественной? Ответственность же без прав не существует. Речь идет о той самой «объективно-необходимой общественной функции в деле общего служения правде», в которой Семён Франк видел «основание всякой привилегии, всяких особых прав, всякого высшего положения человека или общественной группы или класса». Это факт жизни, и его надо просто признать и принять.

Дабы восстановить внутреннюю цельность, страна, государство и общество нуждаются в том, чтобы вернуть привлекательность национальных идеалов. И здесь следует, не стесняясь, брать пример с Запада, где всегда трактовали историю как инструмент патриотического воспитания, психологического воздействия, не говоря уже о внутренней и внешней политике. И видели в этом глубокий смысл. В привлекательности национальных идеалов отдавало себе отчет и руководство Советского Союза. Но, с середины 1980-х мы стали свидетелями и участниками обратного — безудержного шельмования собственной истории. Причем не только недавнего прошлого: взять хотя бы регулярное появление на центральных телеканалах далеких от исторической науки деятелей, пытающихся переписать историю России, начиная со Средних ве-

ков. Безусловно, критический взгляд на историю необходим — для сверки национальных идеалов и целей, осознания пределов сил и возможностей страны. Но это вовсе не равнозначно размышлению ценностей, которым привержены элита и общество. Среди наших предков несть числа выдающимся героям, подвижникам, просто честным и порядочным людям. И задача наша, в общем-то, простая: знать их и соответствовать им.

ИСТИННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Пока же, однако, на каждом шагу мы сталкиваемся со свидетельствами ущербности в национально-государственном самоопределении. В действующей Концепции внешней политики РФ, например, исторический выбор страны сводится к созданию «правового государства, демократического общества и социально ориентированной рыночной экономики». Этим же целям подчиняется и сама внешняя политика. Но такую национально-выхоленную задачу — даже если верить, что эти понятия будут наполняться реальным содержанием, — могут поставить перед собой любое другое правительство, любое другое государство, любой другой народ. Как, впрочем, и заявить вслед за заместителем премьер-министра, министром обороны России Сергеем Ивановым, что новая триада национальных ценностей — это «суверенная демократия, сильная экономика и военная мощь». В чем же тут «особый идеологический проект», позволяющий «конкурировать за право определять мировую повестку дня и дальнейшие перспективы развития всего человечества»?

Возьмем другой аспект нашего самоопределения — формирование политической системы страны. В нем уже не первый год превалируют марионеточность и схематизм, отправной точкой для которых служит что угодно, только не национальная традиция. Через эту *омертвляющую проектность* все труднее пробиваться живому творчеству. Человека и общество в целом уже почти превратили из субъекта в объект политического процесса, причем процесса недобросовестно манипулируемого. Все это глубочайшим образом противоречит не только здравому смыслу или заявляемому европейскому выбору России, но и собственно нашим христианским корням, присущему христианству уважению к человеку — субъекту веры, жизни и творчества. Ощущая эту червоточину нутром, люди справедливо стали в первую очередь судить о партиях и общественных организациях не по их политическому «лейблу», а по тому, что они суть такое — результат естественного

развития либо «спущенного сверху» проекта, пусть и детально проработанного. В корне противоречат русской или, если угодно, российской традиции и навязываемые нам логика и методы партийной борьбы на уничтожение, принесенные в нашу страну марксизмом и ленинизмом. Русская же традиция, развитая и углубленная еще славянофилами, прошедшая через синтез Владимира Соловьёва и блистательно воплощенная в диалектике Алексея Лосева, — это стремление к единству, взаимопониманию и взаимодействию.

Принципиально важно сформулировать на уровне власти и общества положительное отношение к такому необходимому элементу возрождения страны и нации, как вера. Не сомневаюсь, что и «олигархические отклонения» в политике, и экономические злоупотребления, и манипулирование российским народом, и неспособность элиты ответить на вызовы времени, а проще говоря, вся масса малых и больших ошибок и преступлений последнего времени имеет свою первопричину. Она коренится в том, что частная собственность — с оборотной, разрушительной, стороной ее потенциала — получила безудержную волю в стране преимущественно безбожной. И это, на мой взгляд, не просто констатация факта, а своего рода приговор, если православная вера в России не будет восстановлена в полной мере. Ведь неспроста исторически институт частной собственности складывался в очевидной взаимосвязи с процессом формирования мировых религий, и прежде всего христианства. Когда человек утверждает в своей материальной самости, что-то высшее обязательно должно его сдерживать. Даже в самом эффективном государстве и при самой эффективной правовой системе.

Нам настойчиво внушается тезис о том, что будущее России зависит главным образом от степени интегрированности в ту систему мировой экономики, которая навязана планете. И в политике, мол, главное — приобщение к престижным международным клубам. Я же твердо убежден в следующем. Сама мировая экономика в ее современном виде не выживет без серьезного переустройства. Да и участие в тех международных форматах, где превалируют страны Запада, дает больше возможностей нашим оппонентам контролировать нас, чем нам — оказывать влияние на их политику. Сказанное не содержит призыва отказаться от активности на обоих этих направлениях. Но важно понимать, что если не возродить культуру и нашу традиционную веру, если не восстановить жизнеспособность коренных наций и народностей, населяющих нашу страну, и прежде всего русского народа, то у

нас не будет ни конкурентоспособности, ни суверенитета, ни самой страны. Одним словом, не будет того субъекта, главное призвание которого — не конкурировать с Западом или с кем-то еще, а выжить. И, даст Бог, России еще предстоит сыграть положительную роль в сложнейшем процессе, в результате которого сформируются новые параметры сосуществования мировых цивилизаций.

* * *

Из Священного Писания мы знаем, что на пути к истинному воскресению (а для России сегодня речь идет именно об этом) надо, как минимум, избежать трех искушений: «искушения хлебом», при котором материальное начало, материальный достаток — высшее и абсолютное благо в жизни человека; «искушения силой» — желания пиаровскими трюками поражать воображение людей и подавлять их волю; «искушения властью» — соблазна безгранично удерживать власть и распоряжаться ею по своему усмотрению. Сумеет ли Россия сделать это — откроется для России дорога в жизнь вечную, по которой за нами пойдут даже те, кто в минуту нашей и своей слабости стал на путь предательства. О том, что будет, если не сумеем, думать не хочется.

Московская школа политических исследований

Sapere aude!

Имей мужество мыслить!

Вам помогут

Наши книги в сериях

- Библиотека Московской школы политических исследований
- Культура. Политика. Философия
- Своевременная мысль

Наш журнал

Общая тетрадь

Вестник Московской школы политических исследований

Наши координаты:

123104, Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21, 22

тел./факс: (495)202-85-01, 299-99-04

Получить информацию о книгах вы можете на сайте www.msps.ru

Европейский «центр» и его «окраины»

Владислав Иноземцев

В конце первой трети XIX столетия два проникательных француза, Алексис де Токвиль и Астольф де Кюстин, предприняли путешествия по тогдашним «окраинам» Европы. Их впечатления нашли отражение в двух книгах – «Демократия в Америке» и «Россия в 1839 году», где описывается государственный строй Соединенных Штатов и Российской империи – европейских, по своей культурно-цивилизационной сути, держав, но лежавших вне географических границ традиционной Европы.

В те годы только Америка и Россия были «окраинами» Европы: Восток считался совершенно чуждым, а колонии не принимались в расчет. Казалось, что эти «окраины» были совершенно непохожи на «центр», однако последовавшие в дальнейшем события заставили европейцев пересмотреть такое мнение. Менее чем через сто лет США уже являлись самой мощной в экономическом отношении державой мира и новой родиной для миллионов мигрантов из Старого Света; на месте же прежней России вырос Советский Союз, распространявший по всему миру новую идеологию, число сторонников которой стремительно росло. В середине XX века СССР и Соединенные Штаты «вытащили» Европу из самой страшной войны в истории человечества, они же фактически разделили континент на зоны влияния. Создав ядерное оружие и вырвавшись в космос, две сверхдержавы еще раз показали превосходство над Европой, ставшей чуть ли не их покорной провинцией.

Но конец XX столетия оказался столь же богат на события, как и его начало. Советский Союз проиграл в холодной войне и распал-

В.Л. Иноземцев — д. э. н., главный редактор русского издания газеты *Le Monde diplomatique*, издатель и редактор журнала «Свободная мысль».

ся на составлявшие его национальные республики. Воспользовавшись ситуацией, Соединенные Штаты дали волю своим гегемонистским устремлениям — и через десять лет оказались вовлечены в конфликт чуть ли не со всем исламским миром, итоги которого непредсказуемы. В то же время европейцам 1990-е годы принесли богатые плоды. Их интеграционный проект развивался успешно: ЕЭС стало Европейским союзом, появилась единая валюта — евро, а число входящих в ЕС стран выросло с 12 до 25. Европа освободилась и от угроз, исходивших от СССР, и от рабской зависимости от Америки. В результате мир второй половины XX века с его «двумя Европами и одним Западом» сменился миром XXI столетия, где имеются «одна Европа, но два Запада». Книжки о превосходстве европейской «мечты» над «американской» заволокли прилавки магазинов.

Российская же «мечта» так и не встала в один ряд с европейской или американской. Последние пятнадцать лет привили россиянам лишь дополнительное отвращение к «нормальности». Доминировавшая сначала самоуничижительная констатация «мы не можем стать такими, как все» затем сменилась надменной максимой «нам не следует быть такими, как все». Обе эти формулы, применимые в периоды низких либо высоких цен на нефть, позволяют не задумываться о проекте развития страны. А это так приятно, что тезис об особости России принимается как данность, не требующая доказательств. Между тем нынешняя Россия если и кажется мне уникальной, то не более чем другая «окраина» Европы — Соединенные Штаты. Россия и Америка очень похожи друг на друга и резко отличаются от Европы. Их сходные черты столь многообразны, что мне хотелось бы в этой статье отметить некоторые из них, предоставив читателям возможность самим сделать надлежащие выводы.

« О Щ У Щ Е Н И Е Н А Ц И И »

Первое, что бросается в глаза при сравнении Соединенных Штатов и России, — это поразительное сходство двух народов, каждый из которых воспринимает себя совершенно особым: избранным и мессианским. Разумеется, представления европейцев о собственных роли и предназначении также не всегда скромны и адекватны. Но народы Старого Света основывают свою идентичность на истории и традициях, в которых и черпают вдохновение и уверенность в будущем. Эта идентичность не идеологизирована: еще Уинстон Черчилль, возражая в 1940 году в Палате общин против запрета Ком-

мунистической партии Великобритании, говорил о том, что никакие убеждения не делают англичанина «не-британцем» (*un-British*). Ориентированность на ценности прошлого и настоящего, а не устремленность в будущее порождает ту европейскую толерантность, которая иногда кажется излишней.

Соединенные Штаты устроены иначе. С XVII века первые поселенцы осознавали себя особым народом — «лучшими» и «избранными», которым суждено построить на другом берегу океана «новую обетованную землю», «Город на холме», второй Иерусалим, откуда свет божественной истины разольется по всему миру. Резолюция, учредившая в 1640-м провинцию Новая Англия, заканчивалась словами: «Господь может отдать Землю или ее часть избранному Им народу. Принято. Мы являемся избранным Им народом. Принято». Эта простая аргументация до сих пор определяет американское мировоззрение. Американский историк Ричард Хофстедтер подчеркивал, что «нашим предназначением как нации было не обладать идеологией, а быть ею», а британец Гилберт Кит Честертон называл этот народ «нацией с душой Церкви».

Отчасти это понятно: новый народ не мог искать идентичность в истории (которой не было) и не мог не ставить перед собой амбициозные цели (поскольку их ставили перед собой все составлявшие его люди). И то и другое сослужили ему хорошую службу. Не останавливаясь ни перед чем в развитии собственной страны и пользуясь неудачами соперников, Соединенные Штаты набирали силу, а вместе с этим росло и их мессианство. Сегодня Америка начисто забыла, что «универсальные принципы», которые она якобы несет миру, изобретены не ею, что она является своего рода «вторичной» цивилизацией, «отпочковавшейся» от европейской. Американское ощущение ответственности за судьбы мира тем более странно, что ныне сами США зависят от притока денег из других стран и от их готовности поставлять в Америку товары в обмен на зеленые бумажки. Путь, по которому идет страна, крайне опасен, но он задан уверенностью американцев в том, что им не грозят неудачи.

Россия также представляет собой «отдельную ветвь» европейской цивилизации; ее история не менее необычна, чем американская, и при этом весьма на нее похожа. Русь дважды подвергалась «европеизации». В первый раз — в IX–XI столетиях, когда она приняла христианство восточного образца и тем самым вошла в «зону влияния» Византии. Упадок последней совпал с подъемом Москов-

вии, которая, переняв византийские традиции доминирования светской власти над духовной, а также символику бывшей империи, самоидентифицировалась в образе Третьего Рима. Во второй раз Россия обратилась к Европе в конце XVII века, рискнув использовать европейские достижения для защиты от самих европейцев. Результаты были впечатляющими: менее чем через сто лет страна стала самой мощной державой Старого Света.

К концу XIX века Россия была «европейской» по форме, но оставалась «вне» Европы психологически и культурно. Ее народ находился в плену мифов о «евразийской особости» и исторической избранности. Как и США, Россия была одновременно страной европейской и неевропейской. Можно лишь удивляться, сколь синхронно два государства отказались от крепостничества и рабства, пережили период острых споров о своей роли в мире (дискуссии славянофилов и западников в России, изоляционистов и экспансионистов в Америке). Все изменилось после Первой мировой войны, итоги которой открыли всемирно-исторические цели и перспективы как перед Соединенными Штатами, так и перед Россией, которая в результате мощных потрясений 1917–1922 годов стала Союзом Советских Социалистических Республик.

На протяжении большей части XX столетия Советский Союз и США были государствами, сущностное сходство которых еще не осмыслено надлежащим образом. Две великие «идеологические» державы, исполненные ощущения собственной великой исторической миссии, — единственные страны, названия которых не содержали даже малейшего указания на исторические и национальные корни. Их увлекали перспективы бесклассового и вненационального общества («плавильный котел» в США и «новая историческая общность людей» в СССР). Они схожим образом использовали силу «универсальных» идей (свобода и демократия — в США, ликвидация эксплуатации и социальная справедливость — в СССР). Их очаровывали горизонты технического прогресса и собственная территориальная безграничность. Победив во Второй мировой войне, обе доказали самим себе и всем остальным силу собственных идеологий и прочность социальных основ, широту возможностей дальнейшего развития.

Однако итоги XX века оказались для двух сверхдержав совершенно различными. Это не противоречит утверждению об их сходстве, а скорее говорит о несинхронности его проявлений. Соеди-

ненные Штаты, как общество менее этатистское (и в этом отношении более «европейское», чем Советский Союз), не искали искусственной мобилизации и отчасти поэтому смогли не столько победить, сколько пережить Советский Союз. Но и сегодня ни Россия, ни Соединенные Штаты, в отличие от европейских стран, не позиционируют себя как «одни из многих» государств многообразного мира и менее всего стремятся быть «нормальными» в европейском понимании. К каким последствиям приведет все это в наступившем столетии, пока сложно даже предположить.

ОТНОШЕНИЕ К МИРУ

Отношение к миру у Соединенных Штатов и России также удивительно схоже. Это обусловлено историей обеих европейских «окраин», сочетающей в себе, во-первых, продолжительные периоды экспансии, во-вторых, известную заданность пространства, на которое распространялось их влияние, и, в-третьих, присущее им в критические моменты превалирование политического могущества над экономическим.

Стремление к экспансии — характерная черта почти всех европейских государств; их завоевания сравнимы разве что с нашествиями кочевников в IV—XIII столетиях. Более того, когда экспансии азиатских народов шли на убыль (последними можно считать походы арабов в VII—X веках и турок в XV—XVII веках), расширение европейских империй только активизировалось. В этом отношении развитие России и США отличается от исторического развития стран Западной Европы. С одной стороны, их возвышение шло не вопреки успехам Европы, а экспансия и России, и Соединенных Штатов происходила не за счет земель, которые входили во владения европейцев. С другой стороны, в отличие от европейских стран — Испании, Франции и Великобритании, — ни Россия, ни США не создали глобальных империй в европейском понимании; они превратились в «континентальные» державы и не стремились владеть территориями далеко за пределами своих границ. Это определяет принципиальное отличие России и Америки от Европы: страны Старого Света уже прошли пик своей экспансии, тогда как в России многие полагают (а в США, пожалуй, даже уверены), что еще не достигли своего политического «зенита». Противоположность европейского и «окраинного» подходов хорошо отражается в политической риторике наших дней.

Что касается «заданности пространства», то в XIX столетии и в первой половине XX века Россия и Соединенные Штаты не имели того глобального присутствия в мире, какое обеспечили себе Великобритания и Франция, а в более отдаленном прошлом — Испания, Португалия и Голландия. Вплоть до Второй мировой войны Америке не были известны методы строительства заморских империй. Примечательно, что, как только СССР и США укрепились в военном отношении, их соперничество стало приводить к серьезным военным конфликтам на мировой периферии — от Корейского полуострова и Индокитая до Египта и Кубы. Это тоже отличало их от европейцев, не сходящихся друг с другом в колониальных войнах с конца XVIII столетия. Сверхдержавы выстраивали свою политику, ориентируясь прежде всего на геополитические интересы и идеологические цели, в то время как европейцы стремились добиться хозяйственных выгод. Уход европейцев из колоний сделал последние ареной борьбы между США и СССР, которая в итоге привела к истощению и краху Советский Союз. В наши дни советский путь повторяют с мазохистской увлеченностью Соединенные Штаты.

Такое историческое наследие искажает восприятие мира как Россией, так и Америкой. Обе страны склонны переоценивать значение фактора силы в международных отношениях. Российские и американские стратеги исходят из того, что врага следует уничтожать, а не подчинять. Правы те, кто различает Америку и Европу как «зону Марса» и «зону Венеры» (Россия, безусловно, также входит в «зону Марса»). Кроме того, и Москва, и Вашингтон считают себя центрами мировой политики, а к остальному миру относятся как к пространству, где могут найтись союзники, но никогда — образцы для подражания. Время от времени они задают себе вопрос «Кто наши союзники?», но никогда не переводят его в плоскость «Чьими союзниками можем стать мы сами?».

Эта высокомерная спесь не свойственна странам современной Европы, что делает их гораздо более приспособленными к политическим реалиям XXI века. И Россия, и США рассматривают внешний мир в первую очередь в качестве источника угроз; риторика их нынешних руководителей подчеркивает это с такой ясностью, что потребность в комментариях отпадает сама собой. Европейцы, напротив, считают происходящее в мире источником скорее вызовов, чем прямых опасностей, и действуют соответственно. Наконец, в отличие от США, которые навязывают миру свои ценности, и Рос-

сии, претендующей на оригинальное видение политических контуров будущего, европейцы подчеркивают: их модель ценна прежде всего оригинальностью и уникальностью, они не претендуют на то, чтобы быть образцом для остального мира.

Экономическое развитие не только России, но и Соединенных Штатов отстает от их политических претензий. В начале XX века Великобритания и Франция были крупнейшими нетто-экспортерами товаров и капитала. Ни Россия, ни Америка не могут похвастаться ничем подобным. Опыт СССР показал, сколь опасен отрыв политики от экономических возможностей; Соединенные Штаты начинают ощущать это в наши дни, и этому ощущению, похоже, суждено обостриться.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО, ГРАЖДАНИН И ГОСУДАРСТВО

Социальная структура, взаимное позиционирование человека и общества, отношения между гражданином и государством, глубина социализации — на примере этих проблем также несложно проследить близость «окраин» друг к другу и их отличия от европейского «центра», хотя иногда они менее заметны, чем в сфере геополитики.

Единственный пункт, по которому нет явного сходства между Россией и Америкой, — отношения между человеком и государством. В США власть отчасти отделена от общества, но не враждебна ему. Баланс интересов народа и правительства издавна находили через судебные решения; поэтому Америка — это скорее страна прецедентов, нежели законов. Власти крайне озабочены внутренней безопасностью: в тюрьмах и в камерах предварительного заключения находятся 2,09 млн человек, или 715 на 100 тыс. жителей — в семь раз больше, чем в ЕС (103 на 100 тыс. жителей). В России государство — своего рода антипод общества. Власть у нас никогда не воспринималась как нечто, проистекающее из воли народа и воплощающее ее; престиж участия во власти велик, но доверие к чиновникам минимально.

Власть в России не уравновешена ни экономической состоятельностью граждан, ни независимой судебной системой, но желание отказаться от «сильного государства» выражено в обществе слабо. Как и в США, власть у нас не слишком озабочена тем, чтобы помогать гражданам. Она предпочитает заниматься обеспечением «безопасности» (ее жесткость заметна повсюду: почти как в США, в

России в местах лишения свободы находятся 526 человек на 100 тыс. жителей, а до 15 % активной рабочей силы занято в Вооруженных силах, госбезопасности, органах обеспечения правопорядка, а также в частных охранных или сыскных агентствах).

В Европе государству отводится иная роль. Во-первых, доля ВВП, перераспределяемая через бюджеты разных уровней, составляет в Европейском союзе 47,8 %, тогда как в США – 28 %, а в России – 29 %. Во-вторых, доля расходов на обеспечение внешней и внутренней безопасности составляет здесь 3–4 % ВВП, в то время как в России и Америке – почти 10 %. В-третьих, европейские государства более ориентированы на решение социальных проблем, чем американское и российское; в странах ЕС на эти цели расходуются до 60 % бюджетных средств, тогда как в США – 38 %, а в России – всего 18 %. На протяжении столетий европейцы выработали в себе чувство уважения к закону и относятся к власти как к их исполнителю, как к «слуге сообщества». В Америке (в меньшей мере) и в России (в большей) государство оторвано от общества и хочет задавать его цели; большинство населения не ждет от него помощи и разными способами стремится сократить масштаб своих обязательств перед ним.

Место государства в обществе определяется отношениями между людьми, и здесь отличия «центра» от «окраин» более заметны. Сегодняшние Америка и Россия – жесткие индивидуалистские общества, похожие на Европу если не конца XIX века, то первых послевоенных лет. О чем бы ни рассуждали адепты «евразийскости», сложно говорить о коллективизме общества, в котором заборы воздвигаются не только вокруг вилл богачей, но и даже вокруг могил бедняков на деревенских кладбищах; в котором народ давно научился формулировать собственный интерес иначе как по подсказке власти; в котором не вызывает протеста невиданное имущественное неравенство. Самый точный индикатор «общинности» – коэффициент Джини, который в России и США практически одинаков: ныне 10 % самых обеспеченных граждан владеют в России в 16 раз большей долей национального богатства, чем наименее обеспеченные 10 %; в США этот показатель составляет 14,8 раза, тогда как в 15 странах ЕС – всего 7,6.

Ответом общества на индивидуализм становится поиск суррогатов коллективности – и тут вспоминают о религии, в отношении которой европейцы движутся в одном направлении, а американцы

и россияне — в противоположном. До Первой мировой войны религиозность всех трех обществ была сравнимой; сегодня в европейских государствах граждане, называющие себя религиозными, составляют меньшинство в 12–17 %. В Америке же, как и в новой России, число жителей, считающих, что религия играет в их жизни «важную» или «очень важную» роль, устойчиво растет.

Элиты обеих стран все чаще рассматривают религиозные практики в контексте решения политических задач. Ни в одной европейской стране глава государства не пытается, подобно Джорджу Бушу-младшему, объяснять свои внешнеполитические шаги указаниями Господа; нигде в Европе первосвященник не сочтет достойным, в отличие от патриарха Алексия II, благодарить президента за прекрасную жизнь своей паствы. США и Россия с большим отрывом лидируют по масштабам трансляции церковных проповедей и служб; в обеих странах активно развиваются те направления христианства, которые лежат в основе национальной идентичности. Америка и Россия «соревнуются» и в привлечении «высших сил» для решения экономических задач: американцы напоминают каждому, кто пожелает расплатиться долларами, что *in God we trust*, а российские топ-менеджеры, кажется, всерьез хотят преобразить автомобильную промышленность принесением на АвтоВАЗ мощей св. Иоанна Крестителя.

Завершая этот раздел, рискну сказать, что Европа постепенно превращается в своего рода сообщество личностей, а обе «окраины» активно используют религиозно-мессианские мотивы, укрепляя этим сомнительным образом свою идентичность.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Экономика и деньги — вот что, пожалуй, в наибольшей мере сближает сегодня «окраины», противопоставляя их «центру». В Америке, а с недавнего времени и в России деньги являются объектом поклонения, мерилom успеха и главным критерием человеческой значимости. Отсюда — растущее социальное расслоение и неэффективность экономики, ориентированной на прибыль, а не на максимизацию общественной полезности. В отличие от Европы, где доходы директоров компаний превышают уровень зарплат их работников не более чем в 30 раз, в США руководители зарабатывают в 160–250 раз больше своих работников, в России же разрыв еще ощутимее. Характерно, что такие вознаграждения не отражают экономической

успешности; Европа, которая в последние годы должна была бы из-за социальных издержек оказаться неконкурентоспособной, обнаружила, напротив, невиданную эффективность. В первые годы нового столетия ЕС производит в 1,1 раза больше автомобилей, чем США; в 1,6 раза больше продукции химической и в 1,75 раза — фармацевтической промышленности; в 2 раза больше стали; в текстильной и легкой индустрии разрыв еще больше.

Россия же на протяжении 1990-х вообще перестала существовать для мира как промышленная держава, превратившись в «экономику трубы». Конечно, в этом мало общего с Америкой, переключившейся на информационный сектор, но нельзя не признать, что в конце XX века «окраины» практически «самоликвидировались» как индустриальные регионы. Правительства обеих стран стремятся контролировать не производство, а транспортную, информационную и финансовую инфраструктуры. В США это проявляется в прогрессирующем увеличении роли финансовых, банковских и биржевых услуг и контроле над глобальными информационными сетями, в России — в трубопроводной «сверхдержавности» и назойливо повторяемой идее «моста» между Европой и Азией, которым могла бы стать страна в наступившем столетии. Однако история показывает, что сохранять политическое влияние в условиях неконкурентоспособности и упадка промышленного производства пока не получалось ни у одной из великих наций, чье влияние выходило далеко за их границы.

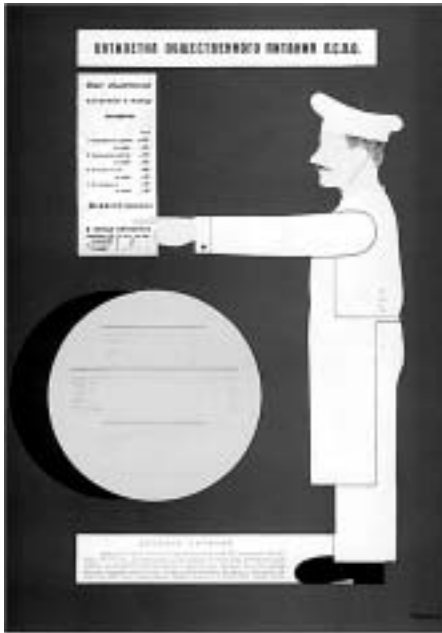
Это не значит, что «окраины» отстали, а «центр» вырвался вперед, но экономическое развитие Европы в наши дни выглядит гораздо более сбалансированным, чем России или Соединенных Штатов. И это проявляется не только в интенсивном хозяйственном росте, постоянном сокращении продолжительности рабочего времени, ужесточении экологических стандартов и сбалансированности внешней торговли, но и в распространении высокотехнологичной продукции, разработанной за пределами Европейского союза. Не секрет, что в США распространенность мобильной связи сегодня составляет 56 %, тогда как в ЕС — почти 100 %, что только 19 % новых американских автомобилей оснащаются системой позиционирования на местности, в то время как в Европе — 65 %, и т. д. Похоже, что в превращении технологических достижений в инструмент повышения качества жизни европейцы не знали и не знают себе равных...

В США и России человек воспринимается как потребитель. Его стремление — купить больше, дешевле и по возможности лучшего качества. Экономия не приветствуется. Основной аргумент американских рекламных кампаний — «теперь вы можете за ту же цену получить больше!» (вторую котлетку в гамбургере, на треть больше колы и т. п.). Когда потребительский бум выдыхается, его поддерживают массовым кредитованием. У нас эти тенденции воспроизводятся в тех группах населения, которые приближаются к западным стандартам потребления. Сегодня Россия — самый выгодный рынок для международных торговых сетей. Продажа товаров в кредит растет на 30–40 % ежегодно; так же увеличиваются и объемы продаж дорогих автомобилей.

Россия тут идет даже впереди Америки: если там вызывают восторги разного рода «истории успеха», повествующие, как человек добился богатства и известности, то в России культовыми стали богатство и известность, как таковые, вне зависимости от их источника. Телевидение, газеты и журналы умиляются выходкам «новых русских», а с недавних пор — и чиновников. Америка и Россия схожи и в том, что у них особое значение придается понятию «роскошь», причем нередко только она и отличает представителей «элиты» от «низов», во всех прочих отношениях похожих как две капли воды. В США, куда бы вы ни кинули взор, какой бы телеканал ни включили, наиболее часто встречающимся словом будет *luxury*. Оно относится к домам во Флориде, собранным из гипсокартонных конструкций; к джипам, сиденья которых напоминают диваны начала прошлого века; к любой одежде, кроме джинсов; почти ко всем гостиницам, кроме тех, что расположены у больших автострад. В России «роскошь» превращена в «элитность» (что еще раз подчеркивает идентификацию богатства и статуса в общественном сознании). «Элитным» у нас становится все — от бижутерии и косметики до ресторанов, от автомобилей до квартир и домов.

Все это диссонирует с европейским подходом: слово «элитный» здесь вообще отсутствует в рекламном лексиконе, понятие *luxury* встречается крайне редко (обычно его заменяют разные версии термина *upscale*), а исключительность чего-либо подчеркивается в первую очередь его малодоступностью или «закрытостью» (например, тех клубов, которые издавна и традиционно именуется *private*, но никак не *elitist*).

СССР и США: два мира – одна мечта?

Министерство Восточной Промышленности РСФСР Трест «Индустрия».

Советская потребительская реклама и наглядная агитация 1930–1940-х гг.

ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ РЕГУЛЯРНО ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ВИТАМИНАМИ И ПОЛИВИТАМИНАМИ

EAT FRUIT

BE HEALTHY

**EAT MORE
COTTAGE
CHEESE**

SUPPLIES
MORE PROTEIN
THAN

**YOU'LL NEED
LESS MEAT**

A Postal Card Will Bring Recipes

For today the most addresses
U. S. DEPARTMENT OF AGRICULTURE, WASHINGTON, D. C.

**COTTAGE CHEESE ? ASK YOUR
OR MEAT ? POCKETBOOK !**

A good LUNCH

ONE HOT DISH
meat vegetables

SANDWICH

FRUIT

MILK

WPA SCHOOL LUNCH

WPA SCHOOL LUNCH PROGRAM

Американская потребительская реклама
и наглядная агитация 1930–1940-х гг.

Еще одна особенность, присущая как Америке, так и России, но чуждая Европе — мелкий и крупный обман, ощущение которого сопровождает новичка, не привыкшего к реалиям страны. Например, в США все цены указаны без налогов, которые удорожают покупку иногда почти на четверть. Особенно обескураживает сфера обслуживания с повсеместно распространенными «рекомендованными чаевыми» (*suggested gratuity*), прибавляющими до 20 % к ресторанному чеку средней стоимости. Ситуация, когда пассажир платит таксисту двадцать долларов при указанных на счетчике пятнадцати и в ответ слышит: «А где чаевые?» — стала обыденной и не вызывает удивления. В России роль американских барменов и таксистов выполняют клерки и госслужащие — не секрет, что размер «низовой» коррупции составляет от 10 до 15 % ВВП.

Когда я бываю в Америке, мне кажется, что в сравнении с Европой эта страна представляет собой даже не «окраину», а самую что ни есть провинцию — со всеми присущими ей чертами, неумело прикрытыми красивой упаковкой. В России такие же ощущения возникают у иностранцев, пытающихся понять особенности местной реальности, — правда, не сразу же, а по мере того, как они начинают втягиваться в нашу повседневную жизнь, переставая судить о ней только по витринам магазинов.

* * *

В завершение отмечу еще одно красноречивое обстоятельство. Принято считать, что Соединенные Штаты сделали великой страной люди, которыми двигала «американская мечта» — мечта о собственном деле или карьерном росте и, разумеется, о финансовом благополучии. Ее распространенность объясняет отсутствие в Америке социальных движений, столь характерных для Европы: европейскому стремлению к равенству результатов американцы предпочитают пусть иллюзорное, но равенство возможностей. В России сегодня также не наблюдается оживления эгалитаристских движений. Не стоит ли за этим надежда, подобная той, что так успешно сдерживает развитие социальных движений в США? Мне кажется, что здесь есть параллели, если и не явно обусловленные сходством как американской, так и российской «мечты», то проявляющиеся в том, как россияне и американцы организуют свои общества.

В обществе американской «мечты» преклонение перед успехом не означает почитания всех успешных. Отношение к капиталистам

может быть критичным, но в то же время сам капитализм, как воплощение личной независимости, автономности и свободы, оказывается «вне подозрений». «Российская мечта» похожа на американскую — только в наших представлениях об обществе центром выступает не рынок, а государство. Ныне никто не вызывает в обществе такого презрения, как коррумпированные представители власти. Но президент, назначивший часть из них и создавший условия для неподотчетности остальных, обладает огромным запасом доверия как олицетворение государства. Ну чем не отношение американцев к процветающим капиталистам и к капитализму, как таковому? «Государевы люди» в логике россиянина могут быть противны, но государство почти всегда остается незапятнанным.

Таким образом, в какой-то мере наш подход схож с американским: да, власть в России с безразличием относится к своим гражданам, но значительная их часть так же наивно полагает, что сможет к ней приобщиться, как разносчик газет в провинциальном американском городке надеется стать миллионером. Даже российские демократы в начале 1990-х годов разработали авторитарную по своей сути Конституцию — отчасти и потому, что писали ее «под себя», а не для страны. Именно такое предпочтение радужных иллюзий сиюминутной основательной нормальности разительно отличает русских и американцев от европейцев и придает им сходство. Оно и не удивительно — ведь в любом мегаполисе легко отличить коренных горожан от провинциалов, а сами провинциалы всегда так похожи друг на друга...

ПОПРАВКА

В статье Ольги Борох и Александра Ломанова «Лекарство от сомнений», опубликованной в журнале «Россия в глобальной политике» за июль – август 2006 года (Том 4. № 4) по вине редакции была допущена опечатка. На страницах 56, 61 и 64 (за исключением последнего абзаца страницы 56) вместо «новые левые» следует читать «левые».

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events—turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington—this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO
**FOREIGN
AFFAIRS**

“The most influential periodical in print.” —*TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” —*FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s many foreign policy journals.” —*FINANCIAL TIMES*

SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*:
One year only US\$57.00!

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoastd.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

Создать идентичность

Команда по поло британского воинского контингента в Хайдерабаде.
Британская Индия, начало XX века

“ Самым верным средством обеспечения экономического, социального и культурного роста в нынешнем столетии окажется опора на ценности свободы, ответственности и справедливости. Если мы хотим добиться успеха, необходимо возвратиться к истории и вновь отыскать в ней, возродить и применить с учётом требований нашего времени те общие ценности, которые объединяют нас и ставят общую цель ”

Что значит быть британцем *Гордон Браун*

94

Иммигрантские сообщества: опыт Франции *Елена Деминцева*

105

Каким нам видится ислам *Алексей Малашенко*

116

Что значит быть британцем

Гордон Браун

Что означает британство? Нужно ли его сохранять и почему? Какая цель сплачивает нас как нацию? Ответы на эти вопросы необходимы, чтобы решить практически любую существенную проблему, стоящую сегодня перед Великобританией.

Хотя мы были и остаемся страной разных народов и тем самым множественных идентичностей (уроженец, к примеру, Уэльса может быть и валлийцем, и британцем, и англичанином, и к тому же мусульманином — скажем, выходцем из Пакистана либо из какой-то африканской страны), но всегда существует опасность того, что из-за неуверенности в себе люди будут стремиться сузить собственную идентичность до рамок, которые уходят корнями в типичные для XIX столетия представления о происхождении, расе и территории. В действительности же мы, британский народ, должны черпать огромную силу в гордости за нашу британскую идентичность и за наш союз, который силен благодаря нашим общим ценностям и их воплощению в нашей истории и наших институтах.

Британство — это не просто предмет академических споров, значимый лишь для историков, комментаторов и «пустозвонов» в СМИ. Если несколько лет тому назад лишь меньше половины наших граждан (46 %) отчетливо ассоциировали себя с британством, сегодня таких насчитывается уже две трети (65 %). При этом жители Британии относятся к своей стране с большим патриотизмом, чем население практически всех остальных европейских стран. Ед-

Гордон Браун — министр финансов Великобритании. Данный материал представляет собой сокращенный текст выступления автора на новогодней конференции Фабианского общества, посвященной теме «Кем мы хотим быть? Будущее британства» (январь 2006 г.).

ва ли не половина британцев уверена: если не будет пропагандироваться британство, обществу грозит раскол.

СВОБОДА, СОЛИДАРНОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ
Из волн завоеваний и миграций, сменявших друг друга на протяжении двух тысячелетий британской истории, из ассимиляционных процессов и разнообразных торговых партнерств, из уникально богатой, открытой и устремленной вовне культуры возник четкий набор ценностей, которые повлияли на британские институты.

Необходимость найти способ сосуществования в многонациональном государстве породила терпимость, а затем и стремление к свободе. Британия, писал Вольтер, подарила миру идею свободы. В XVII веке Джон Мильтон утверждал в поэме «Потерянный рай»: «Если не все равны, то все равно свободны». Вспомните стихи поэта Уильяма Вордсворта о «потоке британской свободы»; убежденность критика и публициста Уильяма Хэзлитта в том, что у нас нет и не должно быть «никаких привилегий или преимуществ перед другими нациями, кроме свободы»; Джорджа Оруэлла, для которого главными понятиями при определении Британии являлись «справедливость», «свобода» и «порядочность». Парламент мы можем взять где угодно, сказал [ирландский политический деятель] Генри Граттан, а свободу — только в Англии.

Золотая нить свободы тянется сквозь все время существования Британии — начиная с того далекого дня в 1215-м, когда король Иоанн Безземельный подписал Великую хартию вольностей на лугу Раннимид. Потом были Билль о правах (1689), утверждение — впервые в истории человечества — власти парламента над королем, формирование способности индивида твердо противостоять тирании, зарождение идеи о подотчетном народу правительстве, развившейся в идею наделения граждан правом контролировать собственную жизнь.

В XIX веке Британия возглавила мировое движение за уничтожение работорговли, в 40-е годы прошлого столетия она твердо — вновь во имя свободы — противостояла фашизму.

В эту драгоценную нить вплетены также бесчисленные волокна обычных и повседневных усилий жителей наших деревень, поселков и городов, действия и достижения простых людей, объединенных общим чувством долга и ответственности. Людей, которые своекорыстию предпочитают солидарность (на чем, собственно, и зиждется лейбористское движение), строят Британию гражданской от-

ветственности, гражданского общества и народовластия, положив в основу фундамента идеи долга и ответственности.

Мы восхищаемся Британией множества добровольных ассоциаций, Британией обществ взаимопомощи, цеховых профсоюзов, объединений и кооперативов взаимного страхования; Британией церковных организаций и религиозных групп; Британией муниципальных служб — от библиотек до парков; Британией общественных услуг. То есть взаимопомощью, сотрудничеством, социальной ответственностью и сильным гражданским обществом — всем тем, что возникало, как правило, благодаря прогрессивному направлению жизни и мысли Британии. Не своекорыстный индивидуализм, а идеи «активной гражданственности», «добрососедства», гражданской гордости и народовластия лежат в сердце британской истории.

Именно поэтому две трети населения непоколебимо убеждены в том, что британство связано не только с правами граждан, но и с их обязанностями.

В XX столетии пришло осознание того, что в демократической Британии, где население обладает и политическими, и социально-экономическими правами и обязанностями, свобода и ответственность должны и могут существовать только бок о бок со всеобщей справедливостью.

Призыв к справедливости пронизывает всю историю Британии, начиная с первых протестов против введения подушного налога в 1381 году (имеется в виду антифеодалное крестьянское восстание под предводительством Уота Тайлера. — **Ред.**). Деятель английской революции Томас Рейнборо заявил на Патнейской конференции в 1647-м, что «последний бедняк в Англии имеет те же права прожить свою жизнь, что и великий человек». Согласно опросу общественного мнения, проведенному *YouGov* в 2005 году, до 90 % британцев считают, что справедливость и честная игра — это очень важные или довольно важные составляющие британства. Более 70 % британцев гордятся нашей терпимостью, ответственностью и справедливостью, вместе взятыми.

В глазах современных британцев справедливость — не только формальное равенство перед законом, но и равенство возможностей. Не случайно 90 % британского населения считают Государственную службу здравоохранения (*National Health Service, NHS*) положительным символом истинной Британии наряду с монархией, армией и [вещательной корпорацией] *BBC*. В основе деятельности *NHS* лежит ключевая ценность — справедливость, что в данном слу-

чае подразумевает следующее: граждане должны иметь доступ к медицинским услугам, исходя из своих потребностей, а не из материальных возможностей. Британия, следовательно, добивается наибольших успехов именно тогда, когда у нас есть и сильное гражданское общество, и правительство, приверженное народовластию и действующее на основе принципа справедливости.

Таким образом, современная прогрессивная концепция британства несколько не сводит его к своекорыстному индивидуализму. Ответственность ассоциируется не с разновидностями патернализма, а с приверженностью максимально сильному гражданскому обществу; справедливость представляется как расширение прав вследствие расширения максимальных возможностей.

Поэтому самым верным средством обеспечения экономического, социального и культурного роста в нынешнем столетии окажется опора (применительно к грядущим проблемам) на ценности свободы, ответственности и справедливости.

Оруэлл правильно высмеивал убеждение старых левых в том, что патриотизм свойствен только правому крылу политического спектра: патриотизм как проявление реакционности, как защита неизменных, никогда не модернизирующихся институтов, как защита чиновничества и иерархии и, наконец, как неприязнь к иностранцам и своекорыстный индивидуализм.

Но в действительности ценности, на которых основано британство, гораздо в большей степени базируются на прогрессивных идеях, чем на «правой» идеологии. Более того, они являются ключом к следующему этапу нашего прогресса как нации. Поэтому членам нашей партии следует гордиться британским патриотизмом и патриотическими целями, основанными на всеобщей свободе, ответственности и справедливости. Когда нам придется реагировать на глобальные вызовы, эти великие ценности помогут нам осуществить перемены, реформы и модернизацию в согласии с дорогими сердцу британского народа идеями.

НАПРАВЛЯЮЩАЯ СИЛА БРИТАНСТВА

Почему же нам так необходимо осознать сущность британства?

Во-первых, оно помогает нам выбрать верный внешнеполитический курс. Например, понимая, что означает британство на нынешнем, постимперском, этапе, мы сможем наладить более тесные связи с развивающимися странами, в частности африканскими.

То же самое относится и к нашим отношениям с Европой. Столкнувшись в 1945 году с относительным экономическим упадком и распадом империи, Британия утратила уверенность и в себе, и в своей роли в мире; она больше не имела твердого представления о том, какой на самом деле должна быть постимперская Британия. В результате слишком многие стали считать, что на европейском направлении нам следует сделать ставку либо на полное слияние, либо на гордую самоизоляция. И забывали при этом, что отстаивать интересы Британии, будучи членом Европейского союза, можно точно так же, как и в составе НАТО.

Во-вторых, в стремительно меняющемся мире людям, не чувствующим себя в безопасности, необходимы прочные корни, что заставляют нас выработать большую определенность в отношении того, что есть «британство». Вопрос, по сути, в том, чем определяется наша национальная идентичность — общими ценностями либо только национальной принадлежностью? Поставь мы во главу угла последнюю, и мы окажемся пред лицом риска возвращения к злополучной «проверке крикетом» на лояльность (Норманн Теббит, министр в правительстве Маргарет Тэтчер, придумал печально известный «крикетный тест». В соответствии с ним людей небританского происхождения обязывали приветствовать национальную сборную по крикету в игре против их исторической родины как доказательство того, что они «действительно» принадлежат Британии. — Ред.).

Но если мы ясно понимаем, что именно общие ценности (а не цвет кожи или институты) определяют, что значит быть британцем в современном мире, мы можем установить куда более высокую планку для обязанностей гражданина в нынешнюю эпоху и более амбициозно формировать новые и современные отношения между государством, сообществом и индивидом. Это облегчит решение непростых проблем, в совокупности связанных с понятием «мультикультурализм». Речь идет о том, каким образом разнообразные культуры, неизбежно отличающиеся друг от друга, могут найти общую цель первостепенной важности, без которой не может процветать ни одно общество.

Реакция британцев на события 7 июля 2005 года была выше всяких похвал. Но нельзя забывать: нашлись же британские граждане — рожденные в Британии и, по-видимому, интегрированные в наши сообщества, — которые были готовы искалечить или убить своих сограждан! Этот факт должен привести нас к вопросу о том, насколько нам удалось уравновесить стремление к этническому разно-

образию с очевидной необходимостью интеграции представителей различных народов и культур в наше общество.

В-третьих, если мы хотим добиться успеха Великобритании, обрести способность принимать и преодолевать не только вызовы глобальной экономики, но и грядущие международные, демографические, конституционные и социальные проблемы, в том числе и в сфере безопасности, необходимо возвратиться к нашей истории и вновь отыскать в ней, возродить и применить с учетом требований нашего времени те общие ценности, которые объединяют нас и ставят общую цель.

Британия, очевидно, должна встретить глобализацию, будучи стабильной страной, ориентированной вовне, приверженной научному прогрессу и ценностям образования. Принимая правильные долгосрочные решения, она способна наряду с Китаем, Индией и Америкой явить миру пример грандиозных достижений в эпоху наступающей глобализации.

Но безусловно и то, что лучше справиться с глобальными переменами удастся не тем странам, правительства которых примут правильные долгосрочные решения. Преуспеют прежде всего государства, чьи народы сумеют объединиться и сформировать (на основе общих представлений о вызовах и о том, что необходимо делать) единый и общий взгляд на цель, ради которой они готовы принести жертвы, и на главные составляющие национального успеха.

Современное чувство патриотизма и осмысление патриотических задач способны мобилизовать и вдохновлять людей в мирное время точно так же, как во время войны осознание общей патриотической цели воодушевляет нацию на трудовой и боевой подвиг. Британский патриотизм, на мой взгляд, основан не на принадлежности к той либо иной национальности или расе и не только на общих для нас институтах, а на непреходящих идеалах, которые формируют наше представление о себе и наших сообществах, — на ценностях, в свою очередь влияющих на развитие наших институтов.

Но как писал в своей книге *«Bring Home the Revolution»* («Верните революцию домой») обозреватель газеты *The Guardian* Джонатан Фриденд, в отличие от Америки и большинства других стран, у нас нет Конституции или декларации, где были бы зафиксированы наши задачи как нации. Нет сформулированной миссии, определяющей нашу цель. И нет выраженного словами представления о нашем будущем.

Поэтому нам следует облекать наши цели и приоритеты в более четкую словесную форму. Мы должны яснее формулировать следующую мысль: решение стоящих перед нами проблем зависит от того, сумеем ли мы увидеть общую цель в непреходящих британских идеалах, которые суть творческий дух, изобретательность, предприимчивость, интернационализм, а также приверженность всеобщей свободе, справедливости и ответственности.

ВПЕРЕД ПОД ЗНАМЕНОМ БРИТАНСТВА!

Я верю, что дебаты, ведущие, надеюсь, к установлению широкого консенсуса относительно сущности британства, станут отправной точкой преобразований, необходимых для того, чтобы привести жизнь в Британии в соответствие с краеугольным камнем этого понятия – принципом всеобщих свободы, ответственности и справедливости. Насыщенная повестка дня таких перемен должна включать в себя следующее:

- изменить систему управления страной;
- перестроить гражданское общество;
- усовершенствовать местное самоуправление;
- сформировать серьезное отношение к гражданству;
- приступить к работе по интеграции меньшинств в современное британское общество;
- всегда и во всем быть интернационалистами.

Если мы допустим чрезмерную централизацию власти, нам не удастся воплотить в жизнь наш идеал свободы для всех. Мы не достигнем ответственности каждого, если не будем поощрять и развивать сильное гражданское общество, и не добьемся справедливости по отношению ко всем, если слишком многие будут чувствовать себя исключенными из процесса принятия решений.

Чтобы идти вперед, Британия во имя свободы должна распустить централизованные институты, которые слишком дистанцированы друг от друга, и передать их полномочия. Во имя ответственности следует поощрять создание сильных местных институтов. Новые способы привлечения британских граждан к принятию жизненно важных решений станут важнейшим фактором обеспечения и свободы, и ответственности, и справедливости. Поэтому нам абсолютно необходимо вновь поставить на повестку дня вопрос о конституционной реформе, которую начали в 1997 году.

В первый же день своего пребывания в должности министра финансов я ограничил исполнительную власть, передав полномочия правительства по установлению процентных ставок Банку Англии. Во время всеобщих выборов я заявил, что есть основания для дальнейших шагов в этом направлении, а именно для рассмотрения новой роли парламента в вопросах объявления войны и заключения мира. Полагаю, что надо ограничить практику патроната, например, при церковных и тому подобных назначениях, чтобы предотвратить любые обвинения в произвольном употреблении власти.

В ходе следующего этапа нашей дискуссии о правах человека необходимо более основательно учитывать типично британскую концепцию о том, что права индивида уходят корнями в понятия ответственности и сообщества. В течение двух столетий характерным для Британии было наличие огромного числа местных клубов, ассоциаций, обществ и предприятий. Нам — и нынешнему, и будущему поколениям — следует наращивать усилия по стимулированию и расширению полномочий новых британских организаций, которые воплощают в себе эти британские ценности.

Современным проявлением британства и нашей приверженности будущему является создание Британской национальной службы общественных работ. Речь идет о вовлечении молодежи в служение своим сообществам и о его вознаграждении. Британия может оказаться первой в мире страной, создавшей современную службу общественных работ. Ответственность всех в сегодняшней Британии означает также вовлеченность бизнеса в благотворительную деятельность, что позволяет трансформировать озабоченность социальными проблемами, присущую и работодателям, и работникам, в эффективные действия, направленные на общественное благо.

Учитывая, что, как я считаю, британский путь заключается в возрождении и укреплении инициативы на местах и взаимной ответственности в гражданских делах, нам нужно упорнее работать над усилением местных институтов. При этом наше правительство уже сделало больше для передачи полномочий, чем любое другое (как, я надеюсь, могут подтвердить Шотландский парламент, Уэльсская ассамблея и Лондонская мэрия).

Подлинно британский подход к представительной демократии, демократии участия должен включать в себя поиск новых способов вовлечения населения в принятие решений. Местные, региональные и даже государственные власти уже экспериментируют в этой

сфере: создаются объединенные группы граждан, призванные обсуждать важные вопросы государственной политики.

Необходимо рассматривать дальнейшую передачу полномочий Вестминстера с целью оздоровления местного самоуправления. Важно делать акцент на расширении прав школ, больниц и местных служб. Усиление контроля над собственной жизнью будет способствовать реализации индивидами и сообществами их потенциала и устремлений.

Приверженность британским ценностям свободы, ответственности и справедливости предполагает также серьезное отношение к гражданству. Важную роль здесь играют и качество преподавания соответствующих курсов в школах, и церемония вступления в гражданство, и четкое определение обязанностей граждан наряду с их правами, и соблюдение баланса между правом каждого индивида на свободу и необходимостью обеспечения всеобщей безопасности, и, разумеется, установление правильного соотношения между разнообразием и интеграцией.

События 7 июля справедливо прозвучали для всех британцев, включая умеренных членов исламского сообщества, как призыв к борьбе с экстремизмом. С учетом того, что террористы-самоубийцы имеют сообщников в других странах и могут пользоваться Интернетом либо получать инструкции по мобильным телефонам, мы понимаем, что победы над экстремизмом, прибегающим к насильственным акциям, невозможно добиться усилиями на территории лишь одной страны или даже одного континента. Успех придет только в результате глобальных действий с использованием всех возможных средств.

Потребуется мера как в военной сфере, так и в области безопасности; не обойтись и без таких шагов, как обсуждения в СМИ, дискуссии между деятелями культуры и искусства. Придется много поработать над тем, чтобы отделить в глобальном масштабе экстремистов от лиц, придерживающихся умеренных взглядов, при этом многое будет зависеть не только от правительственных структур, но также и от фондов, трастов, организаций гражданского общества и гражданской культуры в целом.

Проникновение в нашу среду терроризма означает, что дебаты о британстве и нашей модели интеграции приобретают сегодня особую злободневность. Я убежден, что наши политики осознают необходимость уделять больше внимания объединяющим факторам.

Вместе с тем они понимают: приветствуя различия, британство не должно превращаться в нечто размытое и невнятное и подразумевать исключительно терпимость к расхождениям, оставляя за скобками национальную идентичность.

Избежать этой опасности мы сможем, опираясь на свою приверженность свободе, ответственности и справедливости. Именно она продиктует меры, способные объединить все группы общества на основе общей цели и взаимосвязанных судеб. Очевидно, на этом пути нам придется преодолевать предрассудки, фанатизм и разжигание ненависти, значительно активизировать усилия как в борьбе с дискриминацией, так и по содействию процессу интеграции в общество. Очень важно уделять больше внимания проблеме нарушения прав при приеме на работу, обеспечить доступ к образованию и активнее бороться с недопустимо высоким уровнем безработицы в районах, населенных преимущественно этническими меньшинствами.

Особый подход требуется к тем, кто не может найти работу либо продолжить профессиональный рост по причине языковых трудностей. Необходимо общенациональное движение волонтеров и профессионалов, выступающих в качестве наставников новых членов нашего общества. И конечно, надо стремиться к расширению обязательного обучения английскому языку.

Что еще способно крепче связать нас друг с другом? Может, стоит подумать о британском эквиваленте американского национального праздника — Дня независимости (4 июля) или, скажем, французского — Дня взятия Бастилии (14 июля)? Возможно, День перемирия либо Поминальное воскресенье наилучшим образом подходят для Дня Британии? (В день перемирия, 11 ноября, Великобритания празднует окончание Первой мировой войны в 1918 году; в ближайшее к нему воскресенье отмечается Поминальное воскресенье. — Ред.). Именно тогда во всех уголках нашей страны с особой силой проявляются память, единство и верность идеям свободы, ответственности и справедливости.

Когда левоцентристы отвернулись от национальной символики, присвоить Юнион Джек попыталась Британская националистическая партия (БНП). Но наш флаг не может быть использован как знак расового деления — он должен, наоборот, символизировать единство, служить средством выражения современного патриотизма. Поэтому надо решительно заявить, что флаг Содружества — знамя толерантности и интеграции; он принадлежит не

БНП, а Британии, и его надлежит чтить, а не игнорировать всему Соединенному Королевству.

И нельзя отворачиваться от нашей национальной истории. История Британии должна занять более заметное место в учебных планах — не просто даты, имена и названия, не просто набор разрозненных фактов, а связный рассказ о развитии нашей страны в целом.

Если наша идентичность будет питаться нашими убеждениями, то мы почувствуем себя более уверенными пред лицом сложных проблем в отношениях с остальным миром. Определимся мы с нашими ценностями — и та Британия, которая все еще колеблется в определении своей глобальной роли и по-прежнему подвергает сомнению необходимость интеграции в европейский торговый блок, уйдет в прошлое. Не будет Британии, которая видит свой путь как борьбу против, а не в составе Европы и которая представляет европейский выбор как альтернативу между неучастием и полным поглощением. Вместо Британии, не способной распознать свою лидирующую роль на новом этапе европейского развития, появится новая, глобальная Британия — лидер в мировой экономике. Страна, для которой членство в объединенной Европе будет иметь первостепенное значение, которая поможет реформированной, более гибкой, более ориентированной вовне Европе начать играть более важную роль в глобальном сообществе и (не в последнюю очередь) окажет содействие улучшению отношений между Европой и США.

И разумеется, это будет Британия, указывающая путь к превращению нашей планеты в более защищенное, безопасное и справедливое место. Базируясь на своих ценностях, она станет продвигать не просто списание долга, удвоение гуманитарной помощи и, отражая свою открытость как нации, всемирную свободу торговли. Она предложит новый глобальный подход — универсальное бесплатное школьное образование для каждого ребенка, универсальное бесплатное здравоохранение для каждой семьи, чтобы наиболее богатые государства наконец-то выполнили свои обязательства перед беднейшими.

Иммигрантские сообщества: опыт Франции

Елена Деминцева

События в карельском городе Кондопога и общий всплеск ксенофобских настроений в России сделали проблему сосуществования представителей различных этносов и культур одной из острейших внутриполитических тем. В этом смысле Россия — при всей своей специфике — вписывается в общеевропейский контекст.

Бунты осени 2005 года в пригородах Парижа превратили проблему ассимиляции мусульманских общин из предмета академических дискуссий в главную тему новостных выпусков на телеканалах всего мира. Как правило, делался вывод о провале политики французских властей, пытавшихся интегрировать иммигрантов в общество. Однако проблема не ограничивается только одной страной. По свидетельству немецкой прессы, в Берлине и других городах Германии турецкие иммигранты образуют замкнутые этнокультурные анклавов, причем здесь они ведут гораздо более традиционный образ жизни, нежели могли бы себе позволить в самой Турции с ее жестким секулярным законодательством. В разгар скандала с публикацией в газете *Jyllands-Posten* карикатур на пророка Мухаммеда стало известно, что именно датские мусульмане обратили внимание своих ближневосточных единоверцев на акт святотатства. В такой, казалось бы, цитадели свободы слова, как Великобритания, на митингах местных граждан-мусульман, оскорбленных в своих религиозных чувствах, раздавались призывы к убийству журналистов. В результате все больше укореняется мнение, что интеграция не просто не удалась — она невозможна в принципе, а европейские сообщества иммигрантов воспринимаются как монолитные образования, ни-

Е.Б. Деминцева — к. и. н., научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН.

чем не связанные с окружающим их европейским обществом и не поддающиеся его культурному влиянию.

Проблема формирования подобных замкнутых сообществ, сопротивляющихся попыткам ассимиляции, становится все более актуальной и для России. Массовая трудовая миграция на территорию Российской Федерации из сопредельных мусульманских регионов началась не вчера: еще в 1980-х РСФСР ежегодно принимала от 400 до 800 тысяч выходцев преимущественно из Средней Азии, Казахстана, Закавказья. Уже тогда давали себя знать демографические факторы: нехватка рабочих рук при крайне низкой рождаемости на территории РФ, трудоизбыточность и высокая рождаемость в среднеазиатских и закавказских советских республиках. Эта миграция, однако, была организованной, носила несемейный характер, проходила в условиях ассимиляционной политики со стороны правительства; привлекавшиеся иммигранты в большинстве своем владели определенными профессиональными навыками и могли рассчитывать в советских условиях на гарантированную работу по специальности. Сейчас, на фоне роста экономики, миграция из сопредельных мусульманских регионов усилилась, и, по прогнозам демографов, ее интенсивность в будущем едва ли снизится. При сохранении тенденции доля иммигрантов и их потомков составит к концу столетия 10–15 %, однако при таком варианте предполагается довольно значительное сокращение численности населения страны, что делает экономическое развитие

Предместья Парижа: трудный поиск идентичности. Ноябрь 2005 г.

весьма проблематичным. В рамках же стабилизационного варианта (сохранение численности населения России на нынешнем уровне) доля иммигрантов и их потомков к концу века может составлять до 50 %.

Как о наиболее вероятном источнике миграции в рамках СНГ можно говорить исключительно о Центральной Азии: на сегодняшний день рост населения сохраняется только в Киргизии, Таджикистане, Туркмении, Узбекистане; формально растет население и в Азербайджане, но у специалистов имеются сомнения в корректности принятых методик учета.

Нынешний характер миграции дает серьезные основания опасаться того, что в России также начнется процесс формирования замкнутых иммигрантских сообществ. Сегодня в крупных городах РФ пока еще отсутствуют иммигрантские мусульманские окраины, подобные тем, что прилегают к границам Парижа: администрация и предприниматели не проводят соответствующую градостроительную политику, да и рынок недвижимости сам по себе устроен так, что тормозит «выдавливание» коренных жителей из облюбованных иммигрантами кварталов. Вместе с тем существенно то, что иммигранты привлекаются прежде всего в качестве чернорабочих: по некоторым оценкам, неквалифицированная рабочая сила в крупных городах практически на 50 % состоит из иммигрантов. Во многих, если не в большинстве случаев иммиграция носит нелегальный характер,

сами мигранты — это деревенские жители с минимальным уровнем образования. У них нет никаких гарантий постоянной работы, их труд оплачивается по крайне низким ставкам, а периодически и вообще не вознаграждается.

Все это чрезвычайно усиливает зависимость переселенцев от землячеств и этнических общин, а также этнических криминальных структур, помогающих им с переездом в Россию, обустройством, поисками работы и элементарным выживанием. В свою очередь это способствует замыканию подобных общин, не желающих допускать «чужаков» в свои секреты и старающихся избегать контактов с внешним миром (в том числе и в силу своего нелегального статуса). Вследствие всего этого иммигранты склонны жить компактно, подчиняться законам и правилам общины, поддерживать в ее рамках общепринятый на родине образ жизни, сохранять ценностные установки. По имеющимся фрагментарным сведениям, все большее распространение получает и семейная миграция. В целом масштабы миграции в России позволяют говорить об ассимиляции выходцев из мусульманских регионов СНГ как о процессе, уже сейчас определяемом наличием коллективных, общинных механизмов взаимодействия с принимающим обществом.

Ситуация эта в последнее время вырастает в настоящую проблему. События в Европе только усилили ксенофобские, антииммигрантские и антиисламские настроения: на бытовом уровне закрепляется убеждение, что иммигранты-мусульмане принципиально неассимилируемы. Политики и чиновники со своей стороны сочетают призывы к ужесточению государственного регулирования миграции со стремлением объявить амнистию нелегальным иммигрантам. Наиболее системные предложения по ассимиляции мигрантов предусматривают меры социального и культурного характера, в частности максимальное вовлечение детей мигрантов (в том числе и нелегальных) в образовательные и воспитательные программы. Между тем исследования, проведенные во Франции в среде выходцев из стран Магриба во втором-третьем поколениях, показывают, что все многообразие форм культурного взаимодействия мусульман-иммигрантов с принимающими их европейскими обществами не может быть сведено к жесткой дилемме «или ассимиляция — или отторжение». Французский опыт свидетельствует о том, что в реальности потомки иммигрантов в России столкнутся с более сложными условиями существования.

АССИМИЛЯЦИЯ, АССОЦИАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ

Первые иммигранты из стран Магриба появились во Франции еще в XIX веке. Накануне Первой мировой войны в таких городах, как, в частности, Париж, Марсель, Бордо, Нант, где уже проживало около 15 тыс. магрибинцев, начали складываться «североафриканские кварталы». Однако массовый характер трудовая миграция приобрела лишь в послевоенный период, когда страна остро нуждалась в рабочей силе и французские власти проводили целенаправленную политику по привлечению в метрополию рабочих из североафриканских колоний. Декрет от 18 ноября 1920 года гласил, что «алжирские рабочие больше не являются иностранцами». Это, однако, не помешало запретить им въезд в страну с началом Великой депрессии.

После Второй мировой войны Францию захлестнула новая волна массовой миграции из Северной Африки. Приток иммигрантов особенно усилился в период экономического подъема 1960-х, когда стране не хватало рабочих рук на предприятиях. Уже на момент провозглашения независимости Алжира в 1962 году численность алжирского населения во Франции только по официальным, заниженным (по некоторым оценкам, вдвое), данным выросла до 350 тыс. человек. Дополнительным стимулом миграции явился также распад колониальной империи: уезжали в бывшую метрополию, например, семьи алжирцев, служивших во французской армии.

Именно к этому периоду относится начало обсуждения проблемы иммигрантской общины во Франции на правительственном уровне. При этом левые предпочитали употреблять термин «включение» (*insertion*), тогда как правая оппозиция поднимала вопрос об «ассимиляции». Собственно концепции «ассимиляции» и «ассоциации» были впервые сформулированы раньше, еще для нужд колониальной политики. С помощью «ассимиляции» имелось в виду реформировать туземное общество на основе идейного наследия Великой французской революции (1789–1794), прежде всего в русле идеей просвещения, гражданской свободы, равноправия мужчин и женщин и пр. Прививая европейскую систему воспитания, а также разрушая традиционные социальные институты предполагалось полностью и окончательно принять коренное население Северной Африки в лоно французской культуры.

В годы 2-й республики (1848–1852) именно концепция «ассимиляции» легла в основу французской политики в Северной Африке, однако ее реализация столкнулась с многочисленными социальными, конфессиональными и культурными преградами. Поэтому на смену

«ассимиляции» во французской колониальной практике приходит политика «ассоциации», то есть «присоединения» с учетом местных особенностей. «Ассоциация» уже не включала в себя цель реформирования туземного общества по образцу французского: колонии должны были служить лишь источником сырья и продовольствия для метрополии, оставаясь при этом «чужими». Однако по мере обострения кризиса колониальной системы снова усиливались позиции сторонников «ассимиляции» — в такие моменты начинало казаться, что она дает Франции больше шансов сохранить свои колонии.

Принципы проводимой по отношению к иммигрантам официальной политики были зафиксированы законом от 9 октября 1974 года. В нем подчеркивалось, что Франция стремится к «тому, чтобы либо допустить на национальном уровне повсеместную интеграцию иностранных рабочих в соответствии с их пожеланиями, либо позволить им сохранить социально-культурные связи со страной своего происхождения, способствуя тем самым обретению всеми желающими возможности впоследствии вернуться на родину». Иными словами, закон проводил линию разграничения между теми, кто предполагал остаться в стране, натурализовавшись и полностью интегрировавшись в общество, и теми, кто собирался уехать на родину и сохранял с ней связи.

В начале 1988-го социалисты уточняют свою позицию, делая акцент на том, что «интеграция» будто бы предусматривает не полный отказ от культуры своего народа, а «ее трансформацию в целях наиболее безболезненного и результативного общения с культурой страны пребывания». До этого момента и правые, и левые рассматривали «ассимиляцию», «интеграцию» и «включение» как взаимозаменяемые понятия. Факт же упоминания в принятом законе (1988) «культуры другого народа» показывает, что для обозначения своей политики в отношении иммигрантов власти начинают склоняться в сторону использования понятия «включение».

Кодекс законов о гражданстве введен в действие 19 октября 1945 года (с изменениями от 1973, 1984, 1993, 1998 годов). Его источниками считаются «право почвы» (*jus soli*), по которому человек является французом в силу его рождения и проживания на территории Франции, даже если его родители — иностранцы, а также «право крови» (*jus sanguinis*), по которому человек считается гражданином Франции вне зависимости от его места рождения и проживания, если его родители — французы. В соответствии с этим теоретически французская политическая модель интеграции основана на принци-

пе обретения национальности, то есть гражданства, и присоединении к общественному договору («право почвы»). Следовательно, все формы так называемой «этнической» идентификации вытесняются из сферы государственной в сферу частную (что обусловлено светским характером французского государства).

При этом целью политики интеграции становится индивидуальная ассимиляция каждого иммигранта в отдельности через школу и другие институты (таким образом, социально-экономическая сторона проблемы игнорируется). Не случайно в последние годы политики всё чаще упоминали о «культурном разрыве», достаточно заметном, в частности, если говорить о выходцах из стран Магриба. Из этого делались весьма противоречивые выводы: левые подчеркивали специфику «туземной» культуры и призывали к постепенному «включению» иммигрантов во французское общество, условием которого является готовность обеих культур к компромиссам. Правые же, наоборот, требовали полного отказа иммигрантов из стран Магриба от своей традиционной культуры и говорили об ассимиляции как о свершившемся факте.

Практически же результаты ассимиляционной модели оказались гораздо более запутанными и неоднозначными. Полевые исследования свидетельствуют о том, что говорить о тотальной «закрытости» мусульманской общины, о ее полной неподверженности культурному влиянию не приходится. Однако реальные плоды ассимиляции не соответствуют стереотипам и ожиданиям, еще недавно господствовавшим во французском обществе.

«ГРАЖДАНЕ ОКРАИН»

Представители наиболее многочисленной группы магрибской молодежи, живущей на окраинах городов, вполне могут считать себя «французами», но «их Франция» — это в первую очередь их квартал. «Я француз из Сен-Дени. Здесь я вырос, здесь живет моя семья. Я знаю тут каждый закоулок, вокруг меня мои стены, мои тротуары, по которым я хожу всю свою жизнь. Я отсюда!» — рассказывает 20-летний Б. Более того, именно со своим кварталом, а не с Францией в целом юноши и девушки связывают и свое будущее: «Однозначно я вижу мое будущее в этом квартале (Сен-Дени. — Е.Д.). Я здесь родился, мне здесь нравится. Тут все мое. Я здешний, я принадлежу этому миру», — говорит 22-летний А.

Эти молодые люди ставят принадлежность к своему кварталу выше связей с родиной их предков, которая превратилась для них в

миф. Их родители, приехав на заработки во Францию, изначально не помышляли вернуться назад. В результате понятие «родина» у них не ассоциируется с национальной принадлежностью, оно имеет локальный характер. Молодежь окраин ощущает привязанность к своему дому, городу, то есть к своей собственной «территории» и, конечно же, истории («вокруг меня *мои* стены, *мои* тротуары»). В самоидентификации этих людей их «жизнь», их «собственная история», «история семьи», много лет живущей в данном квартале (у многих родители приехали в молодом возрасте), играют гораздо более важную роль, чем легенды об их предках и исторической родине.

Молодые магрибинцы оказались в сложной ситуации. Их семьи, по сути, утратили связь со своими корнями, однако, отказываясь от намерения вернуться, они вовсе не собирались отказываться ни от своего языка, ни от обычаев, ни от религии. В итоге их образ жизни очень мало «европеизирован». Вместе с тем выходцы из стран Магриба живут в светском государстве, учатся в светских школах, где упор делается на республиканские традиции, что порождает ощущение диссонанса. Франция пытается воспитать из них своих граждан, а семья стремится выделить их, напоминая, что они, прежде всего члены «своего» сообщества, обязаны говорить по-арабски и быть мусульманами.

— Кем я себя больше ощущаю — француженкой или марокканкой? Я здесь родилась. Я прожила здесь всю свою жизнь. Я знаю Францию намного лучше, чем Марокко. Марокко я часто посещаю во время каникул. Но живу-то я здесь, здесь! — восклицает Н.

— Арабский язык очень сложный. Я думал его выучить. Но для меня важнее сейчас выучить другие языки — английский и немецкий. Трудно учить арабский, но я все же буду его учить. Это язык ислама! Каждый мусульманин должен знать арабский, — констатирует А.

Для этих молодых людей идентифицировать себя с Францией не значит отрицать ислам. Однако религия в их представлении банализируется: считая себя мусульманами, они в то же время не склонны соблюдать все обряды, которые почитались их предками. «В Алжире я ношу платок. Здесь — нет, потому что тут светское государство», — заявляет 20-летняя Н. Для очень многих бёров из этой группы столь же естественно справлять Рождество наряду с мусульманскими праздниками. Но Рождество для них — не религиозный праздник, а светский. «Приятно собраться дома всей семьей, запечь индейку и сделать друг другу подарок», — говорит Н. В результате, считая себя гражданами Франции, они не отрицают ни традиции,

ни религию, ни историю своей семьи, в которые они вкладывают свой, отличный от их родителей смысл.

Одна из основных проблем, с которой приходится сталкиваться молодым людям в «их квартале», — безработица. Они не хотят, подобно их отцам, работать на заводах и фабриках, но при этом не имеют необходимого образования, чтобы устроиться на более престижную работу. «Их Франция» невелика, их мир узок, их возможности самореализации ограничены. Именно эта молодежь заявила о себе осенью 2005 года: она знала против кого выступать, так как «ее Франция» в ее восприятии отделена от остальной Франции.

«НОВЫЕ МУСУЛЬМАНЕ»

Главное отличие «новых мусульман» от «граждан окраин» — в их отношении к миру за пределами «своего квартала». Для них неприемлемо замыкаться внутри своего мирка. Они стремятся заявить о своей принадлежности к более широкому сообществу и доказать, что они «не такие, как все», но имеют равные возможности и равные права с остальными. Ассимиляция приравнивается в их представлении к исчезновению. Им часто приходится сталкиваться с проявлениями расизма и дискриминации, и потому для них важно перенести обсуждение своей этнической идентичности в сферу публичного. Быть гражданином страны и при этом демонстрировать свое отличие — своеобразный вызов французскому обществу, которое вынуждено воспринимать «новых мусульман» такими, какие они есть.

Как правило, эти молодые люди выросли в семье, практически не изменившейся за время иммиграции, и зачастую их родители даже более строго следуют традициям и ритуалам, чем семьи «граждан окраин». Достаточно прочными остаются связи с Алжиром, Тунисом, Марокко, куда дети нередко ездят на каникулы и ведут при этом тот же образ жизни, что и их родственники на исторической родине.

Но даже при столь строгом традиционном воспитании многие представители молодого поколения почитают религию как личный выбор, а не просто традицию, которой надо неукоснительно следовать. Те из них, кто считает себя мусульманами, стараются не только исполнять все предусмотренные религией предписания, но и способствовать тому, чтобы «их религия» была признана и принята французским обществом. Здесь опять-таки проявляется их двойственная идентичность: с одной стороны, приверженность к исламу, с другой — защита своих прав в качестве французских граждан. «Я ра-

да, что я француженка (здесь речь идет о гражданстве. — Е.Д.). Думаю, мне повезло, что я живу в этой стране. Мы здесь живем по республиканским принципам, у нас есть свобода. Более того, благодаря этому я стала мусульманкой. Во Франции есть различные структуры, которые обучают арабскому языку. В то же время, мне кажется, это даже лучше, что я живу здесь, а не в Марокко. Там все более традиционно, и это меня пугает», — рассказывает 22-летняя Ф.

Зачастую именно эта молодежь принимает участие в маршах протеста и состоит в различного рода ассоциациях — от гражданских до религиозных. Вот что говорит Д., член Ассоциации мусульман Франции: «Ассоциация, к которой я принадлежу, представляет интересы мусульман Франции. Я активный ее участник, потому что мои цели совпадают с целями ассоциации — помочь вращению мусульман в жизнь французского общества». Однако выступления этого поколения молодых людей на собраниях гражданских ассоциаций или во время маршей протеста совсем не одно и то же, что беспорядки, организованные «гражданами окраин». Если бунт для «граждан окраин» означает противостояние «другой» Франции, то для группы «новых мусульман» это прежде всего отстаивание своих прав в «их собственном» государстве. «Мне нравится сама идея Республики — свобода, равенство, братство. Думаю, что каждый человек имеет право жить своими идеями, своими привязанностями. Если мы ничего плохого не делаем людям, то кому это может помешать!» — утверждает 28-летний А.

«КОСМОПОЛИТЫ»

Среди молодых магрибинцев встречаются и такие, для которых главное — их индивидуальная позиция, обусловленная личным выбором и не зависящая ни от семьи, ни от иммигрантского сообщества, ни от страны проживания. Многие из респондентов данной группы отмечали, что Франция — это прежде всего «удобная страна»; они чувствуют принадлежность к этой стране, не идентифицируя себя с ней. «Во Франции нам хорошо, здесь есть всё, что нужно. Есть и свои проблемы, но по сравнению с другими странами их намного меньше. Франция очень развитая страна. В другом месте у нас не было бы таких прав, как здесь. И это большой плюс», — говорит М.

Эта молодежь «вышла» под влиянием разных жизненных обстоятельств из магрибского сообщества, и традиции ее предков остались для нее скорее историей. Она не стремится демонстрировать свою этническую принадлежность, но и не скрывает ее. Именно предста-

вителям этой группы, достигшим определенного успеха, имеющим хорошее образование и неплохую работу, наиболее соответствует образ «интегрировавшегося» иммигранта, каким его себе представляют многие коренные французы. Но можно ли в данном случае говорить об интеграции? Эти молодые бёры помнят те трудности, с которыми им пришлось столкнуться только в силу своего этнического происхождения, и среди них почти невозможно встретить таких, кто называл бы себя «французом». «Поступив в Высшую школу социальных наук, я решил поехать в тот район, где вырос, чтобы провести исследование для своего диплома. Интересно, что мне не удалось найти контакт с представителями моего сообщества, и я больше общался с иммигрантами из других стран и их детьми, — говорит респондент. — Я не хочу называть себя алжирцем — я считаю себя кабиллом. Я верующий, но при этом не считаю себя мусульманином. Я не чувствую себя французом и не хочу им себя чувствовать. У меня очень мало общего с французами. Я европеец и знаю, что та работа (исследования по проблеме прав ребенка для Совета Европы. — Е.Д.), которую я делаю, весьма важна для многих людей».

* * *

Многочисленные просчеты, имевшие место в политике, проводимой по отношению к иммигрантским сообществам французским и другими европейскими правительствами, нуждаются в тщательном анализе. Серьезным уроком должен послужить тот факт, что французское общество оказалось неподготовленным к тому, что процессы взаимодействия мусульманских иммигрантских общин пойдут, вопреки всем ожиданиям, по иным направлениям. Не оправдался и расчет на то, что потомки иммигрантов полностью ассимилируются вплоть до отказа от собственной этнокультурной идентичности (которая, впрочем, блокировалась проявлениями расизма и дискриминации со стороны самих этнических французов). На практике, по всей видимости, ни Франция, ни другие страны (в том числе и Россия) не смогут в XXI столетии рассчитывать на полную ассимиляцию многомиллионных мусульманских общин, образовавшихся на их территориях. Свою роль здесь играют и социально-экономические факторы, и то обстоятельство, что общины уже сложились как жизнеспособные организмы. Французский опыт показывает, что принимающим обществам придется иметь дело с новыми, более сложными моделями существования иммигрантов в своей среде.

Каким нам видится ислам

Алексей Малащенко

Вопрос о роли религии в современном развитии, который, казалось бы, должен становиться все большим анахронизмом в век небывалого научно-технического прогресса и супертехнологий, снова оказался в центре политической дискуссии. Утверждения о том, что мы живем в эпоху «столкновения цивилизаций», превратились в общее место, а за различными конфликтами все чаще угадывается религиозный фактор.

Россия — государство многонациональное и мультиконфессиональное, так что любой разлом по линии религии чреват серьезнейшими внутренними проблемами. На уровне официальных заявлений руководители Российского государства, а также различных конфессий не устают напоминать об этом, предостерегая от любых проявлений, способных задеть чувства верующих.

Характерна в данной связи российская реакция на «карикатурный» скандал, сотрясавший Европу зимой 2006 года. В России не только осудили публикацию карикатур, отвергнув европейскую аргументацию о незыблемости свободы слова, но и подвергли преследованию отечественные СМИ, которые неосмотрительно перепечатали спорные рисунки. Между двумя крупнейшими отечественными конфессиями — православием и исламом — в принципе существует единство взглядов на то, как светская власть должна относиться к чувствам верующих и вообще к религиозной проблематике.

На фоне столь осторожной позиции власти особенно бросается в глаза, что образ врага, стремительно формирующийся в россий-

А.В. Малащенко — д. и. н., профессор, член научного совета Московского центра Карнеги. Данная статья основана на материалах, собранных в процессе работы над книгой «Ислам в России: общество и государство».

ском обществе, явно окрашен в религиозные тона. «Исламская угроза» постепенно превращается в главное «пугало», в восприятии которого переплетаются многочисленные бытовые стереотипы и возникающая государственная идеология противостояния всему тому, что кажется «чуждым».

СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ

Отношение к исламу в российском обществе было и остается двойственным. В России он традиционно ассоциируется в первую очередь с мусульманским Востоком, который хотя и представляет собой нечто экзотическое и загадочное, но является соседом, а значит, «своим». Это чувство усиливается благодаря сложному восприятию соседа западного — Европы. Ощущение того, что Европа «не принимает» Россию, порождает, отчасти в знак протеста, тягу в противоположную сторону.

На уровне же массового подсознания россияне воспринимали и воспринимают ислам как нечто чужеродное. Отвечая на вопрос «Какая религия кажется вам наиболее чуждой?», большинство (26 %) указало на ислам. Подобному отношению немало способствовала официальная советская идеология, делившая ислам на «зарубежный» (активный, политизированный, чаще всего антикоммунистический, но иногда использовавшийся в качестве лозунга в национально-освободительном движении) и собственный, «советский», распространенный среди «отсталых стариков» и «слабых женщин». Конечно, некоторые функционеры в партийном аппарате и особенно в КГБ отдавали себе отчет в том, что ислам оказался в СССР более чем живуч и во многих местах сохранил свои функции как регулятор социальных отношений. Однако в целом «наш ислам» не был тождествен «их исламу», а религиозная идентичность советских мусульман считалась маргинальной и обреченной на исчезновение.

В конце XX века (под влиянием распада СССР, углубления внутренних конфликтов в России и обострения противоречий между мусульманским миром, с одной стороны, и Европой и Америкой — с другой) российский ислам стал все более отождествляться с мусульманским миром, как таковым, со всеми его минусами и плюсами. Особенно это касается Северного Кавказа — части как России, так и мирового мусульманского пространства. Ближе к миру ислама становится Татарстан с его тысячей мечетей, Исламским университетом и стремлением перейти с кириллицы на латиницу.

Вместе с тем деление ислама на «свой» и «чужой» сохранилось. Правда, теперь новая официальная идеология именует «чужим» фундаменталистский (ваххабитский и проч.) ислам, который противостоит «нашему» — традиционному, погруженному в дела веры и отвергающему политическую ангажированность.

Большинство россиян не проявляют особого интереса к отношениям с миром ислама. Только 1,8 % считают, что в долгосрочной перспективе Россия должна ориентироваться на укрепление связей в первую очередь с мусульманскими странами. (40,2 % предпочли страны СНГ, 26,2 % — Западную Европу, 7% — Китай). Они уверены, что мусульманские государства в целом не представляют угрозу их стране. Враждебными их считают только 2,9 % опрошенных в возрастной категории 17–26 лет (по результатам опроса, проведенного в конце 1990-х Центром стратегических и политических исследований).

Когда же речь заходит об отношении к российским мусульманам, картина резко меняется, даже несмотря на то, что наши мигранты-мусульмане — это в основном или бывшие граждане СССР, или нынешние граждане России. Они владеют русским языком, сравнительно легко адаптируются к российскому быту. У старшего поколения мигрантов общий с остальными россиянами менталитет.

У людей выработалось несколько стереотипов мусульманина. Это агрессивные, безжалостные, презирающие русского обывателя фигуры: либо бородач с автоматом, либо террорист в маске, либо жуликоватый делец. Правда, это и приехавший на заработки и нещадно эксплуатируемый «убогий мусульманин» в тубетейке. Он не вызывает неприязни, но к нему нет ни чувства сострадания, ни уважения. (Интересно, что ни один из негативных стереотипов не ассоциируется с татарами, которые в большинстве своем, особенно в городах, по образу жизни и менталитету близки к славянам или вообще неотличимы от них.)

В чем же причины столь негативного восприятия мусульман в России?

НЕПОНЯТОЕ И НЕПОНЯТНОЕ

Отношение к исламу и мусульманам вписывается в общий контекст ксенофобии, которая в первой половине 1990-х считалась рудиментом посттоталитарного менталитета, а спустя 10 лет превратилась в его системообразующую часть. Если в 1989 году признаки ксенофобии проявлялись у 20 % населения, то в 2001-м — уже у 50 %. В 2006

году лозунг «Россия для русских» поддержали, по данным социологического опроса, 35,4 % российских граждан. Как заметил известный социолог и философ Лев Гудков, по уровню неприязни к инородцам Россия превзошла даже самую ксенофобскую страну Европы — Австрию.

Если раньше в ксенофобских настроениях доминировал антисемитизм, то сегодня они пестрее, а их главным объектом становятся выходцы с юга страны, из которых 70 % — мусульмане. По данным мониторинга Аналитического центра Юрия Левады, к чеченцам негативно относятся 52,3 %, к азербайджанцам — 29,2 %, а вот к евреям — «всего» 11 % участников интернет-форумов

(среди молодежи до 19 лет эти цифры соответственно 64,1 %, 48,9 %, 19,5 %). Как видим, кавказофобия «захватывает иногда до двух третей населения и более».

Евреи боролись с антисемитизмом, преимущественно покидая СССР и Россию или же встраиваясь в русскую культуру и утверждаясь в рядах образованной и обеспеченной элиты общества. Мусульмане не уезжают и не растворяются, даже если они «научились забывать» о религиозных запретах. Они оберегают свою конфессиональную идентичность.

«Внутренняя» ксенофобия неотделима от «внешней». Но, к примеру, антиамериканизм принципиально отличается от исламофобии. Американцев не боятся, их бытовым стереотипам пытаются подражать, им завидуют. Это — своего рода национальный комплекс неполноценности, которую бывшая сверхдержава испытывает по отношению к стране, сумевшей сохранить великодержавный статус.

Мюрид с наибским знаменем
Офорт Л.Е. Дмитриева-Кавказского
по рисунку Ф.Ф. Горшельта. 1874 г.

В отношении мусульманского мира такого комплекса нет. Есть удивление и раздражение по поводу того, что некогда младшие, нуждавшиеся в помощи братья — арабы, афганцы, индонезийцы, наконец, жители советской Средней Азии — «вдруг» подросли, перестали спрашивать совета у старших и ведут себя вызывающе самостоятельно. Это влечет за собой растерянность и боязнь.

Конечно, можно попытаться «развести» собственно исламофобию и мусульmanoфобию, то есть неприятие ислама как религии и неприязнь к мусульманам. Однако это вряд ли возможно, ибо означало бы отделение традиции от ее носителей. Попытки же мусульманских духовных лидеров представить ислам исключительно как «религию мира» (наиболее расхожее выражение в разного рода межконфессиональных диалогах) воспринимаются со скепсисом. Во-первых, имамы и муфтии редко бывают достаточно красноречивы, чтобы убедить людей в своей правоте. Во-вторых, по мере подавления свободы суждений звучащие из телевизора слова перестают вызывать доверие точно так же, как в недавние времена не воспринималась советская пропаганда. В-третьих, деяния исламских радикалов опровергают в глазах людей тезис о миролюбии ислама.

Людям «неуютно» оттого, что рядом что-то необычное, непонятное. Контраргумент о том, что в СССР мирно уживались самые разные народы, в данном случае не работает. Ведь при советской власти конфессиональная идентичность игнорировалась на официальном уровне и постепенно истаивала в общественном сознании.

Страх — вот главная причина исламофобии. Он привел к зарождению представления об *исламской*, а не *исламистской* угрозе, которая действительно существует. (Различие между этими двумя понятиями стало осознаваться совсем недавно усилиями ряда политиков, экспертов и журналистов.) На самом деле даже раздражение в отношении мигрантов-мусульман лишь в незначительной степени связано с неприятием их религии. Просто речь идет о способе восприятия реальности испуганным обывателем.

А реальность — это и рост национализма среди мусульманских народов, и вспыхивавшие с конца 1980-х этнополитические конфликты, участники которых апеллировали к исламу. Но самое главное — эксплуатировавший исламские лозунги терроризм с его кровавыми акциями в России, Европе и США. Восприятие исламского мира отягощено воинственной риторикой мусульманских политиков, а также международными проявлениями религиозного фана-

тизма, которые привлекли всеобщее внимание. Такими, например, как уничтожение талибами древнейших статуй Будды в 2001 году, убийство в Голландии режиссера Тео ван Гога в 2004-м, погромы в предместьях Парижа и пр. Именно этими объективными факторами прежде всего определялся подъем с начала 1990-х антиисламских настроений в России.

подавляющая часть россиян судят об исламе по тем, кто находится на виду, то есть по наиболее дерзким представителям мусульманского мира — как правило, радикалам. Образ мусульманства, таким образом, формируется у нас под воздействием акций религиозных экстремистов, конфликтов с участием мусульман, радикальных заявлений мусульманских политиков и духовных лиц. В то, что международный терроризм объявил нашей стране войну, верят 48 % участников опроса, проведенного российским ВЦИОМом в октябре 2005 года. (В январе того же года такого мнения придерживались 35 % респондентов.) На вопрос Левада-центра «Считаете ли вы ислам агрессивной религией?» «определенно да» ответили 23,1 % опрошенных, «скорее да» — 26,6 %.

На вопрос в 2004 году «Как бы вы отнеслись к тому, чтобы были введены административные ограничения на распространение ислама в России?» ответы распределились следующим образом: «целиком положительно» — 19,2 %, «скорее положительно» — 25,5 %, «скорее отрицательно» — 26,7 % и «резко отрицательно» — 11,1 %.

Важнейший фактор негативного восприятия мусульман в России — конфликт на Северном Кавказе, тем более что на самом деле Россия воюет с мусульманами на протяжении вот уже четверти века. Афганский моджахед и кавказский боевик стали символами врага. 25 % респондентов, участвовавших в опросе, проведенном ВЦИОМом в 2004-м, сочли мусульман непримиримыми противниками православия. Отвечая в 2005 году на вопрос «Какого влияния следует сейчас больше всего опасаться России?», 27,3 % опрошенных заявили, что исламского, 17,6 % — национально-шовинистического, 17,0 % — западного, 8,5 % — израильского, сионистского и 9,3 % — китайского.

Вместе с тем в глазах общественного мнения ислам далеко не всегда представляется идейной основой для совершения терактов. По данным социологической службы *Validata*, в 2003-м только 7–8 % участников опроса считали, что основной побудительный мотив, заставляющий чеченцев становиться шахидами-смертни-

ками — джихад, зато 69—71 % полагали, что это — реакция на применение насилия федеральными войсками в Чечне. Иными словами, в Чечне акты террористов-самоубийц обусловлены, по мнению респондентов, не влиянием ислама, а невозможностью восстановить справедливость. В ответ же на вопрос Левада-центра «Кто, на ваш взгляд, произвел в 2000 году взрыв в московском подземном переходе?» только 4,7 % респондентов указали на воинствующих исламских террористов.

Наконец, ислам ассоциируется с наплывом в Россию мигрантов, которые зачастую ведут себя неадекватно, демонстрируя неуважение к местным традициям и обычаям, что составляет прочную основу настроенного и откровенно негативного отношения к исламу. Проведенный ВЦИОМом в марте 2002-го опрос показал, что к выходцам с Северного Кавказа «в основном отрицательные» и «резко отрицательные» чувства испытывают соответственно 43,3 % и 30,1 % респондентов, к приезжим из Центральной Азии — 38,7 % и 25 %, к арабам — 30,3 % и 20,2 %, а вот к белорусам, молдаванам и украинцам — 12,6 % и 4,0 % опрошенных. По результатам других опросов негативное отношение к иноэтничным мигрантам характерно для 73 % сотрудников МВД.

Правда, с формальной точки зрения в вопросе отношения к мигрантам Россия оказывается в одном ряду с европейскими странами. Так, недовольство в связи с проживанием мусульман в их стране выражают, например, 75 % шведов, 61 % немцев, 48 % испанцев, 44 % итальянцев, 39 % британцев.

Мигрантофобия в России будет расти и впредь, хотя бы в силу роста числа самих переселенцев. «Нам нужно от 700 тыс. до 1 миллиона мигрантов в год, — отмечает этнолог Владимир Мукомель. — Понятно, что они будут, скорее всего, представителями тех этнических групп, которые не являются традиционными для России».

Рост исламофобии необходимо остановить. В этом заинтересованы все, в том числе и мусульмане, которым тоже следует быть осторожнее и избегать высказываний, например, о неизбежности исламизации России либо о необходимости замены ее герба.

СОЗДАВАЯ ОБРАЗ ВРАГА

Огромное влияние на создание образа мусульманина оказали также средства массовой информации и массовая культура. В конце прошлого — начале нынешнего столетия российские СМИ способство-

вали религиозному возрождению, пробуждали интерес к религии. Они формировали «новых верующих», поддерживали соблюдение ими обрядов и укрепляли складывавшуюся религиозную идентичность. Государство *поощряло* подъем православия и *допускало* исламское возрождение.

Одновременно, с 1990-х годов, в СМИ начинает «вырисовываться» негативный образ ислама.

В прессе и на телеэкране реальные трудности в отношениях с мусульманским миром стали быстро трансформироваться в «исламскую страшилку». Исламский фактор гиперболизировался, война в Чечне в середине 1990-х часто определялась как «конфликт цивилизаций». Искажались основные понятия ислама (в особенности джихад), а идеология экстремизма — сознательно или в силу неведения — экстраполировалась на всю мусульманскую традицию. Большинство связанных с исламом и мусульманами публикаций привязывались к войнам, терактам, конфликтам. Достаточно вспомнить такие заголовки журнальных либо газетных статей, как «Исламские волки убивают русских солдат», «Деньги для диктатуры шариата», «Зеленая чума», «Хиджаб замедленного действия», «Шахидкам с бомбами везде у нас дорога», «Чеченские шлюхи взрывают Москву».

Негативный взгляд на ислам культивируется и публикацией тенденциозных высказываний исламских политиков и духовных лиц, рассуждающих о неминуемой исламизации России и создании в перспективе исламского государства, выступающих против браков мусульман с иноверцами и т. д.

Можно привести, наверное, тысячи цитат из СМИ, создающих искаженные представления об исламе, отождествляющих ислам с идеологией и практикой экстремизма. По горькому замечанию журналистки Надежды Кеворковой, «нашим экспертам все ясно: приезд — грязь, террорист — исламский, таджики — наркокурьеры, интернационал — мусульманский, война — цивилизаций».

Свой «вклад» в исламофобию и особенно в кавказофобию вносит российское телевидение. В таких передачах, как «Дежурная часть», «Криминальная Россия», «Человек и закон», «Криминал», «Чрезвычайное происшествие», одно из главных действующих лиц — человек с нерусской внешностью чаще всего мусульманин.

На телевидении крайне редки программы и передачи, дающие не связанную с политическим контекстом или вопросом «борьбы цивилизаций» информацию об обыкновенном исламе. Кроме того,

можно часто столкнуться с элементарным невежеством в отношении истории и специфики мусульманской религии. В СМИ по-прежнему встречаются и «мусульманская церковь», что тождественно «христианской мечети», и «исламский бог любви» (?!), и употребление термина «шафииты» (один из толков суннитского ислама) вместо «шииты». Исламская тематика проникла и в кроссворды, где она представлена такими вопросами, как, например, «бестселлер мусульман» (видимо, Коран) или «религия, которую считают наиболее воинственной» (наверняка ислам).

Необходимость в объективной и правдивой, а не только в негативной либо сусальной информации возрастает. Роман Силантьев, автор нашумевшей «Новейшей истории исламского сообщества России», отмечает, что «приличных книг об исламе в современных библиотеках и книжных магазинах довольно мало, малотиражная исламская пресса продается только в киосках при мечетях, поэтому ответы на свои вопросы обычный православный человек, скорее всего, станет искать в Интернете на самых популярных мусульманских сайтах. И что же на них увидит? А увидит он множество антихристианских статей, электронные библиотеки, забытые сочинениями Полосина, южноафриканского опровергателя христианства Ахмада Дидата, апокрифическим евангелием от Варнавы и переводными брошюрами для неопитов-ваххабитов...»

Казалось бы, в этих условиях СМИ, и в первую очередь телевидение, должны были бы взять на себя основную роль по созданию сбалансированного видения мусульманства в обществе. Однако ислам остается для них почти *terra incognita*. Между тем такого рода вакуум всегда имеет тенденцию заполняться некомпетентными, примитивно-апологетическими или, напротив, провокационными, исламофобскими материалами, что, к сожалению, не раз происходило в нашей стране в трудные времена.

Крупные теракты, осуществленные в России, не вызвали стремление «смикшировать» рост негативного восприятия ислама. «Для сравнения, — пишет философ и искусствовед Даниил Дондурей, — после теракта в Лондоне отношение населения к исламу было одним из важнейших сюжетов британских СМИ. Было показано огромное количество документальных сюжетов... свидетельствовавших о том, что традиционный ислам сам по себе не является источником опасности». После терактов в Великобритании, Испании, Франции местные лидеры неоднократно предупреждали людей о

недопустимости антиисламских выступлений. Президент США Джордж Буш, неосторожно определивший борьбу против терроризма как «крестовый поход», много раз пытался исправить свою ошибку, позитивно отзываясь об исламе и призывая не отождествлять террористов с мусульманами.

Ничего или почти ничего подобного не происходило в России. Ключевые фигуры в российском истеблишменте избегали публичных выступлений, а на экране мелькали второстепенные политики, которые скорее провоцировали аудиторию. В итоге общественное сознание оказалось дезориентированным — в частности, возникла неопределенность относительно трактовки роли ислама в произошедших трагических событиях.

Таким образом, неформальный государственный заказ по созданию образа врага успешно выполняется. Даже тогда, когда с наступлением 2000-го началась реставрация архетипа американского империалиста, делались намеки на его связи с исламским экстремистом.

Н О В Ы Е Х А Д Ж И - М У Р А Т Ы

Кое-что об исламе и мусульманах мы узнаём из книг. А в них на смену жестоким, но все-таки благородным абрекам Пушкина, Лермонтова, Толстого пришли головорезы и садисты. Кавказский мусульманин оказался в заурядном детективе, где превратился даже не в варвара, а в уголовника.

Писатели XIX века кавказцев не идеализировали, но и не превращали в зверей, сопровождающих свои жестокости ссылками на ислам. Старые книги пробуждали интерес к исламу, к его приверженцам. «У классиков и их современников не было ощущения стены между двумя, по видимости, непримиримыми мирами».

Нынешнее общественное сознание, напротив, все более проникается ощущением этой стены. И массовая литература, особенно детективная, наглядно в этом убеждает. «У нас не так, как у вас», — произносит чеченец Рашид из книги Льва Пучкова «Операция “Моджахед”». — Мы — другие». Среди авторов немало выходцев из спецслужб, юристов и журналистов, так что конкретные факты чередуются с литературным вымыслом. На стыке и возникает детективный дискурс ислама.

В детективной литературе появились целые серии — «Антитеррор», «Спецназ», «Офицеры», в которых в качестве антигероев выступают кавказцы, а слова «джихад», «Коран», «неверный», «гяур»,

«Аллах» (чаще всего упоминаемый всуе и не к месту) маркируют их конфессиональную принадлежность. Приверженность исламу — обязательная характеристика, если хотите, «грим» отрицательных персонажей.

Такие книги «поглощают» люди с пассивным сознанием, по большей части уставшие от работы и напряженной жизни. Для них это — чтиво, не требующее ни нравственных, ни умственных усилий: его просто принимают на веру. Поэтому образ мусульманского кавказского врага успешнее формируется в менее образованной и интеллектуализированной, зато наиболее многочисленной среде.

В некоторых книгах, написанных в жанре научно-политической фантастики, сюжет развивается на фоне тотальной экспансии ислама. Внушая страх перед исламом, такие произведения льют воду на мельницу исламофобии, разрывают и без того непрочную ткань межконфессионального согласия.

«Классическим» выразителем подобного рода исламофобии можно назвать Елену Чудинову с ее романом «Мечеть Парижской Богоматери», который по степени неприязни к исламу сравним разве что со скандально известным бестселлером «Ярость и гордость», вышедшим из-под пера публицистки Орианны Фаллачи (итальянская писательница, проживавшая в Америке, которая неоднократно отзывалась об исламе как о «религии, сеющей ненависть вместо любви и проповедующей рабство вместо свободы»; в 2005 году ее обвинили в клевете на ислам и возбудили против нее дело в итальянском суде. — Ред.).

Последовательный единомышленник Чудиновой — писатель Михаил Веллер, который недвусмысленно заявляет, будто окончательная цель мусульман — разрушить христианский мир. Впечатляет веллеровский вариант борьбы против терроризма, предложенный им в книге «Великий последний шанс»: «Все террористы — арабы-мусульмане. Следовательно, если уничтожить всех арабов-мусульман, терроризма не будет. Технические возможности позволяют сегодня белой цивилизации начать и выиграть войну на тотальное уничтожение с применением всех средств».

Есть, правда, ряд книг, которые не могут быть занесены в категорию исламофобских, хотя в них ислам выглядит не менее угрожающим. Их герой — мусульманин, но отнюдь не кровожадный ваххабит, а горец, следующий скорее не исламским, а своим этническим традициям. Он может быть индифферентным к исламу

и зачастую ненавидеть пришедших на Кавказ арабов. Читателю внушается, что источник «исламского негатива» не мусульмане — уроженцы Кавказа, а выходцы с Ближнего Востока, афганские талибы и т. п. Эти «чужаки» представлены как нелюди, издевающиеся над самими кавказцами, оскверняющие их традиции. Чего, например, стоят сцены убийства муфтия и группового изнасилования арабами чеченки Эльзы, которую таким способом «вербуют» в шахидки в уже упоминавшемся романе Пучкова «Операция “Моджахед”».

Конечно, названные выше книги — однодневки, их сюжеты и герои быстро забываются. Но они успевают наложить отпечаток на представления читателя об исламе и мусульманах. А ведь поток подобной литературы нарастает, закрепляя в обывательской картине мира зловещий образ мусульман.

Тиражируемая политиками и средствами массовой информации, отраженная в искусстве, «исламская угроза» прочно встроилась в сознание российского общества. В ближайшем будущем вряд ли удастся изменить восприятие нашими гражданами ислама, тем более что далеко не все зависит от хода событий в самой России.

Но всё же основания для надежды есть. В 2003 году фонд «Общественное мнение» пытался выяснить отношение россиян к возможному браку их детей с представителями мусульманской религии. Оказалось, что 50 % респондентов не имели бы ничего против брака своего сына с мусульманкой. На вопрос «Возражали ли бы вы против брака вашей дочери с мусульманином?» положительно ответили 44 %, а отрицательно — немногим меньше: 39 % опрошенных. Эти ответы, подтверждающие, что сближение с приверженцами «чуждой» религии не исключено, возможно, позволяют смотреть вперед с оптимизмом.

Уникальный доступ к информации

Компания East View Information Services, Inc., надежный поставщик информации, предлагает электронные полнотекстовые базы данных периодики России и стран Ближнего зарубежья:

Центральная пресса России

- Около 60 наиболее авторитетных столичных газет и журналов
- Освещают события в сфере политики, экономики, науки, культуры и общественной жизни России
- Представляют широкий диапазон мнений
- Ориентированы на государственные и коммерческие структуры, ученых, специалистов, экспертов
- Глубина архива - с 1996 года
- Тексты изданий приводятся без сокращений
- Ряд изданий появляются на сайте накануне выхода из печати

Гуманитарные науки и литературно-художественные журналы

- Более 30 изданий Российской академии наук
- «Толстые» литературные журналы
- Независимые научные журналы
- Глубина архива - с 1997 года
- Для удобства цитирования сохранена пагинация печатных оригиналов
- Предназначена для ученых, политических консультантов, информационно-аналитических центров

Периодика стран СНГ и Балтии

- Авторитетные газеты, журналы и информационные ленты новостных агентств государств бывшего СССР
- Освещают внутренние и международные события
- Достоверный источник обширной и оперативной информации из Ближнего зарубежья
- Глубина архива – с 1997 года

Издавания Украины

- Единственное в мире электронное собрание газет, журналов и библиографических изданий Украины
- Политическая, экономическая и культурная жизнь страны, ее движение по пути реформ
- Взгляды и позиции различных политических сил, изменения в законодательстве
- Тенденции военного строительства, Украина и НАТО, роль Украины как военной державы
- Академические исследования, проблемы экономики, межнациональных отношений
- Глубина архива – с 2001 года

Смотрите полный список изданий по адресу: <http://www.online.eastview.com/titles>
По Вашему запросу предоставим бесплатный тестовый доступ
По вопросам подписки обращайтесь:

в России:
тел: (095) 777-6557, 318-0937,
факс: (095) 318-0881
E-mail: sales@mosinfo.ru

в США:
тел.: (763) 550-0962,
факс: (763) 559-2931
E-mail: sales@eastview.com

Взгляд со стороны

Русские назвали эту историю о том, как иностранцам избраться в качестве президентов.

Сатирический журнал «Агитация», 1906 г.

“ Самая трудная задача для любого стороннего наблюдателя, пишущего о России, — сохранять объективность и непредвзятость. Если мы хотим наполнить смыслом наши взаимоотношения в XXI веке, нельзя, как выразился президент РФ Владимир Путин, оценивать друг друга «сквозь призму прошлых предрассудков». Это не значит закрывать глаза на минувшее, поскольку обращение к истории жизненно необходимо, чтобы правильно понять день сегодняшний. Но следует старательно избегать риска стать узниками прошлого ”

Проблемы становления или сдвиг парадигмы?
Кодзи Ватанабэ, Родерик Лайн, Струоб Тэлботт

130

Между партнерством и разладом
Роберт Легволд

141

Проблемы становления или сдвиг парадигмы?

Кодзи Ватанабэ, Родерик Лайн, Струуб Тэлботт

Весной 2005 года Трехсторонняя комиссия попросила нас, соавторов этой статьи, написать отчет о России и об ее взаимоотношениях с трехсторонней зоной (США – Европа – Азия). Последний такой отчет был представлен в 1995-м, с тех пор же многое изменилось. Трехсторонняя комиссия, созданная в 1973 году, насчитывает около 400 членов из Северной Америки, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона (прежде всего из Японии и Южной Кореи), среди которых ведущие политики, бизнесмены и люди, формирующие общественное мнение. Наш доклад был обсужден на ежегодной конференции в Токио в апреле 2006-го и опубликован в июне под названием «Поиск общего языка с Россией: следующая стадия» (см. www.trilateral.org/library/stacks/Engaging_With_Russia.pdf).

Авторы, которые представляют соответственно Японию, Великобританию и Соединенные Штаты, побывали в России в различные эпохи, работали в разное время в правительствах своих стран, а теперь пользуются всеми преимуществами независимости от госу-

Сэр **Родерик Лайн** был послом Великобритании в Российской Федерации в период с 2000 по 2004 год. В настоящее время является директором компании, консультантом по вопросам бизнеса и лектором. **Струуб Тэлботт** работал в Государственном департаменте США с 1993 по 2001 год – сначала в качестве посла по особым поручениям и особого советника государственного секретаря по новым независимым государствам бывшего Советского Союза, а затем на протяжении семи лет занимал должность заместителя госсекретаря. С 2002 года – президент Института Брукинга в Вашингтоне. **Кодзи Ватанабэ** был послом Японии в РФ с 1993 по 1996 год. В настоящее время является президентом Японского форума и старшим научным сотрудником Японского центра международных обменов.

дарственной службы. При написании доклада мы столкнулись с рядом трудностей. Удастся ли объединить усилия, чтобы выработать по такому сложному вопросу *единую* позицию, которая не определялась бы исключительно национальными или региональными интересами? После всесторонних консультаций и совместного визита в Москву мы достаточно легко согласовали все детали доклада.

Еще более трудная задача для любого стороннего наблюдателя, пишущего о России, — сохранять объективность и непредвзятость. Если мы хотим наполнить смыслом наши взаимоотношения в XXI веке, нельзя, как выразился президент РФ Владимир Путин, оценивать друг друга «сквозь призму прошлых предрассудков». Это не значит закрывать глаза на минувшее, поскольку обращение к истории жизненно необходимо, чтобы правильно понять день сегодняшний. Но следует старательно избегать риска стать узниками прошлого. Трое авторов отдавали себе отчет в том, что человека, пишущего о России, захватывают сильные эмоции, вследствие чего голос разума в оценках слишком часто подавляется полемическим запалом, а необходимая сдержанность уступает место предубеждениям, подозрительности, нетерпимости к критике и инакомыслию. Мы поставили перед собой цель внести свой вклад в общественную дискуссию, «не сглаживая острых углов, а оценивая проблемы в контексте, беспристрастно и уравновешенно ища конструктивные пути движения вперед». Удалось нам это или нет, судить читателю. Для краткости мы позволим себе употреблять термин «Запад», обозначая политико-экономическую общность стран, некоторые из которых, такие, как Япония и Южная Корея, расположены далеко на восток от Гринвичского меридиана.

НЕОЖИДАННЫЙ ПАРАДОКС

В последние два года в отношениях России со странами трехсторонней зоны, объединяющей промышленно развитые демократии Европы, Северной Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона, выявился очевидный парадокс. В начале 1990-х самым страшным из кошмаров, являвшихся западным правительствам, была угроза распада России, который погрузил бы в хаос огромную и важную часть земного шара. Положение усугублялось отсутствием надлежащего контроля над огромным арсеналом оружия массового уничтожения. Западные страны в двустороннем и многостороннем формате изо всех сил стремились стабилизировать ситуацию в России и СНГ, помогая перейти

к демократии и рыночной экономике. Сильная, хорошо управляемая и процветающая Россия по вполне очевидным причинам отвечала интересам Запада, который вздохнул с облегчением, когда в начале нового столетия из средоточия международных проблем страна превратилась в инструмент их решения — в одно из тех государств, которые совместно ищут ответы на мировые и региональные вопросы.

Теперь Россия (по крайней мере, судя по ряду важных показателей) снова обрела силу. Ее экономика быстро развивается, а предприятия играют все более существенную роль на мировом уровне. Россия председательствует в «Большой восьмерке» — самом престижном геополитическом клубе — и активно действует на международной арене, опять поверив в собственный успех. Преодолев глубины кризиса 1990-х, она вновь устремляется ввысь. Парадокс же заключается в том, что возрождение России из пепла не привело к углублению партнерства, на которое рассчитывал Запад. Вместо этого наши отношения образца 2005–2006 годов (если судить по политической риторике) деградировали до самой низкой отметки со времени распада Советского Союза, и, по мнению многих комментаторов, планка будет опускаться и впредь.

Американский политолог Леон Арон предполагает, что отчуждение между Вашингтоном и Москвой станет нарастать вплоть до 2009-го (см. статью «США и Россия: отношения сквозь призму идеологий» в журнале «Россия в глобальной политике» за май — июнь 2006 г.). В том же номере российский исследователь Фёдор Шелов-Коведяев выразил озабоченность тем, что «общество все глубже вязнет в паранойе якобы неизбежного существования в “кольце врагов”, упорно коснеет в фобиях, вместо того чтобы их вылечить и утвердить свой авторитет».

Он порекомендовал соотечественникам «истребить из массового сознания исторические химеры. Перестать зомбировать себя будто бы извечной агрессивностью Запада» (см. его статью «Россия как локомотив мирового развития»). В журнале *Foreign Affairs* Дмитрий Тренин в тот же период предсказывал «серьезную напряженность и даже конфликт между Россией и Западом». Хотя он уверен, что «возвращения к холодной войне не будет» (*Russia Leaves the West* — «Россия покидает орбиту Запада». *Foreign Affairs*, т. 85, № 4, июль — август 2006 г.). За последние два года ведущие российские политики не раз обвиняли Запад в нелюбви к вновь обретающей силу России, в стремлении всячески ее ослабить.

Тренин утверждает, что «условия взаимодействия между Западом и Россией... принципиально изменились»: прежний принцип партнерства утрачен, и пора искать новые точки соприкосновения. Шелов-Коведяев настаивает на противоположном мнении, полагая, что России следует избавиться от комплекса неполноценности и воспользоваться укреплением своих позиций как плацдармом для углубления сотрудничества с Европейским союзом и Соединенными Штатами, особенно если учитывать вызов со стороны набирающего мощь Китая.

Имеем ли мы дело с фундаментальным сдвигом или всего лишь с нисходящей кривой в длительном циклическом переходном процессе? Какие факторы определяют наши будущие отношения? Что отвечает интересам России и Запада? Ответы на эти вопросы мы искали, готовя доклад для Трехсторонней комиссии.

ПОНИМАНИЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Оглядываясь на прошлое, мы отчетливо осознаём, что на протяжении последних пятнадцати лет главная ошибка творцов западной политики в отношении России (ее совершают и многие российские реформаторы) заключалась в недооценке глубины и сложности переходного периода. Отсутствует представление о том, сколько понадобится времени, прежде чем сложится некая устоявшаяся модель. Ведь прецедентов либо аналогов столь масштабного перехода, по крайней мере в мирное время, не существует.

Как мы отмечали в докладе, Российская Федерация, страна с самой большой территорией в мире, пребывает в муках не одного, а трех переходных процессов, идущих одновременно.

Во-первых, это низведение второй по значимости сверхдержавы или империи, оказывавшей влияние — прямо либо косвенно — на 350 миллионов человек, до положения региональной державы среднего уровня. Численность ее населения ненамного превышает 140 миллионов и постоянно сокращается.

Во-вторых, приход на смену рухнувшей изоляционистской командной системе рыночной экономики, интегрирующейся в мировое хозяйство.

В-третьих, замена коммунистической диктатуры, идеологии и контроля над обществом новой политической структурой, еще не получившей определенных очертаний.

Эйфория, связанная с окончанием холодной войны и крушением социализма, породила на Западе чрезмерный оптимизм. Какое-

то время сохранялась уверенность в том, что при наличии доброй воли, поддержки и активной помощи со стороны Россия быстро построит рыночную экономику и займет достойное место среди развитых демократий. И это явилось бы вполне заслуженной наградой для страны с таким большим культурным, интеллектуальным, научным и промышленным потенциалом. Особое беспокойство вызывало то, что семьдесят лет командной экономики не прошли даром и в России не найдется достаточного количества деловых людей, способных раскрутить маховик капиталистической экономики. Но и здесь западные аналитики просчитались. Навыки, необходимые для выживания и процветания при социализме или, скорее, вопреки ему, породили множество талантливых предпринимателей. Но главной трудностью оказалось отсутствие либо слабость тех институтов и законов, что были призваны обеспечить бизнесу справедливые условия равной конкуренции.

Приспособление к рыночной экономике, сколь ни трудна порой была эта задача, протекало куда быстрее, нежели развитие работоспособной модели демократического управления. Один из министров точно выразил существо этой проблемы, сказав, что Россия все еще находится «в режиме поиска». В других странах на развитие демократии уходили десятилетия, а иногда и столетия. Этот процесс по определению должен происходить «снизу вверх», а не «сверху вниз», что противоречит традициям российской «вертикали власти».

Кроме того, имеется тенденция недооценивать последствия травмы, вызванной распадом Советского Союза. Немалое число жителей бывшего СССР с воодушевлением восприняли гибель коммунистического монстра, который подавлял их свободу и инициативу, а также резко снижал уровень жизни. Но для русских людей стало настоящим шоком обнаружить в один прекрасный день, что население страны сократилось на две пятых, а такие неотъемлемые ее части, как Украина и Белоруссия, превратились в суверенные государства. К подобным последствиям они были практически не готовы. Представьте себе, как чувствовали бы себя жители Вашингтона, если бы они ни с того ни с сего оказались перед фактом, что южные штаты, включая Флориду, Техас и Калифорнию, вышли из состава США.

Процесс распада Британской и Французской империй после Второй мировой войны протекал постепенно, на протяжении четверти века. Доводы в пользу деколонизации становились все более

очевидными избирателям соответствующих стран (хотя и не все с ними соглашались). Ни одна из колоний не имела общих границ с метрополиями (за исключением Ирландии, которая еще раньше отделилась от Великобритании). Ближайшие колонии Франции отделяло от нее Средиземное море. Тем не менее процесс становления новых отношений между бывшими колониальными державами и новыми независимыми государствами потребовал доброй половины столетия. Отказ Великобритании вступить в Европейское экономическое сообщество в 1957-м был отчасти продиктован ее неостывшими имперскими амбициями. Долго и болезненно прощались с мощью и славой практически все бывшие империи.

Что касается развода между прежними советскими республиками, то он был куда более тягостным по вполне очевидным причинам: внезапность, разделение семей и этнических общностей (многие русские оказались за пределами России), трудность расщепления единой экономики и оборонной системы. Чтобы просто уладить все спорные вопросы, возникшие после распада Советского Союза, требовалось немало лет, и этот процесс до сих пор не завершен (взять, к примеру, так называемые «замороженные конфликты»). Судя по опыту других стран, *психологическая* перестройка занимает еще больше времени. Прошлое уже не вернуть, и с этим трудно примириться: очень непросто избавиться от старых привычек, подозрений и предрассудков. Эмоции подчас сильнее разума, и это следует понять внешним наблюдателям.

Когда анализируешь 15-летний переходный период (а этому были посвящены наши усилия при подготовке доклада), некоторые вещи проясняются и перестают вызывать удивление.

Наш первый вывод заключается в следующем: речь идет о неравномерном процессе. Периоды быстрых перемен и поступательного движения в 1991–1993 и 2000–2003 годах сменялись откатами от завоеванных позиций. Над этим размышляет и сам президент Путин, который, по словам его собеседников, заявил на встрече с членами клуба «Валдай» 9 сентября 2006-го, что укрепление многопартийной системы, установление реального самоуправления и искоренение коррупции – проблемы, которые придется решать его преемнику.

Второй ключевой вывод состоит в том, что во власть пока не пришло по-настоящему постсоветское поколение политических лидеров, принимающих ответственные решения. Как и в других странах, ведущие позиции в России занимают люди в возрасте от 45 до 65

лет, которые созрели и состоялись как личности еще на закате СССР. Они не имели тогда полного доступа к информации и широкому спектру возможностей, включая зарубежные поездки. Все это стало нормой уже для следующего поколения политиков. Деловой мир отчасти составляет исключение: не случайно многим из наиболее успешных капитанов новой российской индустрии не больше сорока.

Вот почему полтора десятилетия переходного периода — недостаточный срок для того, чтобы делать конкретные и до конца выверенные выводы о долгосрочной внутренней политике России и о ее месте в современном мире. Впереди еще множество важных решений, от которых будут зависеть отношения Москвы с Западом и другими зарубежными державами.

ЧТО БУДЕТ ОПРЕДЕЛЯТЬ БУДУЩИЕ ОТНОШЕНИЯ?

В чем причина ухудшения двусторонних отношений, о чем говорят упомянутые выше и многие другие комментаторы?

Сотрудничество продолжается в целом ряде областей, где есть взаимный интерес. Несмотря на некоторые *тактические* разногласия — в частности, в подходах к ситуациям вокруг Ирана и ХАМАС, — не они спровоцировали фундаментальный разрыв. Но встреча «Большой восьмерки» на высшем уровне в Санкт-Петербурге не только не укрепила партнерство (как это предполагалось в Кананаскисе, где в 2002 году принималось решение о председательстве России), но и стала «холодным душем» во взаимоотношениях России и семерки развитых стран. Эта встреча запомнится не столько своими скудными итогами, сколько необычайно жесткими выпадами, которыми обменивались хозяин мероприятия и гости. За последний год с небольшим атмосфера накалилась из-за резкой полемики и критики.

Есть две общие причины взаимного отчуждения. Ключ к **первой** следует искать в коммюнике «Большой восьмерки» в Кананаскисе, где говорилось, что решение о председательстве «отражает значительные экономические и демократические преобразования, которые произошли в России за последние годы». Существовало неформальное понимание того, что процесс реформ и слияния Востока и Запада, который шел полным ходом в 2002-м, продолжится и к 2006 году создаст совершенно иные условия. Точно так же надеждам Европей-

ского союза на «стратегическое партнерство, основанное на общих интересах и ценностях» (сформулированное в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией, хотя эта идея всплыла во многих других документах), не суждено было сбыться, что привело ко всеобщему разочарованию. То, что казалось движением к общим ценностям демократии, включая верховенство закона, защиту гражданских и политических прав, внезапно дало сбой, и в результате в последние три года наблюдается углубление расхождений.

Вторая причина состоит в том, что хотя по многим важным вопросам — борьба с терроризмом и распространением ядерного оружия, торговля и инвестиции — интересы сторон по-прежнему совпадают и считаются приоритетами, обозначился и определенный *конфликт интересов*. В первую очередь это касается так называемого «постсоветского пространства», особенно таких стран, как Украина, Белоруссия, Молдавия, Грузия и Узбекистан. Никто не хочет новых разделительных линий в Европе; однако пространство между Евросоюзом и Россией превратилось в такую линию, стало центром разногласий, подобно тому, как несколько южнокурильских островов, которые японцы именуют своими северными территориями, являются камнем преткновения в российско-японских отношениях.

В настоящий момент на Западе не знают, в каком направлении движется Москва и как она намерена использовать вновь обретенную силу, особенно в энергетическом секторе. Запад стал относиться к России более настороженно и подозрительно. Углубление партнерства отложено в сторону до тех пор, пока не проявятся новые российские приоритеты. Конечно, вопрос о выборе кардинального пути все чаще задается и в самой России.

В статье «Российская экономика сегодня и завтра», напечатанной в журнале «Экономическая политика» № 1 за 2006 год, Аркадий Дворкович рассматривает следующее трехлетие как «критический период для ответа на вызовы, стоящие сейчас перед российской экономикой». В качестве насущных задач он упоминает законодательное оформление частной собственности, снижение инфляции и уровня бедности и создание конкурентной среды для экономического роста. Дворкович считает, что необходимо стимулировать инвестиции, усовершенствовать правоприменительную практику и противодействовать нежелательному вмешательству государственных органов в деятельность частных компаний. Автор отмечает, что «общая атмосфера коррупции серьезно ухудшает инвестиционный

климат в стране и общественные отношения в целом». Дворкович также определяет фундаментальные долговременные вызовы: демография, недостаточный уровень образования, а также необходимость развития качественной производственной инфраструктуры.

Анализ Дворковича, отражающий точку зрения президентской администрации, совпадает с нашим. Не в первый раз в своей истории Россия оказывается перед выбором между модернизацией и откатом в прошлое. Шесть лет стабильности и экономического роста (которому способствуют высокие цены на энергоносители, а также бурное развитие внутреннего потребления) подняли Российскую Федерацию на небывало высокий уровень процветания. Вопрос в том, что выберет для себя Россия: оставаться на этом уровне до окончания экономического бума, чтобы затем снова скатиться вниз, либо использовать достижения в качестве трамплина, чтобы затем штурмовать новые высоты? Экономический бум снимает острую необходимость в реформах и заслоняет собой вызовы, на которые придется ответить, если Россия действительно хочет модернизоваться и полностью раскрыть свой потенциал. Это, согласно Дворковичу, возобновление структурных реформ и шаги в направлении диверсифицированной, конкурентоспособной экономики, а также решение застарелых социальных проблем и развитие более разнообразных, эффективных и независимых учреждений с четким разделением полномочий. Мы бы еще добавили к этому необходимость модернизации Вооруженных сил и органов безопасности для более эффективного и оперативного противодействия быстро сменяющимся одна другую угрозам.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Как явствует из вышеприведенного анализа, слишком рано говорить о «коренном» или принципиальном переломе с точки зрения «долговременного» сдвига во взаимодействии между Россией и Западом, о котором, по всей видимости, идет речь у Дмитрия Тренина. Мы более склонны считать ухудшение отношений, которое имело место в последние три года, эпизодом в длительном процессе преобразований, окончательный исход которых предсказать невозможно. Неудивительно, что после унижения, испытанного в 1990-е годы, россияне вкушают плоды вновь обретенной силы и независимости (это свойственно всем народам) и не склонны «прогибаться» перед Западом. Вполне естественно, что заявления о рождении

«энергетической сверхдержавы» (президент Путин публично отказался от этого определения) были несколько преувеличены. Однако преждевременно утверждать, будто Россия и ее партнеры из семерки развитых стран теперь обречены двигаться по разным и все более расходящимся орбитам. Прежде всего, это не отвечало бы взаимным интересам и чаяниям их народов. Поразительно, но факт: недавние опросы общественного мнения в России выявили благожелательное отношение россиян к Европейскому союзу и Соединенным Штатам, несмотря на ту негативную риторику, которую они слышат с экранов телевизоров.

Мы разделяем мнение Тренина, что «положительные перемены в России могут произойти только изнутри» и что «проводником этих перемен будут не демократические идеалы, а экономические реалии». Способность Запада влиять на события в России в лучшем случае незначительна, и это влияние может быть как положительным, так и отрицательным. Мы отстаиваем точку зрения, согласно которой Западу следует проявлять терпение и углублять свое понимание позиции России: каких результатов можно в действительности добиться, сколько времени на это уйдет. Мы считаем, что Западу необходимо твердо придерживаться своих принципиальных позиций и он не должен пренебрегать своими ценностями, но в то же время ему не стоит скатываться к мегафонной дипломатии в стиле холодной войны и к подходам, при которых выигрыш в одном приводит к фиаско в другом. Оскорбления и угрозы абсолютно непродуктивны: они лишь укрепляют позиции экстремистов в противоположном лагере, не способствуют политическому диалогу и подрывают позиции сторонников умеренности и осмысленного взаимодействия.

Западу нужно четко сформулировать свою долгосрочную политику, делая упор на том, что мы хотим видеть в лице России мощного, процветающего и успешного партнера столь же сильных и независимых соседей, что будет для нее только плюсом. Необходимо продемонстрировать, что мы против каких бы то ни было линий размежевания, закрытых дверей и изоляции. Последний пункт особенно значим. Принципиально важно подчеркнуть, что «с Россией нужно обращаться в соответствии с ее бесспорными заслугами и судить о ней по ее действиям, не руководствуясь отрицательными эмоциями, наследием прошлых эпох и не принимая желаемое будущее за действительность. Международные организации и системы отношений должны быть доступны для России на тех же основани-

ях, что и для других, ей следует придерживаться тех же правил, которым следуют другие».

Тем, кто прикладывает усилия к углублению партнерства между Россией и Западом, нынешняя политическая атмосфера кажется мрачной и разочаровывающей. Здравый смысл подсказывает, что приближение президентских выборов в России и США еще больше обострит обстановку. Поэтому необходимо помнить, что не все определяется политикой, а после окончания холодной войны разного рода личные и деловые контакты плохо сочетаются с идеологическими штампами и не должны зависеть от межгосударственных отношений.

В последние пять лет западные компании активно осваивали российский рынок, сегодня же мы являемся свидетелями начала беспрецедентной экспансии со стороны российских корпораций. Российский частный сектор рассчитывает на то, чтобы в любой момент быть в состоянии воспользоваться конкурентными преимуществами. Это существенный фактор положительных перемен и более тесной интеграции России в мировую экономическую систему. Западные страны только приветствуют вхождение российских компаний и инвесторов на свои внутренние рынки, поскольку готовы конкурировать на равных условиях и по тем же правилам (членство России в ВТО должно способствовать этому процессу). Российские бизнесмены хотят, чтобы их страна выступала в «высшей лиге», и знают, что она на это способна, если только возобладает курс на модернизацию.

Нельзя игнорировать такое наследие холодной войны, как подозрительность, которую легко вызывают самые непредсказуемые и иррациональные причины. Трехсторонняя комиссия объединяет страны, которые стремятся, хотя и не всегда успешно, похоронить еще более давнее наследие Второй мировой войны. Для этого нужно много времени плюс искусство политики. От ответственных лидеров требуется умение подавлять в себе искушение разыгрывать карту этого наследия, беречь старые раны. Паранойя — плохое подспорье в политике. Проходя сегодня «зону турбулентности» в отношениях, необходимо проявлять сдержанность, больше апеллировать к тому, что нас связывает и объединяет, сосредоточиться на долгосрочных целях и общих интересах. Авторам этой статьи представляется, что интересы России и ее партнеров по «Большой восьмерке» — не в отчуждении друг от друга, а в обновленном стремлении к более тесному взаимодействию там, где это только возможно.

Между партнерством и разладом

Роберт Легволд

Умолкли разговоры о стратегическом партнерстве. Кончилось время мечтаний о полноценном российско-американском альянсе, которым совсем недавно предавались политики, включая и бывшего посла США в России Александра Вершбоу. Рассеялась атмосфера товарищества, возникшая после 11 сентября 2001 года благодаря тому, что Россия незамедлительно поддержала Америку, а потом помогла ей одержать победу в Афганистане. Стих попутный ветер, вызванный мягкой реакцией Москвы на аннулирование Вашингтоном Договора по ПРО и размещение американских баз в Центральной Азии, инициативой энергетического партнерства, признанием нового Совета Россия – НАТО и энергичными переговорами по вопросам американо-российского сотрудничества в ходе майского саммита-2002 в Москве.

Сегодня вице-президент США Ричард Чейни утверждает, что Россия несправедливо и грубо ограничивает права своих граждан, притесняет религиозные движения, свободную прессу, политические партии и гражданские организации, а также использует нефть и газ как «инструмент запугивания и шантажа». Россия же узрела перед собой «волка», который «знает, кого кушать» и «никого не слушает». В обеих странах опять заговорили о «новой холодной войне».

ЧТО ПРОИЗОШЛО?

Задайте этот вопрос информированным россиянам, и в большинстве случаев они ответят иначе, чем американцы, хотя, конечно, и там

Роберт Легволд – профессор политологии в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Данная статья основана на докладе, подготовленном для парламентской конференции по американо-российским отношениям, которая состоялась в августе 2006 года в Кракове.

и тут встречаются разные мнения. Такой контраст символичен. Три-пять лет тому назад линия водораздела проходила бы не между народами, а между отдельными группами внутри них. То есть были бы американцы, разделяющие российскую точку зрения, и наоборот. Теперь же рубеж пролегает между взглядами, преобладающими в каждой из двух стран.

Американские лидеры, политики и политологи по большей части связывают наступившее охлаждение с последовательным отходом президента Владимира Путина от демократических норм, с его стремлением к централизации власти, включая контроль над важными секторами экономики, и готовностью беззастенчиво использовать власть для оказания давления на более слабых, но независимых соседей. К тому же отказ Москвы дать твердый отпор Ирану, попытка переговоров с ХАМАС и стремление подружиться с соседними авторитарными режимами воскрешает в памяти ее давнюю привычку ловить рыбу в мутной воде.

Правда, некоторые американцы полагают, что эволюция Москвы — предсказуемое и не выходящее за рамки допустимого явление, или считают, что всему виной чрезмерная напористость Вашингтона, который рад ослаблению России и агрессивно расширяет военное присутствие вдоль ее границ, требуя сотрудничества на своих условиях. Другие, наоборот, записали Россию в авторитарные государства, враждебные интересам США, и подозревают ее в маниакальном стремлении восстановить былое влияние на соседей. Но в основном люди придерживаются воззрений, лежащих где-то посередине.

В окружении Путина и далеко за его пределами проблема видится совершенно иначе. По мнению большинства россиян, их страна наконец вновь обрела уверенность в себе и не желает больше терпеть менторское отношение к себе со стороны Соединенных Штатов. Москва сама знает, какие формы правления обеспечат стране безопасность и прогресс, и намерена отстаивать свои интересы на международной арене так, как сочтет это нужным. Мол, Америка или, по крайней мере, ее элиты, привыкшие к тому, что слабость России лишает ее возможности выбора, и, вероятно, желающие раз и навсегда загнать ее в угол, не могут смириться с таким поворотом событий.

Конечно, в России, как и в США, звучат и другие мнения. Разочарованная часть демократов, не питающих симпатий ко многим аспектам американского курса, поддерживают уверенную

внешнюю политику Москвы, однако считают, что президент Путин и его команда довольно-таки неуклюже подошли к делу. Иные утверждают, что у России наконец открылись глаза на враждебность к ней Америки.

Зафиксировать факт ухудшения отношений не значит объяснить его. Противоположные мнения Москвы и Вашингтона едва ли помогут докопаться до корней проблемы, которые во многих отношениях являются скорее симптомом заболевания, чем его диагнозом.

Например, громкие заявления России о том, что американцы, дескать, недовольны ее усилением и вновь обретенной самостоятельностью, — это лишь слабая компенсация трех давних обид. Первая (и самая старая) связана с болезненным ощущением того, что в Америке не осознают ни вклад Советского Союза в окончание холодной войны, ни цену, которую России пришлось за это заплатить. Там уверены, что речь идет исключительно о заслуге Вашингтона и плоды победы должны достаться ему. Россияне получают своего рода моральное удовлетворение, напоминая Америке, что их страна теперь уже не столь растерянна и беззащитна.

Вторая обида (прямое следствие первой) заключается в том, что в последнее время отношение США к России варьировалось от благодушной снисходительности (поучения клинтоновской администрации, невыполнимые обещания, полное равнодушие к мнению

Москвы по таким вопросам, как расширение НАТО) до двусмысленного равнодушия (изначальная незаинтересованность администрации Буша в развитии связей между обеими странами, готовность действовать по собственному усмотрению по ряду затрагивающих Россию вопросов, а впоследствии склонность к тому, чтобы воспринимать содействие со стороны Москвы как нечто само собой разумеющееся). Наконец, надеются россияне, американцы на своей шкуре почувствуют, каково было им.

В-третьих, россиян, включая самого Путина, раздражает критика со стороны Соединенных Штатов. В России считают, что, высказывая несогласие с ее внешней и внутренней политикой, американцы преследуют свои собственные интересы – внутривнутриполитические (вильнюсская речь Ричарда Чейни), обусловленные конкурентной борьбой (реакция на напористую дипломатию «Газпрома») либо стремлением, например, ограничить влияние Москвы на постсоветском пространстве (подвергая сомнению ее роль в «замороженных» конфликтах в Молдавии и Грузии). Поэтому в России так широко распространено убеждение в том, что Америка живет по двойным стандартам. Мол, те антидемократические режимы, которые сотрудничают с Россией, Вашингтон осуждает, а на те, что поддерживают США, напротив, смотрит сквозь пальцы. Америка возмущается, когда Россия применяет силу для защиты своих интересов, но сама осуществляет силовые акции где и когда ей заблагорассудится.

Когда Вашингтон объясняет разлад отходом России от демократии и ее агрессивной политикой в отношении соседей, им точно так же движут более сложные мотивы. Многие американцы чувствуют себя разочарованными. Никто не ожидал, что Москва даст задний ход. Предполагалось, что Россия пусть медленно и мучительно, но все же будет продвигаться в сторону демократии, устояв перед соблазном авторитаризма. Поскольку Буш, как и Клинтон, верит в так называемую «теорию демократического мира» (по его мнению, продвижение демократии в мире ведет к укреплению безопасности в международном масштабе), потеря России наносит удар по американскому видению путей развития мирового сообщества. К тому же никто не предполагал, что после распада Советского Союза американо-российские отношения вскоре серьезно омрачатся соперничеством.

Но возможно и более глубокое объяснение, включающее в себя три аспекта. Во-первых, поведение обеих сторон отражает наличие губительной неопределенности. Что, в конце концов, породило

проблему: усиление России или ее слабость? Американцы, считающие, что ухудшение отношений — результат небрежения со стороны США, полагают, что Россия до сих пор опасно слаба. Так же думают и россияне, критикующие политику «бюрократических» авторитаризма и капитализма Путина. На другом конце спектра — точка зрения тех американцев, которые уже готовы записать Россию в соперницы либо показать ей, кто в доме хозяин, и которые утверждают, что она имеет или стремится иметь слишком много инструментов для упрочения своей агрессивной позиции. Русские, убежденные во враждебности Вашингтона, неустанно подчеркивают, что Россия в состоянии сама решать свои проблемы да и Америка едва ли может ей в чем-то помочь.

На самом же деле Россия одновременно и слаба, и сильна. Негативные демографические тенденции, коррупция, неровное экономическое развитие, отсутствие у руководства последовательной и долгосрочной стратегической концепции ослабляют ее. Высокие цены на нефть, богатые естественные ресурсы, монополия на основные энергетические и транспортные сети, большая, частично восстановленная армия, право вето в ООН, естественный союзник в лице Китая, который поддерживает Москву во многих ключевых вопросах внешней политики, работают на ее усиление. К сожалению, лидеры обеих стран концентрируют свое внимание то на одном, то на другом ракурсе общей картины, вместо того чтобы честно и внимательно проследить их взаимосвязь.

Во-вторых, нынешние неприятности вытекают из концептуальной недостаточности. Американские лидеры от Джорджа Буша-старшего до нынешнего президента хотели, чтобы Россия «избрала» западную модель: скопировала демократические институты Запада, переняла его экономический строй и включилась в общую внешнеполитическую деятельность. Российские президенты, как Ельцин, так и Путин, также стремились к тому, чтобы Россия воспринималась и воспринимала себя как часть Европы и, следовательно, Запада.

Беда в том, что ни россияне, ни американцы, ни европейцы никогда всерьез не занимались решением концептуальной задачи: как интегрировать Россию в западный мир, если ее невозможно интегрировать в институты, составляющие фундамент современной Европы (Евросоюз и НАТО)? Американские лидеры, особенно в клинтоновскую эру, полагали, что этот вопрос решится сам

собой по мере того, как Россия демократизируется, модернизуется и привыкнет ассоциировать себя с Западом. Когда обнаружилась ошибочность данного подхода, никто не озаботился устранением глубинных противоречий, лежащих в основе проблемы.

Вашингтон действовал скорее по инерции, пойдя на некоторые незначительные шаги в институциональной сфере, такие, как Основополагающий акт России и НАТО (1997), образование Совета Россия – НАТО и расширение «большой семерки». Россияне же предоставили США и Европе самим решать эту задачу, поскольку, с одной стороны, чувствовали, что их не очень ждут в западном мире, а с другой – не определились с ценой, которую они готовы заплатить за радушный прием. В условиях, когда такая стратегическая устойчивость отсутствует, а повседневные перипетии международной политики создают непростые ситуации, стороны прежде всего сконцентрировались на том, что их больше всего раздражало или настораживало друг в друге.

Третья и в конечном итоге главная причина непрочности американо-российских отношений состоит в том, что стороны недооценивают их обоюдную важность. Со времен крушения Советского Союза громкие заявления Москвы и Вашингтона о необходимости сотрудничества и несении некой общей ответственности так и не убедили ни парламентариев, ни прессу, ни общественность обеих стран. Не в последнюю очередь потому, что лидеры и сами до конца в это не верят и по мере нарастания негативных факторов все меньше стремятся поверить. Некоторые задачи, связанные с сотрудничеством, действительно важны: например, обеспечение безопасности российского ядерного оружия и материалов либо совместная борьба с катастрофическим, и в том числе ядерным, терроризмом. Однако ни эти цели, ни временная заинтересованность России в экономическом содействии Запада, ни проблемы на Ближнем Востоке и еще в более отдаленных регионах, которые, как полагают некоторые, якобы должны сблизить Москву и Вашингтон, не могут служить основой для более глубокого и стабильного партнерства. Отсюда вытекает следующий вопрос.

ЧТО НУЖНО БЫЛО СДЕЛАТЬ?

Перед первой встречей с Борисом Ельциным президент Билл Клинтон, выступая 1 апреля 1993 года с речью в Военно-морской академии, заявил: отношения с Россией «должны стать первоочередной

заботой США». «Мир не может допустить повторения югославской трагедии в масштабах страны, покрывающей 11 часовых поясов и до сих пор располагающей огромным ядерным арсеналом». Клинтон считал, что, бездействуя, Соединенные Штаты и Запад в целом рискуют упустить четыре исторические возможности. Во-первых, это шанс укрепить национальную безопасность и не дать России вернуться к авторитаризму или погрузиться в хаос. Во-вторых, превратить Россию из «внешнеполитического соперника» в «партнера по решению глобальных проблем». В-третьих, повысить экономическое благосостояние Запада за счет уменьшения расходов на оборону. И в-четвертых, инвестировать в «богатую по определению» страну, которая, будучи реформирована, впоследствии может внести большой вклад в развитие глобальной экономики. Это был впечатляющий список, однако он не стал руководством к действию ни для клинтоновской, ни для всех последующих администраций.

Программа нового Совета Россия – НАТО, сформированного в 2002-м, представляет разумную, более конкретную и реалистичную картину общих интересов Москвы и Вашингтона: борьба с терроризмом, контроль над оружием массового уничтожения и совместная работа по ограничению региональной нестабильности. К этому можно добавить еще две более крупные и фундаментальные задачи. Во-первых, взаимовыгодным образом интегрировать Россию в глобализированную экономику и ее основные институты. А во-вторых, привлечь ее вместе с остальными крупными ядерными державами к созданию международного режима. Он должен был бы препятствовать взаимному наращиванию вооружений, дестабилизирующей гонке вооружения в космосе, стремлению уничтожить противоядерный барьер с позиции либо слабости (в случае с Россией), либо силы (в случае с США), а также включать новые – негласные или официальные – правила поведения в мире многостороннего ядерного соперничества. Но при всей значимости этих задач разговоры о них остаются пустым звуком.

Если бы Россия и Америка (Запад) с самого начала задались целью выявить один всеобъемлющий общий интерес – дело, сопоставимое по масштабности с поддержанием послевоенного альянса Соединенных Штатов и Западной Европы, – то они поняли бы, что речь должна идти об обеспечении взаимной безопасности в Евразии и за ее пределами. На всем этом пространстве, включающем важнейшие стратегические регионы (Европа, Восточная

Азия и беспокойный мусульманский Юг), нет двух стран, более заинтересованных как в прогрессивных и стабильных реформах, так и во взаимной и национальной безопасности. Ни одна страна, включая Китай и Индию, не оказывает большего влияния на судьбы Евразии, чем Америка и Россия.

Ставки поистине огромны. Необходимо предотвратить возникновение новых «горячих точек» и распространение насилия из существующих конфликтных зон в беспокойные соседние регионы, особенно южные. Не допустить, чтобы эхо афганских и иракских событий достигло постсоветского пространства, и исключить радикализацию проживающих там 65 миллионов мусульман. Гарантировать, что огромный топливный потенциал бывшего СССР станет источником прогресса, а не напряженности и что таланты, ресурсы и технологии региона, способного в грядущие 25 лет занять второе место в мире по темпам развития, послужат благосостоянию населения земного шара.

Кроме того, следует контролировать, но не нарушать хода безопасной и конструктивной интеграции государств, расположенных на рубежах Евразии, в более широкую мировую систему. Речь идет о Китае и новых «промежуточных государствах» (*lands in between*) — Украине, Белоруссии и Молдавии. Если бы заинтересованность России и США в «стабильности и взаимной безопасности в Евразии и за ее пределами» справедливо считалась приоритетом, веской причиной для поддержания российско-американского партнерства и даже длительного альянса, то большинство факторов охлаждения отношений между Москвой и Вашингтоном не возникли бы либо они воспринимались бы так же спокойно, как и трения, существующие внутри НАТО с момента ее основания. При этом все вышеперечисленные задачи решались бы совместно, а не на преимущественно состязательной основе, как это происходит сегодня.

Воздушные замки? Возможно. Но все же идею партнерства не стоит считать нереальной. Когда Вашингтон уверовал в концепцию «однополярного мира» и в свою способность противостоять глобальным угрозам по собственному усмотрению, а при необходимости и в одиночку, России отводилась роль полезного, но необязательного союзника. Однако с тех пор ситуация изменилась.

Россию нельзя сбрасывать со счетов. Сегодня это один из крупнейших поставщиков нефти и газа, для многих (включая Европу и в перспективе Китай) даже более важный, нежели Ближний Восток.

Ее роль как международного игрока уже не назовешь маргинальной (вспомним, насколько важно ее участие, особенно в тандеме с Китаем, в разрешении кризисов вокруг иранской и северокорейской ядерных программ). Хорошо это или плохо, но Россия, как никто другой, способна воздействовать как на политику Киева и Минска, так и на безопасность в Центральной Азии. Было бы ошибкой игнорировать и потенциальное влияние Москвы на Пекин. Для Вашингтона пришло время пересмотреть место России в американской внешней политике.

С другой стороны, тот же самый комплекс причин может натолкнуть Москву на мысль, что она не нуждается в пересмотре своего отношения к Америке. Но российское руководство не должно забывать об оборотной стороне медали. Как показал опыт американо-китайских отношений, более глубокая интеграция России в мировую экономику сопряжена для нее со все возрастающей необходимостью иметь дело с США. Чем скорее сократятся запасы российской нефти (приблизительно к 2010 году), чем больше упадет цена на «черное золото» или, как мы уже видим сегодня, осложнится его экспорт, тем скорее Москве потребуются помощь и сотрудничество Запада. Чем менее эффективна окажется силовая модель в решении государственных проблем и высвобождении потенциала страны, тем сложнее будет лидерам отказывать людям в их гражданских правах. В тот день, когда хрупкий статус-кво, который установился на постсоветском пространстве и на который так рассчитывает Кремль, начнет рушиться по причине того, что зашатаются промосковские реакционные режимы, Россия по-настоящему осознает, как важно для нее иметь в числе союзников Соединенные Штаты.

Итак, Россия и Америка недооценили обоюдную значимость партнерства, но не потому, что альянс был недостижимой мечтой, а потому, что они пошли по неверному пути.

РАЗРЫВ ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО?

Каковы варианты дальнейшего развития событий? Новая холодная война маловероятна, поскольку между обеими странами отсутствует элемент враждебности. Американо-российские расхождения лишены глубокой идеологической подоплеки, они не чреватые шагами, связанными с далеко идущими агрессивными планами одной или обеих сторон. (Представьте себе американо-российскую версию нынешних отношений Иран — США.) Вряд ли следует опасаться, по крайней

мере в ближайшие 5–10 лет, и раунда «великодержавного соперничества» наподобие того, что развернулось между Россией и Британией в XIX веке. Оно возможно только в том случае, если возобновится стратегическая конкуренция ведущих мировых государств, которая, в свою очередь, может быть вызвана фундаментальным распадом американо-китайских отношений, в результате чего России и Японии придется выбирать между двумя полюсами. Это, однако, не исключает возможность обострения уже имеющей место региональной конкуренции двух государств на постсоветском пространстве.

Вероятнее всего, в ближайшие годы взаимоотношения России и Америки станут развиваться по схеме «статус-кво плюс» либо «статус-кво минус». В первом случае они будут балансировать на тонкой линии между сотрудничеством и разладом, но время от времени их станут стимулировать новые проекты, такие, как недавняя «Глобальная инициатива по борьбе с ядерным терроризмом» или слияние американского «Глобального энергетического партнерства» и российской инициативы по созданию международных центров по обращению с ядерными материалами. Возможно, сконцентрировавшись на положительных моментах, Москва и Вашингтон смогли бы даже расширить сотрудничество в сфере внешней политики. Умелая дипломатия поспособствует тому, что обещание США подготовить Украину к членству в НАТО не нанесет особого вреда американо-российским отношениям, особенно учитывая, что вступление состоится еще нескоро из-за внутренних проблем, с которыми столкнулся Киев.

Второй сценарий таков: если Москва устанет от соседства с реакционным белорусским режимом, она может из чисто эгоистических побуждений лишить Лукашенко поддержки, благодаря которой он столь демонстративно игнорирует мнение США и Европы. Если каждое из двух государств не будет стараться перетянуть Казахстан на свою сторону, то при сокращающемся присутствии Соединенных Штатов в регионе Центральная Азия вряд ли осложнит их отношения. К тому же в этом регионе пересекаются антитеррористические интересы Вашингтона, Москвы и Пекина, и это может способствовать развитию хотя бы одной из сфер сотрудничества. Что касается насущного китайского вопроса, то, хотя внешнеполитические курсы Китая и России по-прежнему будут во многом близки, полноценный антиамериканский альянс, невозможный сегодня (потому что, даже если бы Москва стремилась к нему, чего она не делает, последнее слово принадлежит Китаю), останется невозможен и в

дальнейшем, если Америка воздержится от непродуманных шагов в отношении Пекина.

Все большее значение придается другой крепнувшей державе – Индии. Но очевидные попытки Москвы и Вашингтона снискать расположение Дели вряд ли заметно отразятся на взаимоотношениях России и США.

Наконец, нарастающие споры и трения по поводу внутренней политики Москвы не нанесут серьезного вреда диалогу, если Америка будет по-прежнему относиться к ним как к побочной проблеме, отдавая приоритет основным интересам, связанным с Россией (как это происходило на июльской встрече «восьмерки»), а Путин сохранит способность со свойственным ему своеобразным чувством юмора отменять настойчивые упреки Вашингтона. Это не означает, что есть вероятность заключения сделки, к которой, по словам его российских критиков, стремится Путин: «Умерьте критику в адрес российской внутренней политики, включая “обеспечение порядка” в Чечне (Путин утверждает, что война кончилась), и откажитесь от агрессивных попыток расширить свое влияние на постсоветском пространстве. Тогда вы сможете рассчитывать на Россию как на энергетического партнера и сторонника в большинстве внешнеполитических вопросов». Ни команда Буша, ни любая другая американская администрация не согласилась бы *de jure* или *de facto* на такой расклад, да и Путин не смог бы выполнить свою часть уговора.

Однако некоторые считают, что как у путинского правительства, так и у большей части российской политической элиты совсем другие планы: за последние два года Москва отказалась от идеи даже частичной интеграции в западный мир и, по словам Дмитрия Тренина, решила создать свою собственную «солнечную систему» с Россией в роли светила. Сплотив вокруг себя ряд государств, в основном постсоветских, со схожими потребностями, предпочтениями и слабыми местами, Москва надеется обеспечить себе надежный тыл, который позволит ей сотрудничать с Европой, Китаем, Японией и не в последнюю очередь с Америкой на своих условиях и только тогда, когда она сочтет нужным. Есть и другое мнение, причем его разделяет и председатель думского Комитета по международным отношениям Константин Косачев. Он и его сторонники считают, что Россия есть и должна оставаться евроатлантическим государством, но в последнее время этому постоянно препятствует контрпродуктивная политика США и Запада в целом.

Учитывая, какими темпами разлаживались отношения в течение последних двух лет (по итогам июльского саммита Путин сказал лишь, что обе страны остаются «надежными и взаимно заинтересованными партнерами»), есть опасность, что тенденция продолжится. И основную роль в этом могут сыграть три основных расхождения во взглядах Вашингтона и Москвы на внешнюю политику:

- как сказал [руководитель Центра международной безопасности Российской академии наук] Алексей Арбатов, американцы считают, что хуже войны с Ираном может быть только Иран с ядерной бомбой, а россияне понимают наоборот;

- Соединенные Штаты предпочли бы видеть Украину в составе НАТО и ЕС, а Россию это не устраивает;

- американцы оставляют за собой право на применение силы в любой серьезной ситуации; в Москве же считают, что за исключением случаев явной самообороны для этого необходима санкция Совета Безопасности ООН.

Эти противоречия – не единственные, но они очень серьезные. Если любое из них в критический момент окажется на пути сотрудничества, а США или Россия не проявят необходимую гибкость, вероятнее всего, наступит новый этап охлаждения. Отношениям будет причинен еще более значительный ущерб, если Россия воспользуется признанием Западом независимости Косово для того, чтобы в свою очередь признать Приднестровье, Абхазию либо Южную Осетию, или если трения между Москвой и Тбилиси выйдут из-под контроля, или же если следующий непредвиденный международный кризис не сблизит, а еще больше разобьет Москву и Вашингтон. А также, безусловно, и в том случае, если, несмотря на умелые попытки сохранить хорошую мину при плохой игре, команда Путина пойдет слишком далеко в стремлении обеспечить нужный результат на парламентских (2007) и президентских (2008) выборах и/или Буш захочет либо будет вынужден от «философствования» за коньяком перейти к более серьезным шагам.

Различия между двумя сценариями весьма существенны, и потому обеим странам важно решить, на что именно следует делать ставку. Но в политическом смысле интересы Москвы и Вашингтона сводятся к максимизации минимальных возможностей и минимизации потерь. Сегодня нет оснований драматизировать ситуацию и бояться разрыва отношений, но, к сожалению, использовать исторический шанс обеим странам пока не удалось.

Безопасность без границ

Рис. Бориса Ефимова.
«Огонек», 1948 г.

“ НАТО меняется, но, возможно, этих изменений недостаточно. Если главная цель альянса отныне не территориальная оборона, а объединение стран с общими ценностями и интересами во имя решения глобальных проблем, ему нет необходимости оставаться строго трансатлантическим ”

«Ядерный апартеид» и ядерное разоружение	Харальд Мюллер
	154
Глобальная НАТО	Айво Даалдер, Джеймс Голдгайер
	161
Как НАТО не стала глобальной	Алексей Пилько
	173
Закат «бездомных грандов»?	Владимир Фейгин
	178
Самоопределение: между правом и политикой	Александр Аксенёнок
	185

«Ядерный апартеид» и ядерное разоружение

Харальд Мюллер

Из всех видов оружия массового уничтожения (ОМУ) ядерное является самым мощным и эффективным. Во-первых, оно и убивает, и разрушает. От него невозможно защититься, в то время как от химического и биологического — можно, поскольку и то и другое не производят разрушений, а только уничтожают, причем лишь при «благоприятных» метеоусловиях окружающей среды.

Во-вторых, ядерное оружие (ЯО) в состоянии оказать особо серьезное влияние на расстановку сил и мировой порядок. Применение неядерных видов ОМУ, конечно, тоже чревато тяжелейшими последствиями для всего мира. Однако в сфере международных отношений, в частности при ведении силовых игр, их не сравнить по эффективности с ядерным оружием, будь то хранящимся в арсеналах либо приведенным в действие.

МОЩЬ И БЕССИЛИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Ядерное оружие не может обеспечить государствам контроль над исходом военной операции. Оно способно помочь одержать победу в войне против неядерной страны, но вряд ли станет подспорьем для нормализации обстановки после военного конфликта. Применение ЯО вызовет в государстве-мишени и за его пределами такие негативные последствия, которые, скорее всего, перевесят возможные преимущества от его использования.

Харальд Мюллер — профессор, исполнительный директор и руководитель исследовательской группы по контролю над вооружениями и разоружением Института исследований мира во Франкфурте. В основе данного материала — выступление на первом заседании Совета по глобальной политике, проведенного фондом Бертельсманна в июне 2006 года.

Само по себе обладание ядерными вооружениями не гарантирует государству ни высокого международного статуса, ни престижа. Так, влияние Северной Кореи не возросло, и страна лишь превратилась из головной боли, которую можно не замечать, в проблему, требующую решения. Ядерное оружие не помогло Израиллю стать мировой державой. Оно не сделало Пакистан равноценным Индии; мало того, отставание Исламабада стало более ощутимым после того, как каждая из двух стран продемонстрировала миру свои возможности, проведя серию ядерных испытаний в 1998 году.

Ядерное оружие едва ли поможет одному государству осуществлять ядерный шантаж в отношении другого, неядерного. Такая политика, скорее всего, спровоцирует другие ядерные державы на то, чтобы предложить пострадавшей стороне средства компенсирующего длительного сдерживания и исключить новые попытки шантажа.

Фактическое применение ядерных вооружений в обычной войне с целью взять реванш (что содержалось в версии новой ядерной доктрины, которая однажды появилась на сайте Пентагона, но вскоре была с него удалена) маловероятно. Нарушение ядерного табу, по всей вероятности, вызовет бурю негодования, а также такие меры, как санкции и формирование альянсов, служащих в качестве противовеса. Все это нанесет урон государственной безопасности нарушителя.

Трудно представить себе, например, чем могло бы обернуться для Соединенных Штатов и для их позиции в НАТО решение применить ядерное оружие в ходе военной кампании против Ирака. Непопулярность американского правительства во многих странах Европы, возможно, переросла бы в открытую враждебность. Если бы другие страны первыми применили ядерное оружие, на них, по видимому, обрушились бы столь же тяжелейшие последствия. А в случае, если такой удар нанесет незападная страна, она спровоцирует особенно жесткий ответ Запада.

Таким образом, ядерное оружие не гарантирует его обладателям ни процветания, ни уважения, ни легкой победы. Вместе с тем сам факт наличия у той или иной страны ядерного оружия играет столь же значительную роль, какую само оно — на поле боя.

Во-первых, ядерные вооружения выступают как фактор сдерживания тогда, когда необходимо противостоять шантажу и угрозе применения ядерного оружия. Именно эта побудительная причина лежала до сих пор в основе распространения ЯО (Советский Союз

vs США; Китай vs США и Советский Союз; Индия vs Китай; Пакистан vs Индия; Северная Корея vs США; Иран vs США и, возможно, Израиль). В процессе дальнейшего распространения (а я склонен считать, что его не остановить) данная мотивация будет служить мощным стимулом для того, чтобы правительства стремились к членству в расширяющемся клубе ядерных держав, даже если прежде им в течение двух-трех лет придется находиться под огнем мирового сообщества.

Во-вторых, ядерные вооружения являются фактором сдерживания и средством выживания для стран, осознающих собственную неконкурентоспособность в области обычных вооружений. Эти соображения заставили позаботиться об обладании ЯО, к примеру, Израиль. Они же вынудили стать ядерными державами Пакистан и Северную Корею, которые стремились создать противовес средствам, имеющимся в арсенале недружественных им держав.

В век революции в военном деле призрак все углубляющейся пропасти между военными потенциалами, с одной стороны, наиболее могущественных держав, а с другой — середняков заставляет последних делать ставку на ядерные вооружения. Это — наиболее действенное средство удерживать более сильные государства от военных интервенций, имеющих целью свержение режима в той или иной стране. Воспринимаемая как стратегическая необходимость, эта причина обуславливает стремление КНДР и Ирана во что бы то ни стало получить ядерное оружие. США открыто обсуждают возможность ядерных интервенций. Президент Франции дает понять, что «запасы стратегических ресурсов» — часть тех «жизненно важных интересов» его страны, которые находятся под защитой французского «ядерного зонтика». В такой ситуации можно с большой долей уверенности предположить, что стратеги в пяти — семи государствах уже размышляют над тем, что это может означать для безопасности и выживания их стран.

Ядерные вооружения могут служить и таким зловещим целям, как прикрытие агрессивных намерений добиться регионального преимущества, которое подорвет защитную роль внешней державы, обеспечивающей безопасность неядерных государств данного региона.

Наконец, **в-третьих**, ядерное оружие не в состоянии создать бедной стране либо «государству-парию» имидж богатого и благородного, но оно и не позволит их статусу понизиться уж слишком мно-

го после того, как равные им по мощи страны станут обладать ядерным оружием.

Вот почему действия Дели, какими понятными и оправданными они ни были бы с индийской точки зрения, могут оказаться роковыми для режима нераспространения. Другие страны поневоле задумываются над тем, не стоит ли последовать примеру Индии, особенно учитывая признание и оценки, которые та заслужила после 1998-го (правда, возможно, в большей степени благодаря экономическим показателям, нежели обладанию ядерными вооружениями). Повысить свой статус или престиж с помощью ядерного оружия могут захотеть Индонезия, Вьетнам, Малайзия, Бразилия, Аргентина, Венесуэла, Алжир, Египет, Нигерия, ЮАР и, как это ни удивительно, Иран.

ЖЕРТВЫ И СТОРОННИКИ ЯДЕРНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Нераспространение ядерного оружия — общественное благо. Всем нравится жить в условиях безопасности, когда потенциальные конкуренты и враги отказываются от ядерных вооружений и многие страны готовы последовать этому примеру. Однако те, кто пользуется правом бесплатного проезда, то есть государства — члены ядерного клуба, имеют дополнительные выгоды. Их источники их — неравноправное, олигополистическое (олигополия — форма конкурентной борьбы, в которую вступают только несколько производителей. — **Ред.**) распределение статуса и силы, связанных с обладанием ядерными вооружениями. Они не только сохраняют за собой свой кусок пирога, но и время от времени от него откусывают.

Ядерные державы не учитывают одну очевидную истину нашего атомного века: другие страны не пожелают просто так отказаться от обладания наиболее мощным оружием современности и тем самым согласиться на вечное превосходство нескольких счастливицков. Но именно этого и хотели добиться Соединенные Штаты и Советский Союз в проекте договора, который они представили в 1968 году Комитету 18 государств по разоружению (международная структура, работавшая в Женеве в 1962–1969 гг. — **Ред.**). Проект включал в себя всего три статьи: запрет на передачу ядерных вооружений; запрет на приобретение ядерного оружия теми странами, которые его не имеют; усиленный контроль, обеспечивающий выполнение неядерными странами своих обязательств.

Но государства, не обладавшие ядерным оружием, не пошли на поводу у Вашингтона и Москвы. Они настаивали на своем неотъемлемом праве беспрепятственно разрабатывать технологии использования атомной энергии в мирных целях (ст. IV Договора о нераспространении ядерного оружия, ДНЯО) и на принятии ядерными державами четких обязательств по разоружению (ст. VI). В свое время, полагали они, все государства мира должны будут снова оказаться в равных условиях в том, что касается смертоносных ядерных вооружений, то есть, иными словами, на нулевом уровне.

Однако в последние пять лет поведение ядерных держав никак не соответствовало этим ожиданиям. Они привержены политике «ядерного апартеида» (выражение представителей Индии, которая с самого начала сопротивлялась присоединению к ДНЯО) и не думают разоружаться, одновременно стремясь (в первую очередь это относится к Соединенным Штатам) ограничить право неядерных стран на мирное использование атома в соответствии со ст. IV ДНЯО.

Ядерные доктрины Соединенных Штатов, Франции и России выхолащивают и обесценивают те гарантии безопасности, которые когда-то были даны странам, не имевшим ядерного оружия. Страны, не присоединившиеся к ДНЯО, уже отреагировали на сложившуюся ситуацию и стали чинить препятствия прогрессу в расширении и углублении механизмов нераспространения, предусмотренных этим договором. ДНЯО как система общепринятых норм во многом утратил свое значение.

По данной причине, скорее всего, возобладает альтернативный способ достижения паритета сил: кто будет в состоянии приобрести ядерное оружие, тот непременно это делает. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), заключенный в 1996 году, довел число таких государств, имевших атомный исследовательский реактор до 44.

Неизбежное возрождение атомной энергетики придаст новый импульс данному процессу. Мотивация может быть разной: у одних нет выбора, поскольку их национальная безопасность находится под серьезной угрозой; другие слишком малы, чтобы беспокоиться о своем статусе и престиже. Есть, правда, и такие, кто может быть достаточно благоразумен для того, чтобы ставить перед собой иные приоритетные задачи.

Что произойдет при сохранении нынешнего положения, то есть если ядерные державы во главе с США продолжают свою неразумную

политику и не будут урегулированы кризисы на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива? Не исключено, что примерно в 2030 году – меньше чем через поколение! – сбудется кошмарный сценарий Джона Кеннеди, предсказавшего возникновение в мире 20–30 ядерных стран. Появление ядерного потенциала у КНДР может спровоцировать Японию на ответные действия. За ними, возможно, последует Тайвань. Прорыв Ирана на ядерном направлении вынудит Эр-Рияд сделать попытку закупить атомную бомбу, а Каир – изготовить ее. В свою очередь, это подтолкнет к серьезным шагам Сирию и даже члена НАТО Турцию. Тогда же вышеупомянутая группа стран, стремящаяся повысить свой статус и престиж, также перейдет к активным действиям.

Альтернативой остается ядерное разоружение. Сторонников этой возвышенной идеи обычно называют идеалистами. Но что уж тогда говорить о тех, кто наивно верит в непреходящий характер «ядерного апартеида»? В возможность удержать остальной мир от попыток ликвидировать свое отставание в ядерной сфере методом кнута и пряника? Невозможно всерьез относиться к подобного рода убеждениям.

МИР, СВОБОДНЫЙ ОТ ДНЯО?

Указанные тенденции сводят на нет всеобщую выгоду от Договора о нераспространении ядерного оружия. Постоянное появление новых государств с ядерным статусом будет множить количество стран, осуществляющих ответное ядерное сдерживание. Обострение ситуации, несанкционированное применение и неверное истолкование намерений увеличат вероятность ядерной войны.

Ограничивая прирост ядерных держав, а тем самым и запасы ядерных вооружений, связанных с ними материалов и число предприятий по обогащению ядерного топлива, ДНЯО автоматически сокращал количество источников, из которых террористы могли бы заполучить смертоносное оружие или пригодные для его изготовления материалы. Поскольку ДНЯО предусматривает международные процедуры контроля за мирной атомной энергетикой не обладающих ядерным оружием стран, последние были вынуждены принимать действенные меры по созданию надежной системы учета, а значит, и контроля за расходом материалов. В мире свободном от ДНЯО и со множеством ядерных держав террористы будут иметь больше возможностей для обладания ОМУ и осуществления своих дьявольских планов.

Можно надеяться, что осознание ужасных последствий ядерного противостояния заставит государственных лидеров во всем мире проявлять некоторую сдержанность и осторожность. Исключение составляют лидеры с апокалиптическим мировоззрением, рьяные фанатики и психически неуравновешенные государственные деятели, которые, к сожалению, время от времени достигают вершин политического олимпа. Но в любом случае нельзя ожидать, что сдерживание примет абсолютное выражение, как во времена холодной войны.

В некоторых регионах планеты может возобладать «парадокс стабильности – нестабильности». Существует мнение, что ограниченная война с применением обычных вооружений, в ходе которой жизненно важные цели противника не подвергаются нападению, не только возможна, но и является ныне более безопасным «предприятием», чем до изобретения и появления ядерного оружия, когда практически ничто не могло удержать противников от эскалации конфликта до крайней степени. Решение Пакистана атаковать территорию Индии в районе Каргила в 1999-м и страшная серия террористических актов против Индии в 2001 и 2002 годах, похоже, свидетельствуют о том, что данный парадокс — не изобретение политологов, а реальный подход, активно применяемый в современном мире.

Проблема в том, что нет никаких гарантий безошибочного определения агрессором черты, за которой лежат жизненно важные интересы противника. Кроме того, государства, подвергающиеся агрессии, могут решить, что агрессор преследует не ограниченные, а тотальные цели. Возрастает риск того, что любая конфронтация способна в конечном итоге привести к обмену ядерными ударами. Вот почему мир со множеством ядерных держав определенно опаснее того мира, в котором их немного или тем более нет вовсе.

Глобальная НАТО

Айво Даалдер, Джеймс Голдгайер

НОВЫЕ РУБЕЖИ

Превращение Североатлантического альянса в глобальную организацию прошло без особой помпы и практически осталось незамеченным. Созданный после Второй мировой войны для защиты Западной Европы от угрозы со стороны Советского Союза, сегодня он призван нести стабильность в другие регионы. При этом расширяются и география, и спектр его деятельности. В послужном списке НАТО за последние годы — миротворческая операция в Афганистане, подготовка иракских сил безопасности, материально-техническое обеспечение миссии Африканского союза в Дарфуре (провинция в Судане. — **Ред.**), помощь пострадавшим от цунами в Индонезии, жертвам урагана «Катрина» и землетрясения в Пакистане.

Расширение сферы деятельности НАТО — результат новой политической ситуации, сложившейся в мире после холодной войны. Сегодня террористы, взращенные в Эр-Рияде и обученные в Кандагаре, способны где-нибудь в Гамбурге планировать смертоносные атаки на Нью-Йорк. Происходящее в одном конкретном месте может оказать влияние на безопасность, благополучие, жизнь и здоровье людей в любой точке планеты. Альянс пришел к выводу, что лучший, а при определенных условиях и единственный способ защиты от угроз из отдаленных регионов мира — это обезвредить сам

Айво Даалдер — старший научный сотрудник Института Брукинга.

Джеймс Голдгайер — профессор политических наук Университета Джорджа Вашингтона и адъюнкт-старший научный сотрудник Совета по международным отношениям. Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 5 (сентябрь — октябрь) за 2006 год. © *Council on Foreign Relations Inc.*

источник. Подобная концепция активной обороны зачастую подразумевает комплексное применение силового ресурса: доставку гуманитарной помощи и эвакуацию пострадавших с помощью вертолетов, деятельность по управлению, сдерживанию и разведке в рамках миротворческих операций, профессиональную подготовку местных сил безопасности опытными офицерами. В качестве ведущей международной военной организации, объединяющей целый ряд преуспевающих стран, глубоко заинтересованных в глобальной стабильности, НАТО идеально приспособлена для того, чтобы справляться с такого рода задачами.

С учетом количественной нехватки живой силы США в Ираке и недостаточного участия Европы в операциях, проводимых на удаленных территориях, НАТО с трудом выполняет даже свои текущие обязательства. К тому же при том, что альянс постепенно осознаёт настоятельную потребность силового и гуманитарного вмешательства за пределами Европы, круг его потенциальных членов до сих пор ограничен требованием, чтобы участниками были североамериканские и европейские страны. Это проблема, которую предстоит обсудить на ноябрьском саммите НАТО в Риге. Ее лидеры рассмотрят предложение о переосмыслении роли организации с точки зрения углубления отношений с государствами, не входящими в трансатлантическое сообщество, начиная с таких партнеров альянса, как Австралия, Новая Зеландия и Япония. В основе предстоящих усилий лежит инициатива США и Великобритании по установлению «глобального партнерства» между НАТО и неевропейскими странами в целях расширения диалога с другими крупнейшими демократиями мира. Но это лишь первый шаг. Следующей инициативой должно стать открытие доступа в НАТО всем демократическим странам, готовым и способным помочь организации в выполнении ее новых обязательств. Только глобальный союз государств будет в состоянии справиться с насущными глобальными проблемами.

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

В качестве центральной внешнеполитической задачи на протяжении всего XX века Соединенные Штаты преследовали цель не допустить чьей-либо гегемонии в Европе. Ради этого Америка участвовала в двух мировых войнах на европейском континенте и продолжала стоять на страже в период холодной войны. Трансатлантический альянс, созданный в 1949 году, когда коммунизм представлял реальную угрозу

безопасности и стабильности в Европе, сыграл ключевую роль в решении этой задачи. Подписание Североатлантического договора имело двоякую цель. С одной стороны, оно являло собой конкретное обязательство, взятое на себя США, прийти на помощь Европе в случае советских посягательств, а с другой — это был способ убедить шаткие правительства континента противостоять распространению коммунистической идеологии внутри своих стран.

Европейская направленность этого договора подкреплялась статьей 10, согласно которой только европейские страны могут быть членами НАТО. Кроме того, статья 6 ограничивала географию деятельности альянса. Последняя распространялась на территории договаривающихся сторон в Европе либо Северной Америке, алжирские департаменты Франции, территории или острова, находящиеся под юрисдикцией какой-либо из договаривающихся сторон и расположенные в североатлантической зоне севернее тропика Рака, а также на вооруженные силы, суда и летательные аппараты договаривающихся сторон, находившиеся на этих территориях или над ними. В рамках Североатлантического договора было создано сообщество, носящее строго трансатлантический характер; обязательства коллективной обороны не распространялись на колонии и другие подконтрольные территории, расположенные за пределами Северной Атлантики. В период холодной войны число членов организации выросло с 12 до 16: в 1950-х к НАТО присоединились Греция, Турция и Западная Германия, а в 1982 году их примеру последовала Испания.

Спустя 40 лет после основания альянса «железный занавес» пал, и началось воссоединение Европы. НАТО сыграла существенную роль в ее консолидации: инкорпорировала воссоединенную Германию, способствовала завершению кровопролитной войны на Балканах и открыла двери бывшим противникам — странам-членам Организации Варшавского договора. В 1999-м году число членов блока увеличилось до 19 за счет Венгрии, Польши и Чехии, а пять лет спустя достигло 26 после вступления в организацию семи молодых демократий Центральной и Восточной Европы. По мере своего расширения НАТО способствовала сплочению исторически разобщенного континента, установлению на нем мира и демократии.

МИССИЯ ВЫПОЛНЕНА

С возникновением в 1990-х годах новой, единой и свободной Европы стратегическая цель европейской политики США была в основ-

ном достигнута. Поэтому большую часть десятилетия Америка посвятила решению вопроса о том, как правильно распорядиться своей мощью. В Вашингтоне анализировали, какую роль США могут сыграть в предотвращении этнических конфликтов и геноцида, обсуждали вариант использования военного потенциала преимущественно для гуманитарного вмешательства и стабилизации постконфликтных ситуаций. Теракты 11 сентября 2001 года разом положили конец дискуссии. Глобальный характер проблем, с которыми столкнулись Соединенные Штаты, со всей очевидностью предстал как перед лидерами страны, так и перед обществом в целом.

Эта новая реальность не только радикально повлияла на внешнюю политику Вашингтона, но и коренным образом изменила роль самого успешного в мировой истории альянса. Уже 12 сентября члены НАТО предприняли беспрецедентный шаг, обратившись к положениям договора, касающимся коллективной обороны. В соответствии с ними нападение на одну из стран альянса приравнено к нападению на всех его участников. Сначала администрация Буша отвергала любое непосредственное участие НАТО в военных операциях в Афганистане, но затем сочла его целесообразным, сталкиваясь с необходимостью решения проблем глобальной эры. Обязательность такого участия особенно усилилась после размещения войск в Ираке, когда Америке понадобилась помощь в поддержании безопасности и восстановлении Афганистана. В августе 2003-го в освобожденном от талибов Афганистане под официальный контроль НАТО перешли Международные силы содействия безопасности (МССБ). Действуя поначалу в Кабуле, а также на прилежащих к нему территориях и не подвергаясь особому риску, МССБ постепенно расширяли зону ответственности на «горячие» области юга страны. Военное присутствие НАТО в Афганистане выросло с пяти тысяч в начале операции до сегодняшних девяти тысяч человек. К концу 2006 года планируется довести эту цифру до 15 тысяч.

На данный момент командование операций в Афганистане далеко не единственный пример деятельности Североатлантического альянса за пределами Европы. Несмотря на внутренние разногласия по поводу Ирака, НАТО обеспечила подготовку 1 500 иракских офицеров и доставку необходимого военного снаряжения местным силам безопасности. Блок организовал воздушный мост для переброски пяти тысяч военнослужащих стран Африканского союза в

Дарфур и способствовала ротации размещенных там войск. Альянс также взял на себя подготовку офицеров и техническое содействие миссии Африканского союза в его штаб-квартире в Аддис-Абебе. Соединенные Штаты и их европейские союзники «пришли к пониманию того, что фокус деятельности альянса смещается из Европы в сторону остального мира. Американско-европейские отношения все больше зависят от событий на Ближнем Востоке, в Азии и Африке» — так сказал в декабре прошлого года заместитель госсекретаря США по политическим вопросам Николас Бёрнс.

С расширением географии НАТО расширяются и масштабы ее деятельности; сегодня альянс осуществляет операции, которые уже не связаны напрямую с целостностью и безопасностью конкретной территории, но проводятся в более широком контексте международной стабильности. К примеру, в прошлом году НАТО переправила по воздуху в пострадавший от землетрясения Кашмир 3 500 тонн припасов, предоставленных участниками альянса и прочими странами, а также оказала населению медицинскую и иную помощь. Приходящая в себя от последствий цунами Индонезия получила стройматериалы для сооружения четырех новых мостов, а жертвы «Катрины» в США — продукты питания, водоочистительные установки, электрогенераторы и вертолеты.

БОЛЕЗНИ РОСТА

Совершенно очевидно, что НАТО меняется, но, возможно, этих изменений недостаточно. Если главная цель альянса отныне не территориальная оборона, а объединение стран с общими ценностями и интересами во имя решения глобальных проблем, ему нет необходимости оставаться строго трансатлантическим. Демократические страны, включая Австралию, Бразилию, Индию, Новую Зеландию, Южную Корею, Японию, разделяют ценности НАТО и во многом преследуют одинаковые интересы. Все они способны внести значительный вклад в дело альянса, предоставив дополнительную военную или материальную помощь для противостояния глобальным угрозам и решения глобальных проблем. Операции на Балканах и в Афганистане значительно выиграли от участия в них стран, не входящих в Североатлантический блок. Австралия, Южная Корея и Япония направили достаточно крупные контингенты в поддержку усилий членов альянса по стабилизации обстановки в Ираке. Вместе с другими демократиями, не связанными Североатлантическим

договором, такими, как Бразилия, Индия и ЮАР, они немало сделали в рамках миротворческих операций по всему миру.

НАТО постепенно приходит к осознанию необходимости укреплять и формализовать отношения со странами вне трансатлантического сообщества. Лидеры альянса подняли этот вопрос на апрельской встрече министров иностранных дел. «Поскольку НАТО осуществляет операции на стратегическом удалении, необходим диалог с другими заинтересованными странами», — заявил генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер. Он выступил с инициативой по превращению Организации Североатлантического договора в «альянс с глобальными партнерами».

Подобное предложение — долгожданное свидетельство того, что НАТО постепенно склоняется к глобальной модели. Но партнеры — не то же самое, что союзники, и ведение диалога нельзя приравнять к межнациональному планированию, тренировкам и операциям. Глобальное партнерство — не самоцель, а первый шаг к официальному членству. Альянс уже использовал подобного рода многоступенчатый подход в середине 1990-х, на заре сотрудничества с бывшими странами — членами Организации Варшавского договора. На начальном этапе, в рамках программы «Партнерство во имя мира», воинские контингенты указанных стран получили право участвовать в учениях и отдельных миротворческих операциях совместно с членами НАТО. И хотя некоторые изначально воспринимали такое партнерство как альтернативу членству, вскоре оно превратилось в средство вступления в альянс. Новый проект глобального партнерства должен сыграть схожую роль, подготовив альянс к переходу от трансатлантической модели к глобальной. Нет необходимости заранее определять, кого пригласят в НАТО, — нужно лишь решить принципиальный вопрос о доступности альянса неевропейским странам.

Постепенное расширение НАТО более предпочтительно по сравнению с созданием коалиций специально для решения конкретно возникающих проблем. Во-первых, европейских воинских контингентов едва хватает для осуществления целого ряда новых миссий в Афганистане, а также в Судане, Конго и других частях африканского континента. В условиях роста потребности в военной силе чем более многочисленны — и более квалифицированы — союзники, тем лучше. Во-вторых, формальное членство облегчит сотрудничество в рамках военных операций. Именно отлаженность взаимодействия

внутри альянса — результат совместного планирования, проведения учений и участия в боевых действиях — позволяет его членам эффективно сотрудничать в кризисных ситуациях. США значительно опережают своих союзников с точки зрения принятых на вооружение технологий, однако потенциал американских подразделений максимально раскрывается именно в операциях с теми воинскими частями, которые знакомы им по регулярным совместным учениям.

В новом, расширенном альянсе обязанности Верховного главнокомандующего мог бы по-прежнему выполнять представитель американского генералитета, а генерального секретаря НАТО — его коллега из любой другой (возможно, даже не европейской) страны. Вероятность расширения НАТО в будущем поможет обеспечить принятие ряда промежуточных мер наподобие тех, что предшествовали вступлению в альянс восточноевропейских государств. Такие меры могут включать в себя уже упомянутое глобальное партнерство, а также установление официальных контактов между военными стран-партнеров и Штабом ОВС НАТО в бельгийском Монсе. Полезно создать Совет по глобальному партнерству НАТО подобно уже существующему Совету евроатлантического партнерства, который обеспечивает регулярный диалог между всеми членами НАТО и 20 странами-партнерами из Европы и Центральной Азии.

Глобализация альянса не требует изменения основных параметров структуры, хорошо зарекомендовавшей себя на протяжении многих лет, однако в текст Североатлантического договора следует внести поправки. В особенности это касается статьи 10, допускающей расширение НАТО лишь за счет европейских государств. В настоящее время действие данной статьи распространяется на целый ряд стран, не проявляющих достаточной приверженности принципам демократии и прав человека, например на Белоруссию, тогда как кандидатуры подлинно демократических держав, таких, как Австралия и Япония, в соответствии с этой статьей даже не рассматриваются. Приверженность общим ценностям следует считать более значимым критерием членства в организации, нежели географический. Любая страна, разделяющая цели альянса, должна обладать таким же правом претендовать на вступление, каким наделены центрально- и восточноевропейские государства со времени крушения коммунизма.

Некоторые опасаются, что в расширенной НАТО — по мере расширения пространства ее ответственности — станет труднее достичь

консенсуса относительно того, когда и как действовать в каждом отдельном случае. Возможно, опасения справедливы, однако не стоит преувеличивать риск. Вопреки прогнозам скептиков, вступление в альянс 10 новых членов не повлияло на его готовность к действию. Отчасти это объясняется тем, что в НАТО была разработана особая процедура принятия решений, при которой совместные действия возможны и без всеобщего согласия. Вместо того чтобы заблокировать резолюцию, те члены организации, взгляды которых расходятся с общепринятым мнением, могут снабдить ее комментариями или воздержаться от участия в соответствующей операции. Если состав НАТО расширится и приобретет более глобальный характер, подобная практика продолжится и, скорее всего, получит дальнейшее развитие. Достижение консенсуса станет еще более вероятным, если основные державы, начиная с США, приложат достаточно сил и терпения, чтобы прийти к согласию. Вместо того чтобы пускать процесс на самотек и полагаться только на собственные силы, лидеры должны неустанно стремиться к сплочению альянса.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

Помимо вопросов, связанных с эффективностью организации, расширение состава и сферы деятельности НАТО вызовет вопросы о самой сущности альянса. Подобно тому как в 1990-х, когда организация расширялась в восточном направлении, самыми острыми окажутся опасения относительно того, ослабнут ли гарантии безопасности, предусмотренные статьей 5 Североатлантического договора.

Нынешние, и в особенности недавние, члены альянса, вероятно, обеспокоены мыслью о том, что по мере географического расширения организации обязательства по коллективной обороне утратят былую силу. Однако в настоящее время ни одна из стран альянса не сталкивается с военной угрозой со стороны другого государства, не говоря уже о тех угрозах, которые привели к созданию НАТО в 1949 году. Если же подобная опасность (весьма маловероятная) все же возникнет, факт расширения несколько не повлияет на выполнение коллективных обязательств.

Суть организации по-прежнему должен составлять принцип, положенный в основу статьи 5: агрессия против одного из членов альянса рассматривается как нападение на каждого из них. Что касается Соединенных Штатов, то следование этому принципу не должно составить для них серьезную проблему — даже по сравнению с при-

нятым в свое время обязательством предоставить защиту Латвии и Польше, которые не могли рассчитывать на нее до вступления в НАТО. В конце концов, официально или неофициально США уже являются гарантом безопасности таких государств, как Австралия, Израиль, Новая Зеландия, Южная Корея и Япония. Но захочет ли Испания либо Эстония взять на себя подобные обязательства в отношении, скажем, Австралии или Японии? Возможно, нет. Но не исключен и другой ответ.

При том, что в статье 5 агрессия против одного из членов альянса расценивается как нападение на всех остальных, каждый из членов организации обязан оказать потерпевшему такую помощь, какую сочтет необходимой. Следовательно, применение силы не является автоматическим. Более того, статья 5 применялась всего единожды – после событий 11 сентября, и лишь несколько членов НАТО участвовали в военной операции (которая проводилась под американским, а не натовским командованием). Статья 5 применяется только в исключительных случаях, когда налицо вооруженное нападение. Можно надеяться, что в такой ситуации любой член альянса придет на помощь дружественному государству, даже если их не связывают официальные союзнические отношения. Вспомним август 1990-го, когда страны НАТО единодушно вступили в большую коалицию по освобождению Кувейта, который не является даже демократическим государством.

Расширение альянса не приведет к ослаблению позиций ООН или ЕС, которые не имеют силового потенциала, сравнимого с натовским. НАТО, будучи прежде всего военной организацией, пусть и основанной на демократических политических режимах, даже расширившись, не станет второй ООН. Скорее всего, она превратится в еще одно, но более эффективное и разумное дополнение Организации Объединенных Наций, поскольку будет способствовать обеспечению исполнения и проведению в жизнь ее решений.

В случае отказа ООН санкционировать действие в ответ на угрозу международному миру и безопасности, как это произошло в период косовского кризиса 1998–1999 годов, НАТО, возможно, пришлось бы действовать самостоятельно. В подобной ситуации глобальный характер альянса и поддержка ведущих демократических стран обеспечат ему большую легитимность, что в свою очередь должно развеять страхи сторонников строгого международного порядка. Нет повода для беспокойства и относительно того, что рас-

Израиль – член НАТО?

Хосе Мария Аснар

Одной из самых насущных задач современности является защита наших ценностей и образа жизни от новой угрозы – исламистского экстремизма и терроризма. В этих условиях именно НАТО, как организация, призванная охранять свободу, общее наследие и цивилизацию западных наций, должна сыграть ключевую роль в обеспечении всеобъемлющей защиты и безопасности. Но для этого альянсу необходимо приспособиться к новой ситуации.

Прежде всего следует четко сформулировать новую миссию НАТО: бороться с джихадизмом и распространением оружия массового уничтожения. Это различные угрозы, но на Ближнем Востоке они принимают одно и то же обличье. На самом деле речь идет об угрозе нашему существованию. Достаточно вспомнить, какие злоециные планы террористы вынашивают по отношению к представителям иных культур – «крестоносцам и неверным», а также сионизму. И нельзя забывать, что джихадизм – глобальное движение, распространяющее свои идеи в проповедях радикальных мулл, имеющее в распоряжении и бомбы, и телестанции, и интернет-сайты.

Если НАТО сосредоточится на противостоянии джихадизму, это потребует изменить «географический» подход к ее формированию. Альянс должен открыть двери для тех государств, которые разделяют западные ценности и хотят примкнуть к нашей борьбе с джихадизмом. Это означает, что надо пригласить к полному членству в НАТО Японию, Австралию и Израиль.

Многие в Европе, в том числе в самой НАТО, и даже в Израиле не могут принять идею о том, что Израиль может стать полноправным участником альянса. Однако официально признать, что Израиль является нашим союзником, означало бы сделать шаг, который поможет одержать верх в долгой войне с джихадизмом.

Во-первых, Израиль – неотъемлемая часть Запада, хотя и расположен на Ближнем Востоке. Это государство принадлежит к тому же лагерю, что Европа, США, Япония и Австралия, – и не только в силу его ценностей и социальной практики, но и потому, что все мы стараемся защитить одни и те же идеалы от одного и того же противника. Поэтому Израиль, будучи немаловажной частью западного мира, должен стать и частью организации, работающей во имя свободы, стабильности, процветания и демократии в мире.

Во-вторых, членство Израиле в НАТО усилит наши позиции в конфликте, связанном с ядерной программой Ирана. Конечно, мы должны стараться не допустить, чтобы смертоносное оружие попало в руки аятолл, но надо быть готовыми к появлению ядерного Ирана. Если Тегеран будет понимать, что в лице Израиле он имеет дело с союзником Запада по Североатлантическому блоку, это окажется дополнительным сдерживающим фактором. Создание над Израилем натовского «зонтика» сыграет важную стабилизирующую роль.

В-третьих, Израиль стоит перед особенно серьезной угрозой со стороны джихадистов, являясь одним из множасьихся фрагментов мозаики, которую

те стремятся собрать. На наших глазах палестинский национализм превращается в исламистский экстремизм и терроризм. Волна исламистского экстремизма все больше и больше надвигается на Израиль. В действительности это не просто волна, а цунами, и перед лицом такой мощной силы нам лучше держаться вместе.

Так что изолировать Израиль от западного мира было бы непростительной ошибкой – такой же, как решение вывести испанские войска из Ирака. Тогда террористы одержали своего рода победу. Пойдя у них на поводу, мы подали им сигнал, чреватый самыми печальными последствиями. Кроме того, я придерживаюсь принципа верности союзникам. Представьте себе, например, что после высадки союзнических сил в Нормандии во время Второй мировой

Израильская армия укрепит боеспособность НАТО

войны одна из стран решает отозвать свои войска... Вообще, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы международная коалиция в Ираке потерпела поражение: случись оно – и мир ожидает катастрофа. Без стабилизации Ирака не удастся поддерживать стабильность и свободу во всем мире.

Сегодня необходимо осознать: мы ведем войну, которую нам объявили наши противники. Те, кто стремится воссоздать халифат от Испании до Филиппин. Те, кто хочет, чтобы фундаменталистское прочтение ислама правило миром.

Я не верю, что можно заключить мир с террористами. Не верю в возможность переговоров с ними – напротив, считаю такие переговоры пагубной ошибкой. Убежден, что с террористами необходимо бороться. Их надо устрашать и уничтожать, и это в наших силах. Никакой другой политики в отношении терроризма я не приемлю.

Хосе Мария Аснар – премьер-министр Испании в 1996–2004 годах. В настоящее время возглавляет Фонд политического анализа и социальных исследований (FAES) в Мадриде. Данный материал представляет собой выдержки из его выступления в Институте современных проблем в Иерусалиме (март 2006 г.).

ширение состава и географии НАТО помешает нынешнему усилению глобального присутствия Европейского союза. Евросоюз не располагает военным потенциалом для проведения операций далеко за пределами Европы. Более того, в том, что касается постконфликтной реконструкции и поддержания порядка, значительную часть усилий Евросоюз способен приложить скорее для оказания всякого рода дополнительных услуг, нежели выступая в качестве альтернативы глобальной НАТО.

Глобальная НАТО необходима не в целях обновления альянса и не потому, что без расширения сферы деятельности он утратит свои позиции. Ведущая международная военная организация планеты должна найти способ адаптироваться к требованиям времени так, чтобы это отвечало не только ее собственным интересам, но и потребностям мирового демократического сообщества в целом, существование которого зависит от глобальной стабильности. Региональная организация не способна противостоять глобальным угрозам. Успехи НАТО в прошлом объясняются тем, что державы-участницы были связаны обязательством верности как политико-экономическим принципам демократии, так и общим целям в сфере безопасности. Было бы неразумно закрыть двери для стран, готовых взять на себя подобные обязательства и помочь ей в решении новых глобальных задач.

Как НАТО не стала глобальной

Алексей Пилько

Распад биполярной системы международных отношений, в ходе которого прекратили свое существование Организация Варшавского договора и СССР, стал серьезным вызовом для НАТО. Потеряв цель, альянс на протяжении последних полутора десятков лет пытался найти свое место в меняющемся мире. Один из активно обсуждаемых путей преодоления «идейного кризиса» Североатлантического блока предусматривает превращение его в глобальную организацию. На ноябрьском саммите НАТО в Риге планируется детальное изучение вопроса о развитии отношений с такими демократиями, как Австралия, Новая Зеландия, Япония. Они не входят в трансатлантическое сообщество, но способны принести определенную пользу альянсу в качестве его членов. Несмотря на свою революционность, эта идея вовсе не нова. В истории НАТО уже имела место острая борьба между сторонниками «глобального» и «регионального» подходов. И связана она прежде всего с именем президента Франции Шарля де Голля — одного из самых видных европейских политиков XX века.

Практически сразу после своего второго прихода к власти (1958) он выдвинул план реформирования структуры Организации Североатлантического договора. В сентябре 1958 года де Голль пишет президенту США Дуайту Эйзенхауэру секретное письмо, прилагая к нему меморандум. Шарль де Голль критикует Соединенные Штаты за недостаточное информирование союзников перед принятием решений о вмешательстве в том или ином регионе мира и подчеркивает, что безопасность Франции может быть затронута односторонними действиями американцев. В связи с этим глава французского

А.В. Пилько — к. и. н., научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ.

государства предлагал преобразовать альянс путем создания трехстороннего постоянного комитета в рамках НАТО (в составе США, Великобритании и Франции) для совместного принятия решений по мировым проблемам.

Этот руководящий «триумvirат» предстояло наделить полномочиями составлять стратегические планы Североатлантического блока и претворять их в жизнь. Важнейшим пунктом деголлевской реформы НАТО считалась реорганизация ее командной структуры. Предполагалось распространить зону ответственности альянса фактически на весь мир, образовав военные командования для каждого возможного театра военных действий в масштабах планеты. (Так, еще в июле 1958-го в ходе переговоров с госсекретарем США Джоном Фостером Даллесом в Париже де Голль добивался создания Африканского командования НАТО под французским руководством.)

Американский президент ответил на послание де Голля 20 октября. Отклонив идею о создании трехстороннего постоянного комитета, он сослался на других союзников. По его словам, у последних может сложиться впечатление, что важные решения в НАТО принимаются без их участия. В достаточно жесткой форме Эйзенхауэр отверг и французские требования о расширении территориальной сферы деятельности альянса. Он, в частности, писал: «В том, что касается НАТО, я со всей откровенностью должен сказать, что предвижу очень серьезные проблемы как внутри, так и вне организации в случае, если попытаются изменить Североатлантический договор и распространить сферу его действия на другие зоны, на которые он в настоящий момент не распространяется».

Таким образом, в американо-французском диалоге 1958 года проявилась несовместимость двух позиций относительно роли и функционирования НАТО. С точки зрения де Голля, расширение сферы действия альянса не только на Европу, но и на другие части света превратило бы его в более эффективную организацию и в большей степени отвечало бы интересам Франции. В этой связи французскую концепцию реформирования НАТО можно назвать «глобальной». Ей противостояла американская «региональная» концепция, которая уже, собственно, и была воплощена при создании блока. Он оставался инструментом осуществления американской внешней политики, в первую очередь, в Европе, а не за ее пределами.

Отстаивая необходимость коренных преобразований в НАТО, Шарль де Голль на протяжении нескольких лет (фактически вплоть

до 1963-го) избегал открытого столкновения с Соединенными Штатами. Тем не менее он постоянно ставил американцев перед дилеммой: либо они примут предложения из сентябрьского меморандума 1958 года, изложенного в письме к президенту Эйзенхауэру, либо Франция станет постепенно отдаляться от НАТО. Такая тактика действий имела частичный успех. Вашингтон начинает обращать на Париж все больше внимания. В ноябре 1958-го Даллес все же предложил создать трехсторонний комитет в составе США, Великобритании и Франции, но лишь для обсуждения предложений де Голля. Однако это категорически не устроило последнего прежде всего по двум причинам. Во-первых, комитет не был уполномочен реализовывать французские предложения по реформе НАТО на практике (и рисковал превратиться в дискуссионный клуб). Во-вторых, этот орган создавался на уровне заместителей министров иностранных дел, что исключало какие-либо серьезные консультации по всему спектру американо-французских противоречий.

На переговорах с Даллесом в Париже в декабре 1958 года глава французского государства официально отверг американскую идею трехстороннего комитета. Одновременно посол Франции в США Эрве Жан-Шарль Альфан на переговорах с заместителем государственного секретаря Робертом Мёрфи вновь подчеркнул необходимость совместного стратегического планирования в планетарном масштабе, что, в свою очередь, было отвергнуто уже американцами. В марте 1959-го Шарль де Голль направил второе секретное письмо Дуайту Эйзенхауэру. В нем он в очередной раз призывал американского президента к сотрудничеству с целью выработки совместных политических и военно-стратегических планов, подчеркивая их «жизненную необходимость».

В своем ответе глава Белого дома указал на необходимость сохранения существующей структуры НАТО и «тесного сотрудничества» в рамках Североатлантического блока. Иными словами, на предложения де Голля последовал вежливый отказ. Такая позиция США вызвала уже публичное осуждение со стороны французского президента. На пресс-конференции 25 марта он назвал интеграцию в рамках альянса несовместимой с принципом свободы действий государств. Безрезультатно окончились и попытки заставить Вашингтон прислушаться к французской точке зрения во время личных переговоров де Голля и Эйзенхауэра в сентябре и декабре 1959 года в Париже, а также в апреле 1960-го в Вашингтоне.

В июне де Голль снова продемонстрировал приверженность своей прежней позиции, направив третье секретное письмо американскому президенту. В нем он заявлял, что консультаций между союзниками по НАТО, сколь бы тесным и доверительным ни был их характер, явно недостаточно для решения главной проблемы, лежащей в основе разногласий между Францией и Соединенными Штатами. Ее решение, по мнению автора письма, зависело в первую очередь от налаживания глобального стратегического сотрудничества между обеими странами, которое в полной мере отвечало бы интересам Франции как державы, распространяющей свою ответственность на весь мир. Эйзенхауэр в ответ выразил согласие на созыв трехстороннего совещания для рассмотрения предложений о совместном стратегическом (в мировом масштабе) планировании, что было определенным шагом навстречу Парижу. Однако глава американского государства даже не упомянул о необходимости совместных трехсторонних решений по политическим и военным вопросам.

Шарль де Голль не был удовлетворен достигнутым, и в этом же месяце он пишет четвертое секретное письмо своему американскому коллеге. Президент Франции предпринял попытку конкретизировать и развить предложение Дуайта Эйзенхауэра в выгодном для себя ключе: создать трехсторонний комитет, который занимался бы не только планированием, но и политической реформой НАТО в целом, реорганизацией альянса в духе французской концепции «триумвирата» и глобального подхода. В очередном ответе в августе Эйзенхауэр заявлял, что реформа Североатлантического блока не может быть предметом дискуссии, пока от де Голля не поступят более детальные предложения. Кроме того, американский президент так и не подтвердил свое намерение, зафиксированное в предыдущем ответе французскому президенту, созвать трехстороннее совещание для обсуждения проблем совместного стратегического планирования. Такую реакцию Эйзенхауэра де Голль, по всей видимости, расценил как отказ американцев даже от их первоначальных небольших уступок. На этом переписка прекратилась.

После прихода к власти в Соединенных Штатах президента Джона Кеннеди Париж стал связывать с ним определенные надежды на реализацию своих планов по реформе НАТО. В первые же месяцы своего пребывания в Белом доме Кеннеди дал указание соответствующим должностным лицам разработать в рамках всестороннего анализа глобальной политики США новые предложения по развитию

отношений с западноевропейскими странами. С этой целью было сформировано несколько специальных комиссий во главе с Дином Ачесоном, Томасом Финлеттером, Уолтом Ростом, Кристианом Гертером и др. Для изучения ситуации на местах в страны Западной Европы направились Аверелл Гарриман и Джордж Болл. Вскоре зародился и стал приобретать всё более четкие очертания так называемый «великий атлантический замысел», как его назвал в своей книге известный обозреватель Джозеф Крафт (*Kraft J. The Grand Design: from Common Market to Atlantic Partnership. New York, 1962*). Американская администрация вынашивала планы по созданию глобального атлантического сообщества, которое включало бы в себя не только страны НАТО, но и Австралию, Новую Зеландию, Японию.

Хотя «великий атлантический замысел» и имел некоторое сходство с предложениями президента Франции, но тот отнесся к американскому проекту настороженно. США продолжали отвергать французские предложения о совместном принятии политических решений в НАТО, совместном стратегическом, в том числе и в глобальном масштабе, планировании. Неясность намерений Кеннеди в отношении Североатлантического блока побудила де Голля напрямую обсудить с ним этот вопрос. В конце мая – начале июня 1961 года в Париже прошли американско-французские переговоры. В деталях была рассмотрена переписка де Голля и Эйзенхауэра по ключевым проблемам двусторонних отношений. Затрагивались вопросы, напрямую связанные с созданием трехстороннего комитета в рамках НАТО, совместным стратегическим планированием. При этом до конкретных решений дело так и не дошло.

В августе 1961-го Шарль де Голль предпринял последнюю попытку договориться с Вашингтоном, направив Джону Кеннеди секретное письмо (и возобновив, таким образом, прерванную переписку), в котором изложил свои прежние взгляды на реформирование альянса. Отказ американского президента поддержать французскую концепцию означал, что надежды Парижа на иное отношение демократической администрации США к проекту преобразования НАТО не сбылись. Противодействие Соединенных Штатов вынудило французского лидера вскоре приступить к более решительным действиям, которые в конечном итоге привели к выходу Пятой республики из военной организации Североатлантического блока. А идея превращения НАТО в глобальный альянс осталась невостребованной вплоть до начала XXI века.

Закат «бездомных грандов»?

Владимир Фейгин

Тема, вынесенная в заголовок, выглядит несколько провокационно и, возможно, преувеличивает тенденции, которые пока только начинают проявляться в мировой энергетике. Однако в основе этих тенденций – объективные процессы и предпосылки, развитие которых способно изменить общую ситуацию.

ШТОКМАН – ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА?

Недавний отказ «Газпрома» от создания консорциума по разработке Штокмановского месторождения вызвал в мире бурную реакцию. Объект это, надо сказать, уникальный – одно из крупнейших (свыше 3 трлн куб. м запасов газа) месторождений на океанском дне, расположенное на значительном расстоянии от берега (около 600 км), в зоне возможного появления айсбергов. Уже в начале 1990-х годов стало ясно, что его освоение потребует неординарных технических решений. Но со времени открытия месторождения в 1980-х для практической подготовки к его эксплуатации было сделано не слишком много.

Дискуссии вокруг Штокмана идут с 1991 года: именно тогда уже сформированный первый консорциум (в то время он целиком состоял из иностранных компаний) представил на государственную экспертизу первое технико-экономическое обоснование разработки Штокмана.

В условиях нестабильной экономической и политической ситуации тогдашней России западные компании рассчитывали превратить проект в исключительно экспортный. Предполагалось, используя опыт извлечения ресурсов Северного моря, поставить по западным

В.И. Фейгин – главный директор Института энергетики и финансов.

технологиям морские платформы, вывести газ на сушу и направить его по трубопроводам в Европу, при этом зависимость от «российских рисков» должна была быть сведена к минимуму. В 1992-м реализацию проекта передали в ведение вновь образованной российской компании «Росшельф», объединившей «Газпром» и оборонные предприятия. Последним предстояло в духе конверсии взяться за производство оборудования для морской добычи углеводородов.

Быстрого старта не получилось. В середине 1990-х добывающих мощностей было достаточно для удовлетворения снизившегося внутреннего спроса в России, странах СНГ и Восточной Европы. Обеспечение же наметившегося роста экспорта в страны Западной Европы зависело прежде всего от развития трубопроводной инфраструктуры, а не от реализации чрезвычайно дорогостоящего Штокмановского проекта. Во второй половине десятилетия нефтяные цены резко упали, из-за чего финансовое положение «Газпрома» серьезно ухудшилось. Компании пришлось сконцентрироваться на первоочередном направлении – скорейшем вводе в разработку Заполярного месторождения для компенсации падения уровня общей добычи.

Начало нового века ознаменовалось резким ростом роли сжиженного природного газа (СПГ). Затраты на его производство и доставку морскими путями последовательно снижаются благодаря технологическим нововведениям. В результате конкурентоспособность СПГ по сравнению с трубопроводным газом (там, где они конкурируют, т. е. где возможны оба типа поставок) постоянно возрастает.

Кроме того, поднялись цены и появились перспективы роста на крупнейшем североамериканском рынке газа, где после либерализации цены в течение многих лет оставались очень низкими. Крупнейшие американские корпорации, обладающие приемными терминалами, портфелем контрактов, а также опытом разработки глубоководных нефтегазовых ресурсов (прежде всего в Мексиканском заливе), проявили большую заинтересованность в организации масштабных поставок СПГ и в этой связи обратили особое внимание на Штокман.

Заинтересовал проект и европейцев, хотя еще несколько лет назад рынок СПГ в Европе, казалось, замер: старые терминалы в Великобритании не работали, новых практически не планировали. Поэтому участие европейских компаний рассматривалось не столько как способ содействия выходу сжиженного газа на европейский рынок, сколько как противовес американскому влиянию в проекте.

К тому же норвежским компаниям, наиболее заинтересованным в Штокмане, есть что предложить с точки зрения технологий.

Переориентация Штокмановского проекта на СПГ ставит его в ряд крупнейших мировых начинаний в этой сфере. Однако масштабы данной инициативы не соответствуют общему потенциалу месторождения. Предполагалось, что международный консорциум займется реализацией всего интегрированного проекта — разработкой месторождения, строительством завода по сжижению и экспортными поставками СПГ, преимущественно на американский рынок. В «шорт-лист» потенциальных партнеров «Газпрома» вошли пять компаний: американские *Conoco* и *Chevron*, французская *Total*, норвежские *Statoil* и *Hydro*. Объявление результатов отбора претендентов неоднократно откладывалось, а затем последовало неожиданное уведомление о том, что «Газпром» берется разрабатывать проект самостоятельно.

Чем объяснялся столь резкий шаг? Довольно быстро растущие обязательства «Газпрома» на внешнем рынке в совокупности с заметным ростом емкости внутреннего рынка снова сделали актуальным полномасштабную разработку Штокмановского месторождения. Это подразумевает выход на добычу порядка 90 млрд куб. м/год против уровня примерно 22 млрд куб. м/год в проекте поставок СПГ. При этом трубопроводные поставки идут в Единую систему газоснабжения, где экспортные объемы не отделены от внутренних. Такой проект в корне отличается от того, что готовился ранее: он имеет другой целевой рынок (не случайно решено переориентировать основной объем проекта на трубопроводные поставки для заполнения Северо-Европейского газопровода), и в нем сложно соразмерить вклады и интересы многих участников. По крайней мере, это потребовало бы значительных затрат времени.

Надо также отметить, что на рынке газа США фиксируется высокая ценовая волатильность (изменчивость, непостоянство. — Ред.) и отсутствует привязка цены к нефтяному эквиваленту. В последнее время цены там стали резко снижаться, и это создает серьезные риски для проекта поставок СПГ.

Доводы за принятие недавнего решения по Штокману могут быть различными, но наблюдателей поразило, насколько резкими по форме оказались предпринятые действия. Почему же они стали возможны в отношении крупнейших международных нефтегазовых компаний? Объяснять их исключительно стилем поведения «Газпрома» — явное упрощение.

ДИКТАТ «ГРАНДОВ»

Крупнейшие проекты в нефтегазовой сфере традиционно осуществляются ограниченным числом наиболее мощных и — в частности, транснациональных — компаний (*majors*, как их часто коллективно называют; в переводе на русский будем использовать неформальный термин «гранды») или под их руководством. Причины понятны: столь масштабные предприятия требуют огромных инвестиций, и, как правило, технологически они весьма сложны. Для их реализации требуется объединение усилий многих подрядчиков и участников, необходимы опыт работы и стабильные позиции на рынках соответствующих товаров и продуктов.

На протяжении десятилетий обеспечить все эти условия могли именно «гранды», причем в ряде случаев только самые крупные. Они способны привлечь оптимальные финансовые ресурсы, поскольку имеют высокие инвестиционные рейтинги и хорошую репутацию, но прежде всего потому, что по показателям капитализации входили в число крупнейших компаний мира. Они обладают знаниями и умениями, необходимыми для выполнения проектов, тем более что специфические навыки, требуемые для организации работ, часто напрямую не связаны с нефтегазовой спецификой.

А вот насколько крупнейшие компании являются лидерами в сфере инноваций — большой вопрос. В последние десятилетия модным стал тезис о том, что «грандам» следует сосредотачиваться на основных, узко понимаемых направлениях своего бизнеса (*core business*), закупая остальные знания, умения и услуги на стороне. Инновационная деятельность специфична, связана с рисками, поэтому во многих случаях они отдали ее на откуп специализированным структурам — технологическим, сервисным, инжиниринговым.

Что касается умения работать на современных энергетических рынках, то последние все более открываются для поставщиков и характеризуются значительной восприимчивостью к предложению новых источников поставок, обусловленной высокими ценами и ожиданием нехватки энергоресурсов.

Но «гранды» потому и «гранды», что их деятельность отличается особенной масштабностью, интегральным показателем которой является капитализация. Сила «грандов» — в объеме нефтегазовых ресурсов, находящихся под их контролем. Ресурсы легко пересчитываются в капитализацию и составляют долгосрочную основу деятельности. Если масштаб бизнеса сервисных компаний

зависит от успеха на конкретных тендерах и получения заказов, то «гранды», получив ресурсы в свое распоряжение, как бы уже выиграли тендер.

Борьба за ресурсы сопровождала всю историю мировых компаний. При непосредственной поддержке высших политических кругов стран Запада они десятилетиями боролись с волнами национализации, препятствовали появлению ОПЕК как объединения стран с национализированной нефтегазовой отраслью. Однако в целом ряде основных нефтедобывающих стран им фактически пришлось смириться с ролью не собственников, а операторов соответствующих проектов.

Эти компании, как правило, чувствуют политическую поддержку своих правительств. Правда, их можно, да и то с большой натяжкой, назвать «бездомными» — в том смысле, что сейчас они вынуждены бороться за ресурсы и проекты на «чужой» территории. Вот тут-то и происходят основные перемены.

ПОДРОСШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ

В последние десятилетия в мире появилось новое поколение крупнейших нефтяных компаний, таких, как норвежские *Statoil* и *Hydro*, малайзийская *Petronas* либо крупнейшие китайские компании *CNPC*, *CNOOC*. Это произошло вследствие того, что целый ряд стран начали делать ставку на укрепление национальных «чемпионов» в нефтегазовой сфере, которые способны полностью заменить приглашенных «наставников».

Например, когда в Северном море были обнаружены значительные нефтегазовые ресурсы, на Норвегию обрушилось неожиданное богатство. Страна не имела ни опыта, ни собственных кадров в этой сфере и делала ставку на активное сотрудничество с иностранными компаниями. В то же время действовал жесткий налоговый режим (что привело к появлению «фонда будущих поколений» — опыт, широко использующийся российским правительством в последние годы), серьезные усилия предпринимались для развития собственных исследовательских центров и производственной базы, внедрения самых современных технологий. Крупные интегрированные проекты охватывали наиболее важные технологические направления — постройку крупнейших морских платформ, разработку глубоководных ресурсов и т. д. В них участвовали все основные международные компании, работавшие на норвежском шельфе. Отметим,

что этот опыт (в отличие от налогово-финансового) Россия у соседей пока не позаимствовала.

В Норвегии с самого начала осознавали, что нефтегазовое богатство дано не навсегда и использовать его надо так, чтобы получить долгосрочные результаты. Сейчас добыча нефти на норвежском шельфе снижается, добыча газа скоро достигнет максимального уровня. Но крупнейшие норвежские компании с государственным участием — *Statoil* и *Hydro* — уже стали в один ряд с мировыми технологическими лидерами отрасли. *Statoil* создала первый в Европе завод по сжижению газа на месторождении *Snovit* («Белоснежка»), а *Hydro* занималась подводной разработкой крупного месторождения газа *Ormen Lange*, расположенного на глубине примерно 1 000 м в Норвежском море. Предлагая свое участие в Штокмановском проекте, они в первую очередь намеревались внести в него современные технологические решения.

Схожие процессы происходили и в других странах с богатыми нефтегазовыми ресурсами, которые поставили перед собой задачу превратить свои ведущие нефтегазовые компании, обладающие высококвалифицированными инженерно-техническими кадрами, в крупных международных игроков. Эти компании стремятся экспортировать свои умения и «теснят» традиционных гигантов не только у себя дома, но и на мировых рынках в целом. Есть, конечно, и противоположные примеры. Таковы, скажем, компании стран ОПЕК, которые также получали нефтяные сверхдоходы, но не имели научно-технического и организационного потенциала для перехода в новое качество. Задача для российских нефтегазовых «грандов» — учесть этот негативный опыт и стать в обозримой перспективе мощными и самостоятельными глобальными игроками.

СМЕНА КАРАУЛА

Процесс формирования новых «грандов» получил мощный стимул в последний период, после того как нефтяные цены совершили резкий скачок. Нефтегазовые страны и их крупнейшие компании накопили огромные финансовые ресурсы. Те из компаний, которые являются публичными (хотя и при значительном или даже доминирующем государственном участии), резко повысили свою капитализацию. Лидеры, подобные «Газпрому», заняли самые верхние строчки рейтингов, потеснив традиционных *majors*. А капитализация, растущие доходы и сопутствующий этому рост рейтингов — путь к усилению финансовой мощи.

У новых «грандов», по крайней мере наиболее продвинутых из них, появляется перспектива фактически заменить на мировом рынке «грандов» традиционных, то есть стать полновластными организаторами и операторами проектов сначала на своей территории, а затем и глобально. Их главное преимущество перед «старшими» конкурентами — возможность опереться на национальную сырьевую базу. Именно она становится предпосылкой для укрепления компании, а затем и стартовой площадкой для экспансии. Когда-то, на заре своего развития, традиционные «гранды» возникали и развивались точно так же: в основе их деятельности лежали собственные запасы (например, европейские, ныне уже исчерпанные либо иссякающие) или ресурсы колониальных владений.

Если считать происходящее долгосрочной тенденцией, то «грандам» старшего поколения предстоит выдержать тяжелейшую конкуренцию. Правительства стран — производителей сырья и национальные компании, опирающиеся на поддержку властей своих государств, заинтересованы в том, чтобы транснациональные корпорации превратились в обычных подрядчиков при освоении крупных месторождений. «Грандам» это, впрочем, невыгодно, поскольку подрядные услуги практически ничего не дают для капитализации. Мало того, и за эти подряды им придется вступить в жесткую схватку со специализированными сервисными компаниями.

Конечно, списывать со счетов компании, доминировавшие на рынке на протяжении столетия, явно преждевременно. Организация труднореализуемых проектов — это очень сложный бизнес. Вполне вероятно, что и традиционные «гранды» начнут перестраиваться и, чтобы вернуть себе позиции на рынке, снова расширять сферу основного бизнеса, например сосредоточив внимание на контроле за наиболее важными технологиями «переднего края». В этом случае можно ожидать чего-то вроде битвы между ресурсами (которыми обладают новые «гранды») и технологиями. Как бы то ни было, Штокмановская модель может оказаться прообразом весьма серьезных изменений в мировой энергетике.

Самоопределение: между правом и политикой

Александр Аксенёнок

Последствия геополитических катаклизмов, потрясших мир в конце прошлого столетия, до конца еще не осмыслены, но их влияние на мировую политику все очевиднее. Нарастает разрыв между общепризнанными нормами международного права и новыми реалиями. Эрозия бесспорных ранее принципов заставляет по-новому взглянуть, в частности, на то, как сегодня соотносятся две часто входящие в противоречие друг с другом международные нормы — территориальная целостность государств и право на национальное самоопределение. Какова практика их применения, что можно считать прецедентами, а что — нет, где, в конце концов, объективные критерии оценок?

Хаотичный распад Советского Союза, цивилизованный «развод» чехов и словаков, кровопролитный развал Югославии — эти и некоторые другие события, по сути, перечеркнули торжественно провозглашенный в 1975 году в Хельсинки принцип нерушимости послевоенных границ в Европе. А международное признание новых государств узаконило изменения, будь то насильственные либо мирные.

Нарушение территориальной целостности в Европе, каковы бы ни были причины тех или иных дезинтеграционных процессов, явилось мощным импульсом к самоутверждению (в том числе в крайних формах этносепаратизма) национальных меньшинств в составе многонациональных государств. Проявления межэтнической напряженности можно рассматривать и как побочный эффект, вызванный процессами демократической трансформации, в частности де-

А.Г. Аксенёнок — к. ю. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в отставке, в 1995–1998 годах — спецпредставитель МИДа РФ по Боснии и Восточной Славонии.

централизации системы государственного управления, особенно в России и в странах Восточной Европы

Но самым серьезным стимулом к переосмыслению реального соотношения понятий «территориальная целостность» и «национальное самоопределение» послужили драматический поворот событий в Косово в конце 1990-х и, главное, одномерная реакция на это стран — членов НАТО. Остается мало сомнений в том, что этот населенный преимущественно албанцами край в составе Сербии близок к получению независимости из рук международного сообщества.

Вопрос, на который предстоит теперь ответить, ставится так: можно ли считать грядущую независимость Косово прецедентом при урегулировании других внутригосударственных конфликтов, в том числе в бывших советских республиках, или это лишь исключительный случай в международной практике?

На Западе категорично отвечают: нет, нельзя. В России говорят: да, можно. Развернутую аргументацию не дает пока ни та, ни другая сторона. Между тем из предмета академического спора в области международного права эта проблема превратилась во взрывоопасный фактор реальной политики. В первую очередь это касается неразрешенных конфликтов вокруг так называемых «непризнанных государств» на постсоветском пространстве — Приднестровья, Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии.

Поискам универсальных подходов к развязке сложных межэтнических проблем последнего времени мог бы способствовать сравнительный анализ конфликтов вокруг Косово на территории бывшей Югославии и вокруг Абхазии и Южной Осетии на территории бывшего Советского Союза. Предпринимая попытку такого анализа, автор сознательно не затрагивает исторических аспектов. У каждого народа своя «правда», и решение подобных конфликтов путем апелляции к прошлому невозможно по определению.

ПУТЬ КОСОВО К НЕЗАВИСИМОСТИ

Как составная часть бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия, Косово имело статус автономной области, а затем и автономного края. По Конституции 1974 года Косово получило право избирать собственный парламент, формировать правительство и Конституционный суд, а также обрело полную культурную и даже экономическую автономию. То есть уже в 1970–1980-е объем полномочий краевых властей если и не превышал, то во вся-

ком случае приближался к критериям, закрепленным позднее в Конвенции Евросоюза о защите прав национальных меньшинств.

В очаг межэтнической и межконфессиональной напряженности Косово превращается только с конца 1980-х годов, когда по инициативе президента страны Слободана Милошевича центральная власть в Белграде взялась «исправлять ошибки» децентрализации. Сопrotивление албанского большинства носило изначально политический гражданский характер, но постепенно перешло в форму вооруженной борьбы.

После ликвидации расширенной автономии края властные полномочия оказались в руках назначаемых из Белграда окружных начальников, опиравшихся на сербские по этническому составу силовые структуры. Албанское население прибегло к тактике бойкота новой власти, создав собственные параллельные органы управления, образования, здравоохранения и социального обеспечения. В июле 1990-го в Приштине учредительное заседание самопровозглашенного парламента приняло Декларацию о независимости, а затем и Конституцию Республики Косово. В 1991 году состоялся не признанный Белградом референдум, на котором косовары-албанцы высказались за независимость. В мае 1992-го избраны «парламент» и «президент» так называемой Республики Косово. Параллельно с оформлением политических структур непризнанного государства укреплялась военная организация албанских боевиков, известная как Освободительная армия Косово (ОАК).

Следующий этап в развитии косовской ситуации можно охарактеризовать как шаткое равновесие в начавшемся вооруженном противостоянии. В ответ на участившиеся теракты против официальных структур и сербского меньшинства в Косово Белград наращивал там полицейское присутствие, сделав ставку на силу. После того как выявилась неэффективность действий внутренних войск, в Косово были введены армейские подразделения.

Международное сообщество оказалось напрямую вовлечено в урегулирование этой внутриюгославской проблемы вследствие крупных столкновений войск и полиции с боевиками ОАК в феврале 1998 года в районе Дремницы, приведших к многочисленным жертвам, в том числе среди гражданского населения. Крупномасштабные военные действия продолжались несколько месяцев, в результате чего край оказался на грани гуманитарной катастрофы. Ответственность возложили исключительно на Белград, хотя в боль-

шинстве случаев сербская сторона лишь отвечала, пусть и не всегда соразмерно, на вооруженные провокации албанских боевиков. К тому же никто не доказал, что проблема беженцев и перемещенных лиц возникла из-за преднамеренных действий сербской стороны. Последующие конфликты с участием незаконных вооруженных формирований, к примеру, в Чечне или совсем недавно в Ливане показали, что террористические организации широко применяют тактику использования мирного населения в качестве живого щита, рассчитывая на реакцию международного сообщества.

Как бы то ни было, вести поиски задним числом, кто прав, а кто виноват в трагических событиях 1998–1999 годов, — дело теперь уже бессмысленное. Для сопоставления косовского прецедента с грузино-абхазским и грузино-осетинским важно другое — объективное понимание природы конфликтов и роли в них внешних факторов.

Отправным пунктом для внесения косовской проблемы в международную повестку дня стало именно предотвращение гуманитарной катастрофы. Но поскольку ответственность с самого начала априори возлагалась Западом на сербов и лично на Слободана Милошевича, в соответствующем ключе проходили все дискуссии в формате ОБСЕ, Контактной группы по Косово и на международной конференции в Рамбуйе (Франция) по политическому урегулированию в Косово (конец 1998 г. — начало 1999 г.). Сербское руководство в свою очередь недооценило серьезность момента и проявило в ходе переговорного процесса легкомысленную закоснелость. В результате сложились субъективные условия, предоставившие Североатлантическому альянсу формальный повод для военного вмешательства.

Другая особенность косовской ситуации состоит в том, что ООН как инструмент урегулирования вышла на сцену уже постфактум. Говоря об «уникальности» косовского случая, западные партнеры России по Контактной группе ссылаются на резолюцию 1244 СБ ООН и нарушение ее Милошевичем. Такие ссылки по меньшей мере некорректны. Указанная резолюция была принята 10 июня 1999 года, то есть после того, как Югославия более двух месяцев непрерывно подвергалась массированным ракетно-бомбовым ударам (военная операция НАТО против Союзной Республики Югославия началась 24 марта 1999-го). Главная задача в то время состояла в том, чтобы прекратить бомбардировки, поставившие один народ — сербов на грань национальной катастрофы во имя «спасения» другого народа — албанских косоваров.

Резолюция 1244, собственно, и явилась ценой прекращения бомбардировок. Она закрепила за ООН и ее Советом Безопасности центральную роль в урегулировании и санкционировала наземное присутствие международных миротворческих сил под названием Силы для Косово (СДК), а также развертывание гражданской Миссии ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК). По сути дела, Белград силой принудили покинуть часть своей территории и согласиться на замену собственного военного присутствия на иностранное – СДК, ведомые НАТО.

С тех пор руководители МООНК, признаваемой упомянутой резолюцией в качестве высшей политической и административной власти в Косово вплоть до определения его окончательного статуса, исподволь, но последовательно проводят курс на максимальное обособление Косово от Сербии и создание на территории бывшей Югославии еще одного независимого государства. Бывший министр иностранных дел Словакии Эдуард Кукан, в 2000–2001 годах неоднократно посещавший Косово в качестве спецпредставителя Генерального секретаря ООН, так охарактеризовал ситуацию: «Забавно было видеть, как бывшие боевики, сменившие пятнистую форму на цивильные одежды, теперь уже с дипломатическими улыбками, но столь же категорично требуют полной независимости».

Несмотря на декларации о создании в Косово демократического мультиэтнического общества, обстановка для сербского меньшинства остается там крайне опасной. Не решены основные проблемы мирного урегулирования: возвращение более 200 тысяч неалбанских беженцев и временно перемещенных лиц, предоставление равных условий безопасности и свободы передвижения для представителей национальных меньшинств, создание подлинной многонациональной среды. В результате массового вытеснения неалбанского населения на большей части территории сложилось этнически гомогенное албанское пространство.

Последовательно реализуя установки на независимость, косовские албанцы всеми средствами (вплоть до актов насилия против сербов) стремятся поддерживать международный интерес к Косово. Действия экстремистов преследуют цель продемонстрировать, что если дело не пойдет по «обособленческому» сценарию, то жестокие межэтнические столкновения, подобные мартовским 2004-го, возобновятся. В этих условиях Запад серьезно опасается непредсказуемости поведения своих воинственно настроенных албанских протезе, готовых применить

силу не только против сербов. А это означало бы полный провал всей политики НАТО в косовском конфликте с далеко идущими последствиями для других очагов региональной напряженности. В этой связи становится понятной тактика мощного давления на ослабленную Сербию, выдвинувшую для Косово компромиссную формулу: «больше, чем автономия, меньше, чем независимость».

Подводя итог ретроспективному рассмотрению косовского случая, следует отметить, что окончательный статус этой территории, по сути, изначально был предreshен сочетанием следующих трех важнейших факторов внутреннего и внешнего порядка:

- требования албанского национального меньшинства в Югославии, сопровождающиеся применением методов насилия и шантажа международного сообщества;
- совпадение на тот момент интересов США и Европы, продиктованных простой политической целесообразностью, в устранении националистического режима Милошевича;
- возможность без риска глобальной конфронтации навязать эту целесообразность военно-политическим путем в условиях нового расклада сил на международной арене.

КАВКАЗ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Динамика грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов, приведших к образованию двух так называемых «непризнанных государств», демонстрирует целый ряд аналогий с Косово. А имеющиеся различия, на мой взгляд, только подтверждают необходимость проведения упорядоченной международной универсализации принципов, положенных в основу урегулирования подобного рода внутригосударственных конфликтов.

В конце 1980-х в обоих случаях был самым грубым образом осуществлен переход к унитаризму. Поводом к новой вспышке застарелых межэтнических распрей послужила отмена соответствующими центральными правительствами широких привилегий, которыми пользовались национальные меньшинства, как в федеративном государстве — Югославии, так и в субъекте Советского Союза — Грузии. То есть отпадение Южной Осетии и Абхазии началось в период, когда Грузия не была независимым государством. И это важно подчеркнуть в связи с аргументами о ее территориальной целостности.

В 1989–1990 годах, еще до распада Союза ССР, Верховный Совет Грузинской ССР принял решения, направленные на отмену

Конституции Грузинской ССР 1978-го и восстановление действия Конституции Грузинской Демократической Республики 1918-го, исключавшей существование территориальных автономий. В ответ на это в июле 1992 года Сухуми объявило об отмене Конституции Абхазской автономной республики в составе Грузинской ССР и о восстановлении действия абхазской Конституции 1925-го, провозглашавшей суверенитет Абхазии.

По сходному сценарию развивались события и в Южной Осетии, когда грузинские власти в конце 1989 года ввели в Цхинвали формирования МВД Грузии, а в ноябре 1990-го Верховный Совет Грузии принял закон об упразднении Юго-Осетинской автономной области, что привело к вспышке боевых действий. На этом фоне 19 января 1992 года в Южной Осетии состоялся референдум, в ходе которого население проголосовало за независимость и присоединение к России. Спустя несколько месяцев Верховный Совет Республики Южная Осетия принял Акт о государственной независимости.

Точно так же как в Косово, на территории бывшей Грузинской ССР внутренние конфликты прошли тяжелые военные фазы с большим числом жертв и трагическими гуманитарными последствиями для грузинского и абхазского населения. Из 550 тыс. граждан довоенной Абхазии 7 тыс. человек было убито, 200–250 тыс. составляли беженцы преимущественно грузинской национальности. Аналогию с Косово можно видеть еще и в том, что оба этих конфликта были заморожены с вовлечением внешних сил, которые и обеспечили себе ведущую роль в процессе урегулирования. В косовском случае это государства – члены НАТО при маргинальной роли России в миротворческих форматах и механизмах урегулирования. В грузино-абхазском – Россия при столь же маргинальной роли Запада. Причем согласие на действующие форматы политического урегулирования было дано обеими сторонами и зафиксировано в целом ряде международных документов.

Если Косово в течение семи лет формально находится под юрисдикцией Организации Объединенных Наций, то к ситуации в Абхазии также применима резолюция Совета Безопасности ООН 858 (1993). В соответствии с этой резолюцией учреждена Миссия ООН по наблюдению в Грузии (МООНГ), которая функционирует по настоящее время. Кроме того, Организация Объединенных Наций вовлечена и через спецпредставителя Генерального секретаря ООН, возглавляющего Координационный совет грузинской и абхазской

сторон с участием ОБСЕ, России, Великобритании, Германии, Франции и США. Размещенные в зоне грузино-абхазского конфликта Коллективные силы по поддержанию мира, укомплектованные российскими миротворцами, имеют мандат СНГ, который взаимосвязан с мандатом МООНГ. Такая увязка вновь подтверждена резолюцией СБ ООН 1666 от 31 марта нынешнего года.

Что касается Южной Осетии, то и в этом случае четырехсторонний механизм урегулирования – Смешанные силы по поддержанию мира и Смешанная контрольная комиссия (СКК), – созданный при посредничестве России в 1992-м, дополняется усилиями международных организаций. С декабря 1992 года в Грузии и в Южной Осетии работает миссия ОБСЕ, с 1999-го в работе СКК в качестве наблюдателей участвуют представители Еурокомиссии.

Однако главным, в чем сходятся рассматриваемые ситуации следует, пожалуй, считать политическую волю этнической общности, гомогенно населяющей территории Косово, Абхазии, Южной Осетии и составляющей там национальное большинство. Референдумы подтвердили наличие такой воли, причем гораздо убедительнее, чем проведенный под эгидой Евросоюза плебисцит по Черногории, получивший признание международного сообщества. Более того, многие годы раздельного существования албанцев и сербов в Косово, грузин, абхазов и осетин в Грузии вкупе с тяжелым наследием прошлых трагедий и старых счетов создали во взаимоотношениях этих народов психологическую атмосферу недоверия, подозрительности и даже вражды.

На указанных территориях государственность складывалась таким же образом и в тех же временных рамках, что и во всех постсоветских республиках. Геополитическая реальность такова, что Абхазия уже более десяти лет вполне успешно существует как независимое государство со всеми атрибутами власти, сформированными с соблюдением демократических стандартов, с собственной армией и другими силовыми структурами. Ее экономика самостоятельно функционирует в отрыве от Грузии. Абхазы однозначно ассоциируют себя с гражданством в собственном национальном государственном образовании, многие связывают свою дальнейшую судьбу и экономическое благосостояние с включением этой республики в состав России. Но на нынешнем этапе требование признать независимый статус Абхазии является первостепенным.

Большинство абхазов воспринимают отказ в праве на независимость как удержание целого народа в «плёну сталинских границ». В

беседе с экспертом по Кавказу, сотрудником Института войны и мира Томом де Ваалем президент непризнанной Республики Абхазия Сергей Багапш подчеркнул, что Абхазия имеет больше оснований получить независимый статус, чем Косово, поскольку она силой была присоединена к советской Грузии. Соглашаясь с тем, что состоятельность этого аргумента можно оспаривать, де Вааль в газете *Financial Times* все же отмечает, что «не встречал ни одного человека в Абхазии, кто видел бы свое будущее вновь в составе Грузии».

Стремление к воссоединению с Россией особенно сильно в Южной Осетии — территории, экономически весьма слабой и населенной народом, родственно связанным с Северной Осетией. Жители Южной Осетии считают себя вынужденно отделенными от своих «кровных братьев» в силу субъективных и несправедливых исторических причин.

ПОЗИЦИИ «МЕТРОПОЛИЙ»

При всем сходстве ситуаций в Косово, Абхазии и Южной Осетии как независимых государств де-факто (юрисдикция ООН над Косово лишь формально прикрывает этот статус) имеется одно весьма существенное различие. Речь идет о несовпадении подходов Сербии и Грузии, то есть государств титульной нации.

Окончательное решение по статусу Косово — серьезное испытание для демократических сил Сербии, пришедших на смену авторитарному режиму Милошевича. Для новых властей согласиться на отторжение исторической колыбели сербской культуры и православия равносильно тому, чтобы навлечь на себя опасность быть свергнутыми под напором великосербского национализма. Оказать сопротивление нажиму извне — значит отказаться от надежд на начало переговоров о членстве в Европейском союзе, в то время как все другие Балканские страны, в том числе бывшие югославские республики, двигаются в этом направлении. В данном случае, как и в ситуации с отделением Черногории от Сербии, вступление в ЕС служит хорошей приманкой, стимулирующей завершение «балканизации».

Однако при всей сложности момента сербское руководство проводит достаточно трезвую, взвешенную линию, принимая в расчет тяжелое наследие правления Милошевича и реально складывающуюся обстановку в Косово и вокруг него. Во главу угла возможного компромисса оно ставит высокие демократические стандарты по обеспечению в Косово законных прав сербов, защите православных святынь и децентрализации краевой власти. Эти проблемы так и ос-

таются нерешенными, несмотря на многочисленные декларации и обещания администраторов ООН и командования СДК. Данные вопросы возглавляют сейчас повестку дня на проходящих в Вене прямых переговорах между сербской и албанской сторонами при посредничестве спецпредставителя Генерального секретаря ООН.

Совершенно иначе складывается переговорный процесс по Абхазии и Южной Осетии. Тбилиси твердо стоит на позиции территориальной целостности Грузии, но именно в тех границах, в которых она находилась в составе Советского Союза, предлагая абхазам и осетинам «широкую автономию». Сухуми и Цхинвали считают непременным условием урегулирования международную легитимацию их де-факто независимого статуса в качестве логического завершения распада СССР при полном обеспечении национальных прав грузинского населения.

Судя по всему, шансов на преодоление противоречий в позициях сторон все меньше, а обстановка накаляется все сильнее. Линия поведения Тбилиси, всегда трудно предсказуемая и зигзагообразная, с приходом к власти Михаила Саакашвили становится все более деструктивной. Участились факты нарушения действующих соглашений и режима безопасности в зоне конфликта, усиленно наращиваются наступательные вооружения, мишенью провокаций оказываются миротворцы, к которым предъявляются неправомерные требования, раздается воинственная риторика. Все это дает абхазам и осетинам основание полагать, что руководство Грузии сделало выбор в пользу силового сценария, для чего в первую очередь необходимо разрушить действующие механизмы урегулирования и скомпрометировать миссию российских миротворцев. Постановление парламента Грузии «О миротворческих силах в конфликтных зонах» обязывает правительство начать процедуры по скорейшему выводу из Абхазии и Южной Осетии российских миротворцев, аннулированию соответствующих международных договоров и структур с последующей заменой их на новый формат с размещением «международных полицейских сил». Намечившееся сближение Грузии с НАТО только подхлестывает наиболее радикальные элементы в руководстве страны.

Между тем опыт миротворческих операций в других районах мира говорит о том, что их успешное завершение невозможно без заинтересованности каждой из сторон конфликта поддерживать по ходу переговоров атмосферу доверия, воздерживаться от шагов, ко-

которые могут оказаться неправильно истолкованными. Именно в обстановке такой заинтересованности проходила, за редкими случаями быстро устранявшихся осложнений, реинтеграция Восточной Славонии в состав Хорватии под эгидой Временной администрации ООН и при непосредственном содействии России, которая участвовала в военном и гражданском компонентах этой операции.

Другой вариант успешной миротворческой операции — добровольное принятие сторонами конфликта условий «навязанного урегулирования». Эти операции известны под названием «принуждение к миру» (*enforcement for peace*) и, как правило, связаны с «государственным строительством» (*nation building*). Характерный пример такой операции — Дейтонские соглашения о мирном процессе на территории Боснии и Герцеговины, положившие конец гражданской войне (1992–1995) в бывшей Югославии. Гарантией выполнения этих соглашений послужили развернутые там в 1996 году многонациональные силы под руководством НАТО, имевшие «жесткий мандат», в том числе в отношении применения силы. Такой мандат придавал дополнительный рычаг воздействия верховному представителю, наделенному международным сообществом особыми функциями, близкими к генерал-губернаторским.

Миротворческие операции в Абхазии и Южной Осетии осуществляются по более узкому мандату и в рамках международных механизмов, не предусматривающих навязывание тех или иных решений какой-либо из сторон. В обоих случаях Россия выступает только как содействующая сторона в урегулировании обоих конфликтов. Мандат самих миротворцев сводится главным образом к разъединению сил, поддержанию режима безопасности и невозобновлению огня.

С учетом отличий по содержанию мандатов и механизмов урегулирования выпады грузинского руководства против России, обвинения ее в обструкции миротворческого процесса обнаруживают стремление любой ценой навязать другой формат, предусматривающий функции принуждения, разумеется, в отношении «сепаратистов». В то же время хорошо известно, что изменение мандата предполагает в качестве обязательного условия согласие обеих сторон. Но ни Абхазия, ни Южная Осетия такого согласия не дают, не без основания опасаясь, что уход российских миротворцев может возыметь катастрофические последствия для гражданского населения, приведет к широкой дестабилизации. Постановление грузинского парламента расценено в непризнанных респуб-

ликах как шаг, свидетельствующий о намерении официального Тбилиси решать проблему военным путем.

Реальная ситуация вокруг урегулирования национально-территориальных конфликтов на Южном Кавказе таит в себе угрозу перерастания в перманентный очаг региональной напряженности. В стремлении во что бы то ни стало продавить нужное решение Грузия, видимо, исходит из того, что затяжка с восстановлением территориальной целостности еще на несколько лет чревата увековечиванием статус-кво с последующим его международным признанием. Есть и внутривластные соображения: необходимо подкрепить переживающий трудности правящий режим хорошо испытанными в прошлом националистическими аргументами. Но дело не только в этом. В полном соответствии с косовским сюжетом важную роль здесь играют внешние факторы.

Развитие обстановки вокруг непризнанных государств — Абхазии и Южной Осетии — зачастую отражает логику старой «игры с нулевой суммой» (*zero sum game*), но уже в новых неконфронтационных условиях. Вызывающие действия Тбилиси в отношении российских представителей едва ли могли быть возможны без открытой поддержки или попустительства со стороны Соединенных Штатов. Если политика Вашингтона действительно направлена на то, чтобы в пику России «подтягивать» Грузию к членству в НАТО, даже закрывая глаза на явные несоответствия установленным критериям, в Тбилиси это не преминут истолковать и как карт-бланш на одностороннее решение проблемы Абхазии и Южной Осетии. Неверные выводы о характере международной поддержки будут и дальше толкать грузинское руководство на непродуманные действия, что чревато усилением военной напряженности во всем регионе.

По мере ухудшения обстановки на месте, в самой зоне конфликта, а также ужесточения переговорных позиций сторон в деликатной ситуации оказывается прежде всего Российская Федерация, как соседнее государство, наиболее глубоко вовлеченное в процессы урегулирования. Уже в силу географического положения России конечный исход и способы разрешения конфликта имеют для нее жизненно важное значение, может быть даже большее, чем Косово для Европы.

Сегодня политическое содержание российской позиции сводится к признанию двух принципов — территориальной целостности с оговоркой, что в случае Грузии это лишь возможное состояние, но не «политико-правовая реальность», и права на самоопределение.

Причем последний принцип пользуется отнюдь не меньшим признанием со стороны международного сообщества. Тем самым Москва дает понять, что принцип территориальной целостности не абсолютен и не действует автоматически.

Такая двуединая позиция оставляла определенное поле для маневра. Но это поле все больше сужается, и все вероятнее становится опасность для России оказаться зажатой в тисках между двумя крайностями, если обе стороны — абхазо-осетинская и грузинская — возложат на нее ответственность за замораживание конфликта.

Деликатность ситуации состоит в том, что каждая из двух возможных развязок — в пользу территориальной целостности или в пользу отделения — сопряжена для Москвы как с плюсами, так и с минусами. Однозначных преимуществ не просматривается ни в том, ни в другом случае.

В бурлящем этническом котле Кавказа, где все тесно переплетено и взаимосвязано, силовое принуждение Абхазии и Южной Осетии к возврату в лоно Грузии неминуемо создаст новые очаги напряженности на юге России — в Северной Осетии, Адыгее, Чечне, Карачаево-Черкесии и далее по цепочке. Рассчитывать же при этом на лояльность Тбилиси не приходится. При всем при том ответственность за судьбу местных малых народов в новых условиях имеет для России и моральный аспект. Российское государство, как и любое другое, обязано защищать интересы своих граждан, коими, насколько известно, является значительная часть населения Абхазии и Южной Осетии, которое было лишено права на демократическое волеизъявление в рамках Советского Союза и — позднее — независимой Грузии.

Абхазам и осетинам никто пока вразумительно не ответил, почему косовары и черногорцы имеют право на отделение, а они — нет. Ссылки на «уникальность» косовского случая звучат для жителей непризнанных республик неубедительно. К тому же в случае оформления независимости Косово де-юре парадоксы реальной политики по национально-территориальной проблеме будут слишком очевидны даже для непрофессиональных политиков. С одной стороны, США и Европа в наказание неугодного им «деспотического» режима в Сербии способствуют ползучему отторжению от нее части территории, а с другой — та же группа самых влиятельных государств лишает иные народы права на отделение, поддерживая угодный им «демократический» режим в Грузии.

Как бы то ни было, в свете реалий постконфронтационной политики в международной повестке дня все более актуальным становится вопрос: существуют ли все-таки критерии, позволяющие найти справедливое соотношение между принципами территориальной целостности и национальным самоопределением?

Разумеется, отделение во имя отделения — порочный путь, ведущий к мировому хаосу. Есть иные формы самоопределения, как, например, культурная автономия, различные типы федеративного и конфедеративного государственного устройства, варианты национально-территориальных образований, пользующихся разной степенью экономической самостоятельности, и, наконец, межгосударственная интеграция с добровольным делегированием центру части национального суверенитета. Но во всех этих случаях решающими условиями являются высокая степень доверия между государствообразующей нацией и национальным меньшинством, гарантия равных конституционных прав и свобод, уверенность в наличии здравого смысла у центральных властей, в их способности обеспечить всем своим гражданам достойную жизнь.

Примерами цивилизованного разрешения существующих национальных проблем могут служить Канада и Испания. Итоги референдума в Квебеке показали, что франкоязычное население доверяет историческому государству, в котором проживает. Расширение автономии Каталонии, получившей статус отдельного национального образования внутри страны, также свидетельствует о том, что самоопределение не сводится только к обретению государственной независимости.

В то же время мировое сообщество не может не видеть случаи, когда в силу непреодолимых межнациональных проблем самого разного характера — исторического, психологического, имущественного — отделение национального меньшинства больше соответствует устоявшимся реалиям, чем сохранение непризнанного статус-кво на неопределенное время. К таким случаям и относятся, на мой взгляд, в целом однотипные национально-территориальные конфликты в Косово, Абхазии и Южной Осетии. Ответственность за сложившееся положение в большей степени несут в конечном итоге центральные власти, оттолкнувшие от себя своих граждан высокомерной шовинистической политикой. И главным критерием здесь должно быть достижение международного консенсуса о правовом оформлении отделения национальных меньшинств на базе соблюдения общепринятых демократических и гуманитарных стандартов.

Рецензии

Рис. Херлуфа Бидструпа

“ Потеряло свою актуальность само противопоставление: или холодная война — или единство интересов и интеграция. Россия нащупывает сегодня новые формы взаимоотношений с Западом — явно конфликтные и основанные на довольно жесткой борьбе, но имеющие мало общего с минувшей холодной войной ”

Тяжкая юность капитализма

Евгения Обичкина

200

«Великая страна или великая держава?»

Игорь Федюкин

205

Тяжкая юность капитализма

Евгения Обичкина

Е.М. Кожокин История бедного капитализма. М.: РОССПЭН, 2005. 368 с.

Эпоха бедного капитализма, которой посвящена книга директора Российского института стратегических исследований Евгения Кожокина, — особый исторический период, молодость современного буржуазного общества. Это — время первоначально накопления и промышленного переворота в условиях, когда общественный вес предпринимателя долго уступал престижу старых землевладельческих элит. Это — скредность и эгоизм, доходивший до жестокости. Это — строжайшая экономия, сопровождавшая социальное восхождение предпринимателей из народа. Но прежде всего, бедный капитализм — это скудное существование и даже нищета огромной массы работающего населения, постепенно осмыслившего себя в качестве рабочего класса.

В академических кругах работа Кожокина вызвала достаточно ост-

рую полемику и даже критику. Неприятие, исходившее в основном от сторонников постмодернизма, касалось главным образом методологии исследования: автора упрекнули в неизжитом марксистском подходе. Его сравнили с человеком, проспавшим 10 лет (имелось в виду десятилетнее «хождение во власть») и поэтому не вписывающимся в русло передовой исторической науки. На самом же деле монография свидетельствует о возрождении «русской школы» рубежа XIX—XX веков — действительно иной, но, думается, отнюдь не устаревшей историографической традиции.

В последней четверти прошлого века под влиянием постмодернистских концепций и перестройки российского исторического сообщества отошло от прогрессистской (будь то позитивизм или марксизм-ленинизм) парадигмы с ее заданной, но обнадеживающей перспективой исторического развития. Говорить о «темной» стороне рыночной эконо-

Е.О. Обичкина — д. и. н., доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД РФ.

мики было не принято. В кругу либерально-демократической интеллигенции, поставившей кадры для политической и экономической элиты 1990-х годов, критика капитализма ассоциировалась с вузовским «научным» коммунизмом. «Мы остались наедине с историей и со своей интеллектуальной ответственностью», — констатирует автор (с. 3). Упоминание об интеллектуальной ответственности историка кажется в данном случае очень важным. По сути, это *la raison d'être* самой книги.

Историк задает вопросы прошлого, чтобы разглядеть будущее. «Капитализм на Западе давно пережил стадию нищеты. Мы ее переживаем сегодня, но переживаем по второму кругу, так как Россия вкусила от прелестей бедного капитализма еще на рубеже XIX–XX вв. [...] Чтобы *понять* (курсив Кожокина. — Е.О.), в каком обществе предстоит нам жить, *необходимо* (курсив мой. — Е.О.) рассмотреть разные фазы развития капитализма, специфику социально-экономических и социально-психологических процессов в эпоху ограниченных финансовых возможностей у правящего класса и его ничем не ограниченных порывов к гедонизму, несложившейся культуры политического маневрирования, неумения пойти на уступки».

Болевая точка сегодняшней России — растущее социальное отчуждение, ощущение социальной деградации у многочисленных «пасын-

ков» российского капитализма и, как следствие, рост социальной напряженности. Как преодолеть эти пороки бедного капитализма? В свете вышесказанного опыт Франции, история возникновения в этой стране «рабочего вопроса» и анализ путей его решения представляют особый интерес, поскольку, во-первых, цепь социальных кризисов и революций сделала французское государство на рубеже XVIII–XIX столетий европейской «общественной лабораторией», а во-вторых, там «даже в эпоху бедного капитализма *подчинение общественной жизни рациональным принципам конструирования* обрело поразительные масштабы» (с. 3). Воссозданный в книге многогранный социальный пейзаж Франции конца XVIII — первой половины XIX века отражает множество нюансов классовой дифференциации. Ведь речь идет о времени, отмеченном обновлением традиционных социальных групп дореволюционной Франции, причудливым переплетением старых и новых черт идентификации, сочетанием центробежных и центростремительных тенденций социальной стратификации.

В центре внимания исследователя — становление основных общественных групп (буржуазия и рабочий класс), трансформация гражданского общества и роль государства в социально-экономической сфере, взаимодействие трех уровней общественно-го здания, причем последнее кажется

особенно важным с концептуальной точки зрения. Но главным объектом авторского интереса являются беднейшие — промышленные рабочие. Общество предстает как кокон, из которого постепенно выпростался рабочий класс. Из четырех глав работы две (гл. 2 и гл. 4) полностью посвящены генезису, особенностям менталитета, специфическим формам протеста, революционному опыту предпролетариата, а также проблемам становления в годы промышленного переворота социального сознания, организациям и идеологическим влияниям в рабочей среде. В двух оставшихся главах едва ли не половина материала так или иначе связана с рабочей проблематикой.

Рабочий класс исследуется в широком социально-экономическом, политическом, идейном и ментальном контексте в качестве исторической реальности. В отличие от «универсального» марксистско-ленинского подхода, во главу угла которого поставлены отношение к собственности и место в системе разделения труда, класс для автора — это прежде всего «особая форма самоорганизации макрогруппы» (с. 328). (Методология исследования социальных трансформаций, избранная ученым, пожалуй, тяготеет к социологическому анализу Пьера Бурдьё, хотя сам Кожокин во введении отказывается от использования социологических методов анализа в историческом труде.)

Согласно авторской концепции, время промышленного переворота — уникальный период становления рабочего класса в качестве отдельной макрогруппы, которую отличают особая культура, специфическое сознание и интересы. Это единство, как и классовое строение общества, не универсально. Исследователь считает, что социальная реальность, обозначенная понятием «класс», равно как и само это понятие, давно принадлежит истории и соответствует эпохе бедного капитализма, которую сменило общество потребления.

В книге показано, как новая социальная матрица — «класс», — пришедшая на смену сословиям «старого порядка» и обоснованная физиократами, а позже и либералами-доктринерами, постепенно утверждалась в массовом сознании. Самоидентификация рабочего класса исследуется автором через анализ череды самоназваний и ряд антитетических пар, разделенных понятиями «они» и «мы». Осознание собственной идентичности, отход массы рабочих от партикуляристских и популистских представлений, преобразование разрозненных микрогрупп предпролетариата в единую общность исследователь относит к середине 40-х годов XIX столетия.

В анализе сознания и социального протеста пролетариата важен вывод Кожокина о том, что французский рабочий класс в период своего становления (в годы революции в кон-

це XVIII в. и в первой половине XIX в.) был органической частью гражданского общества, а его активное ядро — неизменным участником национальных битв за республику, всеобщее избирательное право и гуманизацию капитализма. Сделан важный и актуальный вывод: прогресс в решении рабочего вопроса неотделим от прогресса гражданского общества. Недостаток политической воли и небрежение к социальным проблемам, проявленное либеральными правительствами периода Июльской монархии (1830–1848), как показано в книге (глава 3, § 3), породили рабочую революцию 1848-го с ее требованием «социальной республики».

Авторское стереоскопическое видение проблемы позволяет рассмотреть в различных ракурсах взаимодействие трех акторов: наемных рабочих, буржуазии и государства. Особое внимание ученый обращает на роль интеллектуалов, социальных мыслителей и революционеров-практиков, стремившихся вовлечь новую социальную силу в свои проекты общественного переустройства. Он задается вопросом о том, «как соотносились искреннее желание помочь пролетариям и стремления с их помощью обрести власть» (с. 316).

Многогранная картина, над которой трудился автор, требовала обращения к самым разнообразным источникам. Это архивные материалы, публикации законодательных актов,

статистика, материалы различных государственных органов, связанных с экономикой и финансами, современная пресса, труды по философии, экономике и праву, анкеты о положении рабочего класса, наказания, петиции, документы рабочих и социалистических организаций, публицистика, мемуары и художественная литература, а также толковые словари, энциклопедии и технологические трактаты исследуемого периода.

Исследовательский материал, синтезированный в книге о бедном капитализме, собирался в течение длительной научной карьеры Кожокина и уже нашел выход в серии статей, посвященных проблемам социального становления и самосознания рабочего класса, и трех монографиях: «Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года» (М., 1985), «Государство и народ: от Фронды до Великой французской революции» (М., 1989) и главы в коллективной монографии «Буржуазия и Великая французская революция» (М., 1989). Новую книгу отличают оригинальный авторский замысел, иные концептуальные задачи, иной пафос, который можно было бы назвать филантропическим, если бы в основе его не лежали заботы государственника, ощущающего личную ответственность за судьбу посткоммунистической России, в становлении политической системы которой он непосредственно участвовал.

Можно ли применить западноевропейский исторический опыт к современной национальной проблематике? Изучить его, по крайней мере, поучительно. Дидактическое значение исследования – в постановке актуальных общественных вопросов, в приглашении к размышлениям о вариантах исторического развития. Бедный капитализм, которому были свойственны, с одной стороны, пауперизация и радикализация рабочего класса, с другой – либеральный эгоизм буржуазии и государства (особенно в годы Июльской монархии), «должен был либо гуманизироваться, либо погибнуть и уступить место иной социально-экономической системе...

1848, затем 1871 г. (Парижская Коммуна) дали сильнейший импульс для внутренней трансформации капитализма. В XX в., а фактически с конца XIX в. на Западе началось размывание классовой структуры общества» (с. 331). Следующим этапом стал переход от бедного капитализма к обществу потребления, и он занял полвека неустанной социально-политической борьбы. Политический вывод Евгения Кожокина – «необходимость новой волны гуманизации капитализма», особенно в России, где пороки бедного капитализма усугубляются диспропорциями общества потребления и социальным эгоизмом нового правящего класса.

«Великая страна или великая держава?»

Игорь Федюкин

Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: издательство «Европа», 2006. 404 с.

Проблема интеграции России в западное сообщество выглядит сегодня не слишком актуальной: и в Москве, и в Брюсселе признают, что вступление Российской Федерации в Европейский союз либо в НАТО в сколько-нибудь обозримом будущем практически невозможно; все чаще приходится слышать и о том, что оно не только невозможно, но и нежелательно.

Напротив, в своей новой книге Дмитрий Тренин утверждает, что интеграция России в «западное общество» — это единственно возможный путь развития страны. Под интеграцией, впрочем, он понимает «не физическое присоединение к тем или иным международным организациям, а создание внутри страны современных институтов, обеспечивающих конкурентоспособность. Иными словами, проблема не в том,

закрепится ли Россия “в составе Запада”, а в том, закрепятся ли современные институты, технологии, практики внутри России» (с. 11).

Автор книги считает, что глобализация, то есть распространение на другие регионы мира норм устройства общества, государства и экономики, которые впервые сложились в западном сообществе, неизбежно продолжится. Россия не может и не должна оставаться в стороне от этой тенденции. Альтернативой такой интеграции — по сути, дальнейшей внутренней модернизации страны — будет национальная катастрофа: «маргинализация страны, превращение ее не в смешную и неуклюжую “Азиопу”, а во вполне конкретный Евро-Китай» (с. 12); «увеличение отставания от передовых стран, превращение Российской Федерации в задворки и Европы, и Азии в условиях глобализации могут привести к распаду страны, превращению [...] в *failed state* середины XXI века» (с. 211).

И.В. Федюкин — заместитель редактора отдела «Мнения и комментарии» редакции газеты «Коммерсантъ».

Между тем важность «современных институтов, обеспечивающих конкурентоспособность», необходимость модернизации общества и государства не ставятся под сомнение никем, включая и наиболее конфронтационно настроенных по отношению к Западу представителей российского руководства. Вопрос в том, что будет означать подобная интеграция с точки зрения российской внешней политики и отношений России с ведущими государствами мира.

По мнению Тренина, существует набор характерных признаков, которые и «делают Запад Западом». Часть их относится к внутривнутриполитическому устройству: это институты («система институтов, обеспечивающих свободу личности, защиту частной собственности, верховенство закона, политический плюрализм и пр.»), «ценностные ориентации», «демократическая полития» (развитая многопартийность, сменяемость власти, свобода СМИ), экономическое благосостояние. Но, полагает ученый, все эти свойства определяют и характер отношений между «государствами Запада»: «самосознание, чувство общности судьбы», «внутренний мир» (отголосок давнего тезиса о том, что «демократии не воюют друг с другом») и признание «американского лидерства» (с. 46–52).

Значит ли это, что отношения между государствами внутри данной международной системы будут в

принципе бесконфликтными, то есть такими же, какими являются, например, отношения между странами — членами сегодняшнего Евросоюза или даже отдельными субъектами Российской Федерации? Тогда вопрос о будущем российской внешней политики как бы отпадет сам собой. Единство принципов внутреннего устройства исключит как критику в адрес России по поводу «подавления свобод», так и необходимость реагировать на подобное порицание; признание главенства международных норм и организаций в области урегулирования торговых отношений и верховенства США в сфере безопасности снимет остроту торговых и геополитических противоречий. Тренин без обиняков заявляет: «Для того чтобы стать современной успешной страной в глобальном мире, Россия должна будет поделиться частью своего суверенитета... с международными институтами. “Полный” суверенитет страны и ее высокий статус в мире перестали к началу XXI столетия выступать в единой связке» (с. 75).

На практике, однако, ситуация гораздо сложнее. Слишком просто и предлагаемое автором прочтение нынешнего сдвига полюсов экономической (а следовательно, и политической) мощи. По его словам, «на наших глазах формируется новый, третий по счету [...] мировой Запад. Он уже включает Европейский союз, Северную Америку, Японию, Юж-

ную Корею, Австралию и во все большей степени старый европейский Восток и Турцию. Островки Запада существуют в китайском мире [...] в Индии. Вестернизация начинает затрагивать Ближний и Средний Восток» (с. 361). Превращение Китая в глобальную сверхдержаву, формирование оси Юг – Юг и прочие признаки утери географическим Западом монопольного статуса мирового центра воспринимаются Трениным как триумф глобализации, а значит, и как триумф западных норм не только внутривосточного устройства, но и международных отношений: «В XXI столетии главным фронтиром (зона освоения. – **Ред.**) процесса глобализации стала Азия, и прежде всего Китай» (с. 11).

Историю новейшей российской внешней политики ученый описывает в рамках той же схемы. Россия пока не смогла (прежде всего в силу традиционно сильного антизападного настроения) безоговорочно взять курс на интеграцию. В результате страна «застряла на переходе», не двигаясь вперед на Запад, но и не скатываясь к откровенно антизападной политике иранского либо северокорейского образца, то есть к маргинализации. Между тем «системность не тождественна интегрированности» (с. 288).

Тем не менее перспективы выглядят довольно оптимистично: «в стране постепенно укрепляются основы частной собственности снизу... част-

ные интересы миллионов людей становятся все более четко выражены. Эти крепнущие и всё более конкретные интересы вступают в столкновение с косной, унаследованной от царизма и коммунизма системой управления»; «новые общественные силы – средние и мелкие предприниматели, профессионалы, другие представители средних слоев [...] озабочены продвижением своих интересов на том уровне, где сами живут и действуют» (сс. 363–364). Судя по всему, подобная «модернизация снизу» должна привести сначала к внутренней трансформации общества и государства, а затем и к развороту российской внешней политики в сторону более решительной интеграции с Западом.

Представленный в книге анализ внешней политики России и ее отношений со странами Запада выглядит не вполне адекватным. Ведь поскольку Тренин завершил работу над монографией в конце 2005-го, в ней не освещены важные реалии текущего года: ни январский газовый конфликт с Украиной, ни концепция «энергетической сверхдержавы», ни доктрина «обмена активами» и др., а теме «энергетической безопасности» уделено всего полторы страницы. Говорится о «прагматичной оперативной политике, лишенной долгосрочной стратегии и перспективного видения целей» (с. 292). О том, что «Москва не находится в противостоянии с другими ведущими

ми державами. Возврат к холодной войне в подлинном смысле слова практически невозможен. Не будучи интегрированной в систему ЕС или военно-политических союзов с США, Россия стремится к исключительности и клубности в отношениях с Западом... высшим достижением путинского периода может стать принятие ее в ВТО, аналогичная по характеру цель для четвертого-пятого президентств — вступление в ОЭСР» (с. 147). Сегодня эти утверждения безнадежно устарели.

И дело здесь даже не в том, что, например, «возврат к холодной войне» год назад казался невозможным, а ныне он представляется вполне вероятным (на него даже указывал, выступая в Вильнюсе, вице-президент США Дик Чейни). Потеряло свою актуальность само противопоставление: или холодная война — или единство интересов и интеграция. Оперировать подобной терминологией (что и делают некоторые российские и американские политики) — значит непозволительно упрощать ситуацию в своих собственных целях. В настоящее время Россия нащупывает новые формы взаимоотношений с Западом — явно конфликтные и основанные на довольно жесткой борьбе, но имеющие мало общего с минувшей холодной войной.

Сходные процессы идут и в Азии, и в Латинской Америке. По мере нарастания экономической мощи

региональных лидеров у них явно просыпаются и глобальные амбиции. Автор совершенно справедливо отмечает, что интегрировать эти «сравнительно крупные автономные величины», «культурно незападные» страны в традиционные структуры, придающие Западу формальное институциональное единство (НАТО или ЕС), не удастся и потому встает вопрос о «возможности, способах и формах *неинституционализированной интеграции*» (с. 55). Это, однако, явная недооценка проблемы. Вполне вероятно, что речь в обозримом будущем пойдет о новых видах не интеграции, а, наоборот, противостояния. Последнее, правда, вполне может иметь «системные», в терминологии Тренина, формы, то есть не сопровождаться разрывом экономического и информационного пространства, созданием «четвертого мира» либо «пятого мира». Но автоматически ожидать от Китая, Индии и России, осознающих собственную мощь, готовности «делиться частью своего суверенитета» также не приходится.

Говоря о российской внешней политике времен министра иностранных дел Андрея Козырева, ученый отмечает, что «российские демократы не видели фундаментальных противоречий между интересами Российской Федерации и США» (с. 290). «Российские либералы и демократы не смогли найти достойного выхода из

дилеммы: “Россия – великая страна или великая держава?”. Их ответ сводился к тому, что, для того чтобы стать великой страной, России надо перестать быть (и считать себя) великой державой» (с. 355).

С тех пор прошло пятнадцать лет, а мы по-прежнему не определили для себя допустимые формы великодержавия в XXI веке. Конечно, от концепций «энергетической державы» или «суверенной демократии» можно было бы отмахнуться, как от грубой поделки российских политтехнологов, предназначенной исключительно для домашнего потребления. Однако поиск альтернативы предлагаемой Трениным интеграции

и частичному отказу от суверенитета идет не только в России.

Автор прав, когда говорит, что «в новом столетии национальную идею России предстоит освободить от “антизападного комплекса”» (с. 366). Однако оснований надеяться на то, что серьезных размолвок в ближайшие десятилетия удастся избежать, сегодня практически не осталось. Описанный Дмитрием Трениным вариант развития событий, при котором глобализационная трансформация России решит (а вернее, снимет) стоящие перед ней внешнеполитические проблемы, представляется лишь одним, и далеко не самым вероятным, сценарием.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Мартти** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл**
(в личном качестве) министр иностранных дел Швеции
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ Игорь Сергеевич**
(в личном качестве) к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ
- КАЙЗЕР Карл** профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., заместитель президента — председателя правления ЗАО «Внешторгбанк. Розничные услуги»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич академик РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
- КУЗЬМИНОВ**
Ярослав Иванович к. э. н., доцент, ректор Государственного университета — Высшей школы экономики
- ЛАВРОВ Сергей Викторович**
(в личном качестве) министр иностранных дел РФ
- ЛИВШИЦ**
Александр Яковлевич д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»

ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., депутат Государственной думы РФ
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	член-корреспондент РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент, сопредседатель «Комитета-2008»
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
ЮРГЕНС Игорь Юрьевич	к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович (в личном качестве)	к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., завкафедрой европейской интеграции МГИМО(У) МИД РФ
ВИШНЕВСКИЙ Анатолий Григорьевич	д. э. н., директор Центра демографии и экологии человека ИНХП РАН
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Института энергетики и финансов
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ШКУНДИН Марк Зусьевич	к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	президент компании ОАО «АК «Транснефть»», академик Академии горных наук
ВАРДАНЯН Рубен Карленович	президент группы компаний «Тройка-Диалог»
ВЕКСЕЛЬБЕРГ Виктор Феликсович	президент ОАО «СУАЛ-Холдинг»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	председатель совета директоров Ассоциации по защите прав инвесторов
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих <i>ИТА</i> , член совета директоров ОАО «Аэрофлот»

Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «Роспечать»,
индексы: 46708, 46709, 46710

Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»,
индексы: 15577, 11119, 16497.

Подписка на Украине, по каталогу «KSS», тел. +38(044) 464-0235

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru или письмом по адресу:

АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

(русскоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

	<p>АБОНЕМЕНТ на газету журнал</p> <div style="text-align: right;"> <input style="width: 100px; height: 20px;" type="text"/> <small>индекс издания</small> </div> <p style="text-align: center;">Россия в глобальной политике</p> <p style="text-align: center;"><small>(наименование издания)</small></p> <div style="text-align: right;"> <input style="width: 100px; height: 20px;" type="text"/> <small>Количество комплектов</small> </div> <p style="text-align: center;">на 2006 год по месяцам</p> <table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table> <p>Куда <input style="width: 100%; height: 20px;" type="text"/></p> <p style="text-align: center;"><small>Почтовый индекс (адрес)</small></p> <hr/> <p>Кому _____</p> <p style="text-align: center;"><small>(фамилия, инициалы)</small></p>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	<p style="text-align: right;">ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА</p> <table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20%;"><small>ПВ</small></td> <td style="width: 20%;"><small>место</small></td> <td style="width: 20%;"><small>литер</small></td> <td style="width: 40%;"></td> </tr> </table> <p>на газету журнал</p> <div style="text-align: right;"> <input style="width: 100px; height: 20px;" type="text"/> <small>индекс издания</small> </div> <p style="text-align: center;">Россия в глобальной политике</p> <p style="text-align: center;"><small>(наименование издания)</small></p> <p>Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. Количество комплектов _____</p> <p>_____ руб. _____ коп.</p> <p style="text-align: center;">на 2006 год по месяцам</p> <table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table> <p>Куда <input style="width: 100%; height: 20px;" type="text"/></p> <p style="text-align: center;"><small>Почтовый индекс (адрес)</small></p> <hr/> <p>Кому _____</p> <p style="text-align: center;"><small>(фамилия, инициалы)</small></p>	<small>ПВ</small>	<small>место</small>	<small>литер</small>		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
<small>ПВ</small>	<small>место</small>	<small>литер</small>																											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«РОССПЭН»

- «Книжная лавка историка» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «Книжная лавка обществоведа» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «Книжный киоск РОССПЭН» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «Ad Marginem» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «Политическая книга» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- В киосках «МН-Пресс»
- 1-й подъезд Российской Государственной Библиотеки
- В киоске «Деловые люди» 1-ая Тверская-Ямская ул., 1
- В киосках МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА
- Клуб «Проект О.Г.И» Потаповский пер., 8/12, стр.2 (тел.: 927-5609)

В Санкт-Петербурге:

- «Летний сад», Большой пр. П.С., 82 (тел.: (812) 232-2104)
- «Русское богатство» (магазин при РХГИ)
Наб. Р. Фонтанка, 15 (тел.: (812) 310-5036)
- «Книжный магазин» Лесной пр., 8 (тел.: (812) 541-8639)

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»
или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (495) 681-9137, 681-9763
Факс: (495) 681-3798
E-mail: info@periodicals.ru **<http://www.periodicals.ru>**

■ Через фирму **East View Publications**

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications
3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447, USA
Tel: 1-763-550-0961
Fax: 1-763-559-2931
E-mail: eastview@eastview.com
<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписи: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

Извещение

Форма № **пд-4**

«Фонд исследований мировой политики»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № **пд-4**

«Фонд исследований мировой политики»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки **получение в редакции**
заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)